

The illustration depicts a man and a woman in a romantic, close embrace. The man, on the left, has long, dark hair and is wearing a dark, high-collared coat with gold epaulettes and buttons. He is looking down at the woman with a gentle expression. The woman, on the right, has long, wavy blonde hair adorned with a large, vibrant pink rose. She is wearing a light-colored, possibly white or pale pink, dress with a thin yellow sash. Her eyes are cast down, and she has a soft smile. The background is a soft, glowing green and yellow, suggesting an outdoor setting at dusk or dawn. The overall style is that of a classic romance novel cover.

РИНА РЭЙН

АКАДЕМИЯ
“ИСТОН”

Каткан для новелькой
КНИГА 2

Быть новенькой в чужом мире совсем не просто.

Особенно если ты — безродная магичка с поздно проснувшимся даром, и за твоей спиной нет древнего могущественного клана, больших денег и знатного рода. А уж если ты еще и не инициированная, то будь готова к тому, что в закулисные игры тебя втянут даже против воли.

И уж совсем все плохо, если для всех ты то ли презренный враг, то ли ценный приз. Но куда хуже, когда мысли при этом заняты тем, о ком даже думать опасно. И кто самым эгоистичным образом уже однажды тобой воспользовался...

Глава 1

А на улице нас уже ждала карета, сделанная из какого-то светлого дерева и украшенная позолоченными узорами. А, может, и золотыми. Запряжена же она была не просто лошадьми, а четверкой серебристо-белых пегасов, послушно сложивших крылья и слегка нетерпеливо мотающих головами

Что ж. Можно было смело сказать, что сказка продолжается. А я в ней — золушка, у которой принц вместо феи.

Но только ездящие по площади кареты все выглядели вот так, как и та, что была предложена мне. И их все возили вот такие волшебные существа. Так что, на самом деле, ничего сказочного в этом не было.

Одна сплошная реальность.

В которой мои открытые плечи сразу же слегка озябли от ночного прохладного ветерка. И я вынуждено накинула палантин, идущий в комплекте с платьем.

Да, на одежде были чары. Но защитные же. От порчи, грязи и прочих неприятностей. Никто не обещал, что она еще должна подстраиваться под температуру тела и окружения.

Но я была очень рада этому ветерку. Он не только безжалостно согнал с кожи мурашки, что до этого маршировали из-за случайного прикосновения Сэма к моей шее. Еще ветер выдул из головы лишние чувства и заставил вспомнить, кто я, где я, а, главное, с кем. И что поддаваться на обаяние и обходительность мужчины, ведущего меня к карете, ни в коем случае нельзя.

Этот мужчина — тот еще расчетливый эгоистичный тип. И то, что у него ради достижения целей все средства хороши, я уже испытала на собственной шкуре. А какие-то студенты вовсе отдали за какую-то его цель собственные жизни. Об этом мне тоже стоило помнить и никогда не забывать.

Ну и, наконец, надо было перестать восхищенно хлопать глазами по сторонам и понять, что же теперь за интерес у Сэма, ради которого он на меня так сильно потратился.

Мне вообще надо было подумать об этом раньше. Но сперва я была сильно расстроена вскрывшейся правдой, потом напугана перемещением, а после — поражена тем, что увидела, что совсем забыла о простых вещах. О том, что это для меня магия все еще чудо, а Акрл — новый мир. Но Сэм-то альв! Для него это привычная обыденность.

Значит, в отличие от меня, он головы не терял. И вряд ли впал в кураж на тему «потрачу на нее кучу денег, чтобы хоть так извиниться за то, какая я сволочь». Так для чего ему понадобилось изображать щедрого фея?

Девушки в ателье, правда, убеждали, что его финансам это было совсем не обременительно. Но разве мужчина будет задаривать женщину всем подряд, если не хочет этим чего-нибудь добиться?

Вариантов для этого «чего-нибудь» обычно было мало. Ну а в моем-то случае? Разве он итак уже не получил от меня все, что хотел?

Через границу миров я его уже провела. Причем, сама этого не зная и сильно при этом рискуя. Моя магия, со всем ее нереализованным запасом, и так теперь в его распоряжении. На целый год точно. Ну а вход в академию у Сэма был и сам по себе.

Вот что еще он может хотеть получить?

Так что оставался лишь один самый простой и банальный вариант. Настолько, что надо было бы сразу прояснить, что рассчитывать Сэму не на что. И, по возможности, разорвать любое общение с ним.

Но как сделать последнее, если он сейчас единственный, кто действительно заинтересован в том, чтобы я хотя бы на год нормально устроилась в Акрле? А еще он же при этом тот, кто должен персонально обучать меня магии. И альтернатива ему, судя по всему, Тайрэнн.

Тоже тот еще типчик. Со всех сторон продуманный наглый кошак и перевертыш-ветала, уже всю потренировавшийся на мне в каких-то пикаперских техниках и убежденный, что я все равно упаду к его ногам. Вот прям как яблочко — созрею и упаду.

Еще оставался мой таинственный прапрадед. Наилейшая лошадка.

Наверное, то, что с его помощью фамильяр забрала у меня заговоренный Сэмом браслет и тем самым спасла от проблем на границе, это все-таки был хороший знак. Мол, форма заботы и симпатии. Но я помнила личное знакомство с этим фамильяром и ее попытку нападения на меня. Ну нет! Симпатию и заботу проявляют по-другому!

А уж то, что все эти годы прапрадеду до меня вообще не было никакого дела — это говорило о многом и совсем не в его пользу. Получается, рассчитывать на него тоже было нельзя.

Но и пускать все на самотек — тоже. Мне нужна была хотя бы финансовая свобода. И сейчас я понимала это острее, чем днем.

Сейчас я бы уже не испугалась дурного характера альва из библиотеки. Ну, не съел же он бы меня, честное слово!

Все, решено. Посмотрю, что за праздник Светения гулантов, на который меня так пафосно ведет Сэм. Узнаю, чем же магия друидов поможет мне в лечении отца. Договорюсь с Сэмом о нормальном графике обучения, чтобы не ждать по полдню неизвестно чего. И с утра со свежими силами за поиск работы.

А пока...

Златовласый лакей в белом любезно раскрыл перед нами двери кареты. Машинально отметила про себя, что он, судя по ушам, альв, хотя на земле его бы точно назвали эльфом. А его улыбка и поклон — это вовсе не потому, что я какая-то особенная девушка. Просто такая вот у него работа. Наверняка банальная, тяжелая и низкооплачиваемая.

Может, и я смогу устроиться тут на какую-нибудь похожую хотя бы на первое время?

Вежливо поблагодарив парня, похожего на чью-то романтическую фантазию, я прошла в просторную карету, изнутри освещенную магическими чашами, и уселась на мягкую лавочку. Сэм тут же сел напротив.

— Ты все время молчишь, — начал он, внимательно сканируя меня невозможным медовым взглядом. — Могу узнать, о чем задумалась?

Ну, правду я ему, разумеется, ни за что не скажу. Но, хочет поговорить? Почему бы и нет. Тем более, это прекрасный повод немного развеять весь этот флер первого свидания. Потому что никакое это не свидание!

— Да, конечно. Скажи, а пегасы... Они же живые, да? Ну, животные?

— Да.

— Значит, они что-то едят и как-то ходят в туалет. Да?

— Да...

— А как?

Кашлянув, Сэм ошарашено моргнул пару раз.

— Эм-м-м, — многозначительно изрек он под ржание коней и цокающе-стучащие звуки трогающейся повозки, которая как раз повезла нас куда-то вперед. — Никогда этим не интересовался. Ты действительно хочешь сейчас об этом поговорить?

— А почему нет? — я пожалала плечами совершенно искренне. А что? Прекрасная тема для не-свидания. Заодно лучше пойму, как здесь все устроено. Из таких вот мелочей и складывается же обычная жизнь.

— Хорошо, — Сэм натужно кивнул. — Но почему тебя это интересует?

У меня создавалось ощущение, что он не очень верит в происходящее. Сбой в программе?

Мужчина с внешностью не то английского аристократа, не то кинозвезды, который умел произвести впечатление и мог подарить драгоценность, сотканную из воздуха, наверняка привык к другому поведению со стороны девушки. Особенно после того, как заваливал ту подарками. Тактично назову такое поведение — благодарным флиртом.

Тем интереснее сейчас было его удивлять и делать так, чтобы он точно не мог записать меня в число своих побед. Вот я и веселилась дальше.

— Видела в детстве повозку с лошадьми, — на честном глазу продолжала я. — И то, что остается от них на дороге. А тут — все чисто. Догадываюсь, это какие-нибудь чары. Но пегасы же и по небу летают! Но на головы никому ничего не падает. А должно.

— Должно, — снова прокашлялся Сэм, дергая уголками губ. — Ну... Если хочешь, пока не взлетели, можем остановиться и расспросить кучера. Он точно об этом знает.

— Пока не взлетели?! — до меня наконец-то дошло, что пегасы запряжены в карету не просто так.

Ой, мамочки! Я и в самолете-то нервничала. А сейчас?

С другой стороны, тут магия и все такое... Но все равно волнений сразу стало больше: мне здесь даже пристегнуться было не чем.

— До острова добраться можно только так, — развел руками Сэм. — Но тебе нечего бояться. Все защищено.

— А я и не боюсь! — соврала я, думая, сколько еще у меня есть времени, чтобы привыкнуть к мысли о скором полете по небу в карете.

Да только его, как оказалось, вообще не осталось.

И, словно в ответ на мои страхи, карету слегка дернуло и повело куда-то вверх.

Затаив дыхание, я впилась рукой в подушку сиденья и выглянула в окно, завешенное серебристым тюлем.

Ой!.. Ой-ой-ой...

И вау!

Потому что подсвеченная миллиардами магических огней площадь города под нами стремительно превращалась в миниатюрную копию самой себя, сглаживаясь, размываясь, растворяясь в темноте....

И вот мы уже летим над ночной планетой, а, кажется, что в какой-то бесконечной невесомости. Потому что вверху темно-синее небо все в звездах, а внизу — такой же темно-синий Акрл, весь в огнях. И только мы где-то между этим всем, внутри кареты, которая мерно несется куда-то вперед, ведомая силой взмахов могучих крыльев волшебных животных, ярко выделяющихся белыми силуэтами в этом бесконечном уютном космосе.

Вскоре я заметила, что не только мы. Так как мы поравнялись с другими такими же повозками. В каких-то из них горел свет, и я хорошо видела сидящих парочек, занятых, либо, как и я, разглядыванием пейзажей, либо болтовней. Но в большинстве из них было темно. Лишь легкое сияние, наверняка исходящее от цветов, вплетенных в волосы девушкам, подсвечивало что-то внутри.

От догадки, зачем можно было в такой обстановке выключить свет, мне стало немного жарко.

Но от взгляда бездонных, как омуты, глаз Сэма, которые смотрели на меня так, словно никакого света тут уже не было, я покраснела, кажется, до корней волос. Дышать нормально под таким взглядом было совершенно невозможно! Приходилось делать очень быстрые глубокие вдохи, чтобы хоть немного набрать в грудь воздуха.

Взгляд Сэма медленно прошелся по моему лицу, открытой шее, замер на слегка оголенных плечах, затуманиваясь еще больше...

— Так и куда мы летим? — кутаясь в палантин, как в броню, спросила я, чтобы снова нащупать безопасную нить разговора. — На остров? Что за остров?

Его внимание медленно вернулось к моему лицу. Тумана в зрачках стало меньше, но он никуда не делся, а будто затаился. Клубился кольцами, как змея, готовясь к броску.

Расслабленно откинувшись на спинку сиденья, Сэм скрестил длинные пальцы в замок. И хорошо поставленным мягким обволакивающим голосом, лишь немногим выше обычного шепота... Начал лекцию!

В которой сперва рассказал о райских островах на Земле, настолько изолированных от остального мира, что на них живут уникальные животные и растут особенные растения. А потом объяснил, что похожие места есть и на Акрле. В одном из них растут особенные гуланты. Они другого цвета и других магических свойств, чем их широко распространенные по материкам розовые и чайные «родственники» разных видов. А еще они светятся не ночами, а на рассвете. За что их иногда называют утренними.

Их светение привязано к сто пятидесяти дневному циклу, связанному с движением одного из малых спутников планеты. Которых здесь больше, чем один. Просто местная Луна, которую здесь, кстати, называют точно также, как и на Земле, заметнее остальных. И ведет себя похожим образом. Но зато Арлания, Суррита и Карадан — те самые, малые, находятся гораздо дальше, вращаются как-то иначе и вообще совсем другие.

Светятся утренние гуланты, когда Карадан приближается к Акрлу на самое близкое расстояние. Случается это два-три раза в год и даты всегда разные. И это всегда лишь одно утро. Ночь, предшествующая ему — праздник с кучей традиций и настоящим балом.

Причем традиции очень строгие. Даже драконы не имеют право прилетать на этот остров в своих боевых формах. Только в каретах. Ведь приземляясь, дракон может случайно повредить ценные цветы.

А главная прелесть в том, что из-за такого массового светения, вокруг гулантов образуется неповторимое магическое поле. Чем высшие друиды — то есть те, кто проходил инициацию в этом виде магии трижды, и некоторые другие виды магов, обязательно пользуются.

Остальные приходят не только ради того, чтобы посмотреть на это. После того, как цветок засветился, утренний гулант можно срезать и забрать с собой, чтобы использовать остаточную в нем магию для уникальных чар или зелий. А еще его можно кому-нибудь подарить или продать. И что раз уж мы так удачно прибыли в Акрл, как раз к Утреннему

Светению — этим обязательно нужно воспользоваться.

— Тем более, этот цветок пригодится тебе. Сама увидишь для чего, — прошептал Сэм, опалая дыханием мою щеку, пока я таращилась на его гладковыбритый четко очерченный подбородок и мужественные губы, вспоминая их мягкость и вкус. Сладкий, медовый, крышесносный...

А ведь тот поцелуй был так давно. По-настоящему в прошлой жизни...

Карета легонько подпрыгнула, приземляясь, колеса снова застучали по чему-то твердому, до ушей донеслось громкое лошадиное ржание...

И я вдруг заметила, что же на самом деле сейчас происходит!

Увидела это, будто замедленную сцену в кино.

Сэма, склоненного ко мне. Близко. Ближе, чем следовало бы по приличиям... Настолько, что он жадно дышал запахом моих волос.

А в его правой руке — моя левая рука. Лежит себе покорно, пока его большой палец медленно выводит круги на моем запястье.

Чуть шероховатая кожа, теплая ладонь, осторожная нежность...

Почему я не замечала этого, как и горячих волн, разбегающихся от этой простой ласки? Почему сижу, как кролик перед удавом, затаив дыхание, комкая правой рукой палантин на груди, который давно уже соскользнул по плечам и теперь висит на локтях бесполезной тряпкой?

Какие-то чары? Опять? Да он издевается!

Это надо прекращать! Немедленно!

Руку выдергиваю резко. Гораздо резче, чем хотела бы.

— Никогда, — говорю так твердо и решительно, как только могу. И сама удивляюсь, что голос не дрожит, а слова находятся. И все это — глядя ему наконец-то прямо в глаза, а не на губы, — Никогда больше не делай так!

— Как? — брови Сэма сходятся на переносице, взгляд становится ясным и острым. — Не делать — как?

— Так, как ты сделал сейчас. А иначе... Иначе мы не сработаемся! И я буду искать себе других учителей!

Хотя почему это «иначе»? Точно буду! Но сперва с этим бы «учителем» разобраться.

То, что я диктую ему условия, само по себе странно. Как и то, что он, кажется, позволяет это. Но куда страннее, что эти слова отравляют меня саму. Потому что чем сильнее правильная часть меня хочет, чтобы этого больше никогда не повторилось. Ни в каком виде. Тем сильнее что-то новое и непонятное давит в груди и требует выхода.

Даже знать не хочу, что это.

Сэм же не отвечает ничего. Только вздрагивает, прикрывая лицо руками, словно прогоняя сон. Запускает пятерню в волосы, слегка взлохмачивая прическу.

— Хорошо, не буду. Но я ничего и не делал, — говорит так правдиво, что я могла бы и поверить.

Могла бы. Если бы не браслет, лежащий у меня в спальне.

Возразить или согласиться не успеваю: карета останавливается окончательно, и лакей почти сразу же вежливо стучит в двери.

— Да-да, мы идем, — отвечает за обоих Сэм. И, повторив мне зачем-то еще раз, что он ничего не делал, первым выходит наружу.

Медленно выдохнув, иду следом. Надо же уже узнать, чем же магия друидов мне

поможет.

А выйдя из кареты на полукруглую смотровую площадку, полную таких же карет, первое, что замечаю — цветы чуть ниже под нами. Много цветов. Море. Океан...

О! Так вот ты какой, цветочек аленький!

Глава 2

На самом деле, тут есть на что посмотреть кроме цветов. Остров сам по себе похож на шикарную локацию в какой-нибудь навороченной компьютерной игре про эльфов или фей. Что и не удивительно, если вспомнить, кто такие альвы.

Остров огромен, рельефен и, без сомнения, был когда-то кратером вулкана, в самой глубокой чаше которого теперь росли красные, алые и бордовые гуланты. Пока что эти цветы еще не сияли, а лишь слегка поблескивали, как рубины. Но и в таком виде они были очень красивы.

А какой сладкий запах от них стоял в чистейшем воздухе! Причудливо сплетаясь с соленой свежестью моря или океана, раскинутого где-то на горизонте, воздух был настолько вкусен, что его хотелось есть ложкой. Жаль, что им можно было только дышать.

И жаль, что пока нельзя было послушать музыку цикад или каких-то других стрекочущих насекомых, живущих тут. Сейчас эта музыка лишь пробивалась через общий шум прилетающих и улетающих карет. Но, уверена, в любую другую ночь тут царила именно она.

Что касалось видов, то над ними еще хорошо поработала местная цивилизация, хитро вплета в тропический пейзаж белокаменно-позолоченную архитектуру и выстроив поверх поля с гулантами многоярусные смотровые площадки, соединенные извивающимися лестницами-переходами. В ночи это все со всех сторон уютно и мистически подсвечивалось пламенем чаш и фонарей. А теперь еще и цветами, вплетенными в волосы прибывающих в каретах девушек и женщин.

Так что здесь в любом месте, куда ни кинь взгляд, можно было надолго зависнуть за разглядыванием картинки. Но я, кажется, уже к этому привыкла, потому что оно больше не трогало меня так, как раньше. Или же просто сейчас ничто не способно было перекрыть то, что на самом деле волновало меня.

— И что дальше? — спросила, как только мы с Сэмом остались наедине в уплотняющейся толпе прибывших.

— Дальше сюда, — он подал руку, и мы без лишних слов пошли куда-то по многочисленным лестничным сходам.

А на них, между прочим, в отличие от площадок даже перил не было! Но так как никто из присутствующих вообще никак не тревожился за это, то и я очень быстро успокоилась. Наверняка, тут все в защитных чарах.

При этом мы постепенно спускались к полю гулантов ближе, и, заодно, шли к огромной круглой площадке. Та отличалась от других строений не только формой и размером, но и тем, что она вся была испещрена черными магическими символами. На белом камне те выделялись очень четко даже в ночи.

Вскоре я заметила, что смотровые площадки тут расположены не в хаотичном порядке, а повторяя форму цветка розы. И круглая — центр каменного цветка.

Больше всего разодетых на праздник людей, точнее — местных жителей, выглядящих сейчас, как люди, стремились оказаться на «лепестках» поближе к нему. Но самые близкие площадки были заняты теми, кто был одет в простые белые одежды. И кто был очень стар,

слаб или выглядел очень больным.

Кажется, я начинала понимать, что тут сейчас будет...

— В этом секрет вашего долголетия? — спросила, проверяя догадку, когда мы наконец-то остановились на одной из площадок нижних кругов вплотную к высоким резным перилам. Вид отсюда открывался не такой головокружительный, как с верхних ярусов. Но нервам тоже было весьма щекотно.

Еще здесь было довольно тесно и шумно, но разнорассовые компании и парочки встречных были заняты друг другом. До моих ушей постоянно долетали обрывки чьих-то разговоров и смех, но как другие не интересовали нас, так и мы их.

— Нет. Живем мы долго сами по себе. Но мы тоже боеем. А еще бывают неудачные чары, обороты, перевоплощения. Полиморф может застрять в полуоблике. На стихийнике может появиться порча антистихии. Василиск может выйти из-под контроля и превратить наездника в камень... Да сама посмотри на тех, кто сегодня пришел на лечение, — Сэм кивнул в сторону одной из низших площадок, где, действительно, кроме больных во вполне человеческих обликах, встретились несколько «кентавров», «нагов» и одна очень диковинная «статуя» из трех на кулаках дерущихся альвов. — В общем, с магом может случиться разное, — подвел итог Сэм, заинтересованно рассматривая последних. Видать, пытался понять предысторию такого окаменения.

А я старалась уложить в голове слова о том, что василиски существуют и могут на полном серьезе превратить кого-то в камень.

— И сияние утренних гулантов все исправляет? — спросила, надеясь на это. Шанс на это мирил меня с фактом о василисках.

— Исправляет... Жаль только, не магические откаты, — произнес Сэм, задумчиво, но тут же очнулся и поспешил сменить тему. — Но не само. Чтобы им управлять, нужно уметь владеть потоком.

Магические откаты? А это еще что такое? И почему мне кажется, что, если спросить Сэма об этом, он не станет отвечать?

Интуиция забила в набат, намекая, что надо бы обязательно разузнать о них. И я послушно внесла это в мысленный список дел.

Но позже. Пока были дела важнее.

— Получается, став друидом, я смогу использовать силу сияния? Но я же все равно не смогу привести сюда отца. И он не маг.

— Сила сияния подействует на любого. Но тебе и не нужно будет везти его сюда. Цветок сохраняет свойства в срезанном виде. Получив его и став друидом, ты сможешь приготовить нужное зелье.

— Ага... Но почему я не могу сделать его сейчас? Не проще найти нужного мага и цветок, и пусть он его сварит?

— Не проще. Такие зелья индивидуальны. Для каждого больного свое. Конечно, ты можешь найти нужного мага и заказать, что хочешь... Но, даже по моим меркам, эти услуги будут стоить очень много денег. Только зачем, если через несколько лет ты сможешь это сделать сама, полностью контролируя процесс, состав и результат?

— Несколько лет? Но ты говорил, что инициация через год, — я вцепилась руками в поручень.

Как так? Мы же вчера все выяснили — и там был год!

— Да, инициация через год. Только допуск к этим знаниям друиды дают тем, кто ее уже

прошел. Да и то... Я вот не смогу сделать это зелья. А я — один из них. Так что, когда пойдем отсюда обратно и выберешь цветок, сохрани его. Он тебе еще пригодится.

Ага. Значит, мне не только нужно в кратчайшие сроки освоить многолетнее обучение. Мне нужно еще стать отличницей... Ну что ж. Приложу к этому все усилия. А что еще остается?

— Сохраню, — кивнула, глядя на море розопионов подо мной. Их рубиновые лепестки, кажется, стали блестеть ярче. Но все равно это было еще точно не то сияние, которого все ждут. — Только как?

— Обычно их сушат. Хотя есть некоторые маги, рядом с которыми алые гуланты цветут дальше и могут даже прорасти снова. Но это редкое и не до конца изученное явление. Потому что прорасти гулант может только у полиморфа.

— А как же...

Было начала я. Но закончить мне не дали. Вдруг некоторые из гулантов начали вспыхивать, будто кто-то баловался светом и выключал или выключал их. И одновременно с этим на той самой площадке, разрисованной рунами, разноцветными молниями заискрило огромное телепортационное поле.

На всех остальных площадках тут же наступила полнейшая тишина.

Даже Сэм как-то подобрался и всем телом повернулся к центру «цветка» лицом. А я же наконец-то узнала, чего именно все ждут.

Это стало понятно, когда среди молний появились маги в расшитых серебром мантиях двух цветов: темно-зеленого и черного. Длинные волосы у всех из них гладкими или волнистыми водопадами стекали почти до самого пола.

Появились маги не хаотично. А каждый на специальном месте рунического рисунка. И было их не очень много: всех вместе вряд ли набралось бы более двадцати. Но без сомнения это были очень сильные волшебники и волшебницы. Если не сказать — могущественные.

Большинство из них были альвами. Это я поняла по венчающим головы коронам из энергетических «рогов». Трое же, судя по полупрозрачным крыльям, сотканным из такой же чистой энергии, — нефилимами. Но в отличии от тех, что мне показывал Тайрэнн — все трое оказались блондинами. И, как минимум, одна из них точно была женщиной. И одета она была в черное.

Еще несколько магов выглядели просто как люди, но могли оказаться кем угодно. В конце концов, определить, кто перед тобой, веталя, человек или дракон в человеческой форме, я с такого расстояния пока не умела.

Самым странным в этих магах мне показалось вовсе не то, что они были разных рас и полов. А то, что в их глазах светилась энергия двух цветов: у одних серебристо-зеленая, у других серебристо-черная. Но в книге, что я сегодня прочла, говорили о том, что один вид потока — один цвет. Значит, или в учебнике специально о чем-то умолчали, или эти маги разного вида.

А кем из них по цвету должна стать я?

Это надо было обязательно узнать. Но пока мне, как и всем на острове, было не до разговоров.

Ведь как только исчезла последняя молния телепортации, первые из цветов внизу окончательно наполнились чистым сиянием и больше не гасли. За ними вторые, третьи... Казалось, будто рассвет наступает не где-то там, на небосводе, а прямо здесь и сейчас сквозь лепестки к нам рвется самое настоящее солнце.

Только оно не слепило и не обжигало. А мягко освещало все вокруг, растворяя тени и принося с собой новый день.

И ощущение тепла и расслабляющий неги с каждой секундой наполняло тело. Тревоги отступали. Настроение улучшалось. Энергии было столько, что, если бы могла, я бы взлетела!

И я поверила, что все смогу. И отучиться, и пройти инициацию, и вернуться на Землю опытным магом.

А еще я поняла, что Сэм, конечно, эгоист. Но он никогда не желал мне зла. А еще он красив, умен... И на половину человек, а, значит, почти одной со мной расы... И у него такие руки... И, глаза, которые сейчас такие медовые и яркие, словно вобрали все сияние вокруг... А вкус его губ, интересно, такой же медовый, как тогда?..

— Пропустишь самое интересное, — шепнул он ими, и я вздрогнула.

Ой!

Щекам стало невероятно горячо.

Я быстро развернулась обратно к центру.

И когда только успела повернуться лицом к нему? И зачем вставала на носочки? Для чего тянулась?..

Ой-ой-ой... Только бы он не понял меня как-то неправильно!

Я осторожно скосила глаза в его сторону. Но он на меня не смотрел. Происходящее в центре, кажется, владело его вниманием полностью.

Я последовала этому примеру. И вовремя. Чтобы увидеть, как точно в тот миг, как последний луч сияния вырвался наружу, маги в центре, чьи силуэты теперь контрастно выделялись на фоне этого света черными пятнами, вдруг в едином порыве сделали какой-то причудливый пас руками — и над полем раскинулась тонкая сеть из серебристо-черно-зеленой «паутины». Ее рисунок подозрительно напоминал роспись рун на площадке.

Сияние гулантов уткнулось в эту сеть, как в потолок.

Следующий пас — и ловушка чуть сжалась, опуская сияние ниже. Еще. И еще.

И вот уже все сияние сперва на уровне нас, а после под нами. Прикрыто сверху сеткой, как вуалью. И единственные, кто теперь весь скрыт им — это маги в центре и те бедолаги, что кучковались на нижнем ярусе площадок.

Что именно происходило дальше, понять было не сложно. Друиды продолжали колдовать, а бедолаги избавлялись от своих проблем.

Нет, это не было мгновенным излечением. Но прямо на глазах их тела наполнялись здоровьем, с них спадали какие-то чары... И вот уже нету ни «нагов», ни «кентавров», ни каменных статуй. А есть просто толпа счастливых и радостных волшебников.

Правда, и сияния такого яркого больше не было: больные вобрали его в себя. И теперь море цветов внизу лишь слабо поблескивало под нами. Ярче, чем раньше, но этого света больше не хватало на то, чтобы разгонять тьму. И пусть где-то на небе уже алел настоящий рассвет, утренняя серость теперь казалась еще более темной, чем ночь до нее.

Маги в центре, завершив чары, исчезли в телепортационном поле потрескивающих молний.

С соседних площадок донеслись первые голоса зрителей. И хоть никто не расходился, стало понятно, что самая важная часть уже закончилась.

А это значит, что сейчас Сэм может спросить, что такое я пыталась недавно сделать, да? Ай...

— А почему у друидов разная по цвету магия? — поспешно спросила я первой, делая вид, что это единственное, что меня сейчас волнует.

И Сэм то ли сделал вид, то ли действительно поверил мне.

— Потому что друиды из них только те, кто в зеленом. Хотя энергия этих видов магов очень близка между собой. Настолько, что пойти по пути развития «черных» можно только после первой инициации в друида. И вот они — те, кем тебе на самом деле надо стать.

Вот как.

— И кто же это?

— Некроманты.

Глава 3

— Кто? — осипшим голосом переспросила я. — То есть, врачи вашего мира — это некроманты? Те, кто имеет дело с мертвыми?

— И с мертвыми тоже, — ответил Сэм, не скрывая легкой улыбки. — А что? На Земле врачи другие? И живых не лечат, и с мертвыми дел не имеют? Вроде все тоже самое, только магии нет.

Я уставилась на него, пытаясь найти контраргументы. И не нашла.

— Ну... Просто, некромант — это даже звучит как-то...

— Как?

— Не знаю. Фэнтезийно. Сказочно.

— Хм... Ты сейчас в Акрле — в центральном из пяти миров, — вокруг все потихоньку приходили в движение, и он тоже подал мне руку. — А для абсолютного большинства землян сама мысль о других мирах — что-то из сказок. Но я тебя не виню. Это — типичная ошибка новичков.

— Какая? — непередаваемая игра тени и света, в которую наконец-то вплелись первые солнечные лучи, добавляла уюта. А шум толпы, теперь потекшей с низших ярусов куда-то выше, создавал атмосферу комфортного уединения: когда ты вроде и один, но совсем не одинок.

Хотя одинокой я себя все равно бы не чувствовала: рядом, подстроившись под мой шаг, неторопливо шел Сэм, продолжая очередную внеплановую лекцию.

— Какая? Пытаться перенести на новый мир представления о нем из старого. Не пытайся. Тогда быстрее и легче привыкнешь. И жить здесь будет проще.

— А есть способ, как перестать считать, что некромант — это что-то из компьютерных игр? Что это такой восставший скелет в истлевшем балахоне и окруженный черно-зеленым пламенем, который повелевает толпой зомби?

— Только один: смириться. Истлевших балахонов ты тут не увидишь. Бегающих скелетов тоже.

— А, ну это даже хорошо! Не уверена, что готова ко встрече с такими. Хотя цвет магии все-таки совпадает. Тоже черный.

— С серебром, — уточнил Сэм. — Но кто знает, может все-таки и все остальное имеется. Потому что никто, кроме самих некромантов не скажет, что же они умеют, а что нет. Маги высшего класса такой закрытой касты очень бережно охраняют свои секреты. У них и кланы свои. Как сказали бы на Земле «профессиональные». И если простые некроманты еще встречаются поодиночке в семейных кланах, то высшие нет.

— Они отказываются от своих семей?

— Высшие — да. Думаю, еще поэтому их так мало.

— И что? Глава у них один на всех?

— Нет, конечно. Кто даст такую силу в одни руки? Правящие миром этого не допустят.

Так что кланов высших некромантов несколько.

— Точного числа нет?

— Есть. Но официальное отличается от неофициального.

— Это как?

— Как я уже сказал, они старательно охраняют свои секреты. А еще, мне кажется, немного врут, — хмыкнул Сэм каким-то своим мыслям, подводя меня к замку, который я не замечала ранее, так как считала его просто силуэтом горы. Но нельзя сказать, что я сильно ошибалась — потому что этот замок и был частью горы.

На Земле про такой бы сказали, что его сделали гномы. Да и он сильно отличался от того, что я видела раньше. Был более мрачным, сдержанным и грубым. Но это не делало его менее красивым. Наоборот. Еще больше подчеркивало величественность его стен и заставляло чувствовать себя песчинкой, идущей по мраморному полу гулких высоченных коридорах. А в них и такая толпа народа, какая шла сейчас по бокам от меня, смотрелась как что-то незначительное.

Музыка, похожая на органную, тихо звучащая где-то впереди, добавляла моменту торжественности. Но хохот женщин вокруг расслаблял.

— И как же они врут? — спросила, желая разузнать, что же повеселило Сэма. — Распускают слухи?

— Именно, — не сдавался он. — А еще напускают туман.

— Но зачем?

— Затем же, зачем это делают все остальные: ради власти, — Сэм пожал плечами, проводя меня через раскрытые внутренние двери в настолько огромный зал, что его сводчатый потолок терялся где-то в темноте наверху, а стены были так далеко друг от друга, что и библиотечное помещение рядом с этим казалось несущественным. Но, возможно, так только казалось. Потому что здесь ничего кроме толстенных колонн, оплетенных вьющимися розовыми гулантами, больше ничего не было.

Здесь гуланты служили не только украшением. Они были единственным источником света, так как даже окон тут не было. Но вместе с вплетенными в женские прически цветами успешно разгоняли мрак. А в яркие цвета его раскрашивали наряды и магия.

Потому что тут были не только гости и излечившиеся больные, но и те самые друиды-некроманты, сверкающие серебром истинных обликов и боевых форм. Всюду сновали лакеи в белом, разносящие на золотых подносах в хрустальных бокалах какое-то игристое вино. Музыка, идущая неизвестно откуда, звучала громче и объемнее.

Большинство общались между собой: кто-то, разбившись на небольшие группки, кто-то бродил от одной к другой. А по центру зала уже кружились в плавном танце первые пары альвов. И все они были в истинных обликах.

И я вдруг вспомнила о том, что Сэм обещал мне бал.

Ой, мамочка...

— А танцы... Это обязательно? — спросила, не отрывая взгляда от танцующих.

— А ты хочешь цветов?

— Спрашиваешь? Очень.

— Тогда хотя бы один танец, но обязательно.

— Сэм... Я... Я не умею.

— Я догадался. Но это не важно. Умею я, — доверительно шепнул он мне на ухо, щекоча его и щеку шелком своих волос.

Я тут же обернулась к нему.

И увидела, как медовые глаза затопила тьма, полная сверкающих золотых искр. Потом она же на мгновение окутала Сэма полностью. А когда чуть развеялась, Сэм предстал передо мной в той самой «рогатой» форме, которую я уже видела раньше. Только вот золотого сияния больше не было.

Зато и его корона, и магия вокруг него — все это словно было соткано из тьмы. Матовой и поглощающей, казалось, любой свет. Если бы не искры золота, посверкивающие в ней.

Ух ты... А, оказывается, вопрос с аурой он решил. И как кардинально!

Заодно этим перевоплощением он сразу же напомнил мне о разнице между нами. Может, он и полукровка. Но он все-таки альв.

И этот абсолютно не знакомый мне Сэм, очаровательно улыбнувшись, слегка поклонился:

— Татьяна, разрешите пригласить вас на торжественный танец. Обещаю, у вас не возникнет ни малейших проблем.

Решив, что из нас двоих он сейчас единственный, кто понимает, что делает, я медленно кивнула:

— Разрешаю.

А что еще можно было сделать? Я не могла представить, в какой форме должен был быть отказ, чтобы в эту минуту он выглядел хотя бы уместным. Не говоря уж о том, чтобы был вежливым.

И я вложила руку в протянутую ладонь. Другую несмело устроила на плече альва. К счастью, танец напоминал вальс. Отличался некоторым количеством прогибов со стороны партнерши. Но в них я не видела ничего пугающего. Так что я немного представляла, что от меня требуется. Но совсем немного. Так что, если я все-таки оттопчу Сэму ноги, виноват будет сам. Я его предупреждала!

На мои робкие телодвижения Сэм едва заметно дернул бровями. Оценив расстояние, которое при этом осталось между нами, он легко сократил его до минимума, разрешенного приличиями, приобняв меня за талию.

От этого прикосновения в спину ударило сотней мелких разрядов. А рой мурашек подхватил их и понес по телу. И пусть между моей кожей и рукой альва была преграда в виде ткани, я чувствовала тепло от нее так, будто никакого платья не было.

Мне вообще сразу стало очень жарко. И воздуха больше не хватало. Хотелось дышать глубже и быстрее. Но если не для того, чтобы надыхаться кислородом, то уж точно для того, чтобы лучше распробовать неуловимый и вкусный запах можжевельника, донесшийся до меня.

Но тут под звуки новой мелодии Сэм сделал первый шаг и повел, увлекая нас в танце куда-то в середину зала. И ощущения от его близости отошли на второй план: я снова вспомнила о страхах. Оказалось — зря.

Сэм не соврал. Он действительно умел танцевать. Настолько хорошо, что все, что требовалось от меня, просто следовать за ним в движениях. Хотя по началу я все равно как-то пыталась это контролировать, запоминая действия.

Шаг назад, поворот, ногу к ноге... Шаг назад, поворот, прогиб, поворот... Шаг назад...

Но вскоре уверенность в том, что он меня не уронит, а сама я, если и собою, ног никому не оттопчу, вытеснила все и оставила только нас и плавный полет танца.

Главное было — не поднимать глаза и не смотреть на лицо Сэма. Не потому, что тьма магии, окружавшей его, пугала. Или потому, что меня смущал истинный облик альва. А совсем наоборот. Потому что чем больше я в него всматривалась, тем больше хотелось смотреть снова и снова. Да и можжевельником я никак не могла надышаться.

Поэтому я очень быстро выучила наизусть количество пуговиц на его камзоле: двенадцать спереди и по две на обшлаге каждого рукава. И точный оттенок металла, из которого они были сделаны: такой же золотой, как и цвет моего платья.

Что же до остального зала и танцующих, то почти сразу они слились в размытое пятно, словно я опять была в «коконе» библиотечного черного кристалла. Только в этот раз не одна, а вдвоем с Сэмом.

Одна мелодия сменяла другую: веселая на более грустную, быстрая на более медленную... И наоборот. Кажется, и элементы танцев менялись. Потому что, то я всего лишь прогибалась назад, ведомая мужчиной, а то кружилась волчком, смело «отброшенная» в сторону, чтобы через два поворота опять попасть в капкан уверенных рук...

— Ну как? — хрипло и тяжело дыша спросил Сэм через какое-то время. Какое точно, я бы не смогла назвать даже под страхом смерти.

— Что — как? — не менее хрипло ответила я, все также избегая смотреть выше уровня его плеч.

— Танец. Настроение. Насколько я чувствую, все хорошо, да? — он снова прокрутил меня юлой.

— Да. Все совсем не кошмарно, — я уклонилась от прямого ответа, но не от его рук.

Интересно, но как он может что-то обо мне чувствовать? Или это всего лишь такая формула речи?

— Тогда я хочу узнать согласишься ли ты еще на один танец, или с официальной программой на этом закончим? — улыбнувшись, Сэм вывел меня на еще один легкий пируэт и опять привычно поймал.

— А сколько их было?

— Три. И я бы сказал, что всем вокруг нет никакого дела, будем ли мы танцевать четвертый. Но, возможно, дело есть тебе, — с этими словами он привлек меня себе еще ближе в завершающих аккордах мелодии, а потом вывел нас из круга, заканчивая танец.

Я не очень поняла смысл этих слов. Но, кажется, в средние века три танца подряд приравнивались к помолвке. Кто знает, может и тут так же. А я ведь не хочу, чтобы нас считали парой, да?

— Я бы хотела отдохнуть, — неуверенная в том, что правильно поняла его, я снова решила обойтись без «да-нет». Но нам еще нужно было обсудить мою учебу. И лучше всего это было сделать все-таки не в танце.

Потому что, если разговаривать с Сэмом-человеком об учебе я могла, то с Сэмом-альвом нет. И хоть я заставила себя наконец-то поднять глаза на его лицо, легче мне от этого не стало. Тьма с золотыми искрами привлекала и манила к себе так, что я уже не сомневалась — наверняка очередное магическое влияние. Может, просто мои эмоции. Может, очарование, наподобие ветальского. А, может, Сэм опять что-то наколдовал.

Лучше всего, наверное, было спросить об этом его самого. Но только сама мысль о том,

что я должна буду признаться в каких-то подобных чувствах, лишала меня дара речи.

Нет, лучше узнаю ответ как-то иначе. В библиотеке «загуглю», в конце концов.

— Отдохнуть? — Сэм-альв слегка склонил голову на бок, словно к чему-то прислушиваясь. Возможно, к соловьиной мелодии нового танца, которая уже набирала силу. Возможно, к самому себе. А потом медленно принял полностью человеческий вид: — Идем, у меня есть на этот счет одна чудесная идея. Заодно выберешь цветок.

Но узнать, что же за идея, я не успела. Бархатный и глубокий женский голос, достаточно громкий, чтобы мы слышали, но при этом не настолько, чтобы слышали другие, радостно произнес:

— М-м-м... Какая встреча! Прекрасно смотрите. Без сомнения, вы одна из лучших пар на сегодняшнем празднике, — от чего Сэм сбился с шага и замер. — Значит, ради этого юного создания ты вчера так невежливо ушел?

А вот после этих слов замерла уже я.

Глава 4

Вчера.

Горло сжалось. Это же она про то «вчера», когда Сэм оказался неожиданно для всех в кабинете ректора, да?

И от кого же он вчера так невежливо ушел?

Я обернулась и едва успела подавить неуместный вскрик удивления. Если бы у девушки напротив за спиной были перепончатые крылья, ее бы сразу записали в суккубы. Но она и без них походила на известную фантазию о роковой демонической красотке.

Такая же белокожая, черноволосая, фигуристая, что подчеркивало мягко струящееся серебряное платье в пол, похожее на греческие наряды. И такая же рогатая. Четыре красивых витых рога — два побольше около висков и два поменьше чуть дальше за ними, словно вылитых из стали, украшали голову остроухой альвы.

Магия такого же цвета отражалась в ее нечеловеческих глазах, скрывая ото всех зрачки и радужку. Так что невозможно было понять, куда именно она смотрит и с каким выражением.

Но я была уверена: смотрит она на меня. И, к гадалке не ходи, я ей не нравлюсь.

Она мне тоже.

— А я надеялась, хотя бы за одеждой вернешься, — продолжала «суккуб» подплывая дальше и обдавая тяжелым сладким ароматом.

Захотелось чихнуть. С трудом, но я сдержалась.

Небо, сколько пафоса-то... И насколько же банально!

Значит, до того, как появиться в «Истоне» он был у нее. Для чего, можно не спрашивать. Достаточно вспомнить его полураздетый вид и сопоставить тот с ее словами. Зато хотелось спросить другое: и Сэм, что, ведется на такое? То есть, для него вот это — идеал женщины?

Ох. Какой же он, оказывается, примитивный. Хоть и полуальв, но все равно немного животное. А казался сказочным принцем!

А его истинная пара, внешне была такой же? Или, все-таки, более утонченной?

Стало и тошно, и обидно. Причем не уверена, что только за себя.

«Немного животное», тем временем, напрягся. Не знаю, о чем он думал, возможно, не хотел таких сцен, которую устроила среброокая, но желваки на его скулах стали четче.

— Прима Фирэллен арэ Нерт, если не ошибаюсь, — он даже сдержанно кивнул. — Какая неожиданная встреча.

— Не ошибаетесь, прим... Как вас по клану? Или пока с этим трудно?

Его взгляд стал еще более ледяным и острым. Понятия не имею, что из того, что она сказала, разозлило его сильнее всего. Меня же бросило в холод от другой мысли.

Эта Фирлэ... Филре... Как ее там! Эта Фи! Она же знает, кто он! Она вообще, судя по всему, очень много о нем знает!

Значит, в любом момент может устроить веселую жизнь не только ему, но и мне. А, заодно, и приме ректору, которая вообще мимо проходила. И плакало тогда и мое обучение, и все остальное. А, может, и жизнь.

А кто еще в курсе, что Сэм — это Сэм? Сколько еще магов может сдать его властям?

Тайрэнн точно что-то знает. А еще?

Я обязана и это выяснить! И как можно скорее избавиться от любой связи с ним. Любой.

— Быть без клановым — не преступление, прима арэ Нерт.

— Но мы все знаем, что такие маги вызывают повышенное внимание. Ведь нельзя родиться вне клана. Из него можно выйти или быть выгнанным. Парии общества... Есть ли им место на таких праздниках? Решаю, конечно, не я. Но зря ты думаешь, что ты умнее всех, Сэмаэль.

Она подошла к нему еще ближе, игнорируя меня и почти игнорируя правила приличия.

Я осторожно отошла чуть в сторону, уступая ей место рядом с Сэмом. Хочет при всех повиснуть у него на шее? Милости прошу!

Находиться рядом с этими двумя становилось сложнее. Меня все сильнее подташнивало. И дышать тут было трудно и душно. Хотя в самом зале было прохладно. И не танцующие, не болтающие между собой гости никак на температуру воздуха тут не влияли.

А вот духи этой «Фи», кажется, влияли.

— И что вы предлагаете, прима? — спросил Сэм, глядя на нее сверху вниз.

— О, для начала, всего лишь танец. Никто ведь не против? — этот вопрос уже был адресован мне. Ради чего она даже слегка обернулась в мою сторону.

Слегка.

— Абсолютно, — я же в ответ все-таки смогла улыбнуться. Широко. — Я как раз думала о том, что мне стоит подышать свежим воздухом.

— Таня, — начал было Сэм, но я его бесцеремонно перебила. Сил на то, чтобы сейчас подбирать какие-то слова и соблюдать какой-то этикет, у меня не оставалось.

— Не переживайте, прим. Дальше острова я никуда не денусь. А дорогу из замка наружу найду легко. Мимо дверей не пройду.

Ну, еще бы. Они тут были единственными и огромными!

И, не давая ему опомниться и быстро кивнув, я почти что сбежала. К счастью, никому вокруг до меня не было вообще никакого дела. Только пара официантов по пути предложили подносы с напитками и угощениями, но я отказалась.

Уже около выхода из зала, все-таки обернулась назад. Несмотря на то, что народа тут было очень много и все постоянно находилось в каком-то движении, черно-серебристую рогатую парочку выцепила взглядом безошибочно. И они действительно танцевали.

Ну что ж. Пусть танцуют!

Как я вышла из замка и оказалась на одной из площадок, я не знала. Просто в какую-то минуту очнулась стоящей на ней в гордом одиночестве, держащейся за перила. По бокам колонны, над головой — арочный свод и нависающая черепичная крыша.

Если бы меня сейчас пытали, я бы все равно не смогла сказать, какими именно путями пришла сюда. Вот, что значит, слишком погружаться в собственные мысли. Но погрузится в них нужно было, чтобы понять, что же только что произошло, и отмести лишние.

А результат мысленной ревизии пугал меня.

Во-первых, я поняла, что Сэм мне нравится. И это было очень плохим развитием событий. Потому что вряд ли он стал бы что-то колдовать надо мной в такой толпе магов. Да и, наверное, я бы все-таки что-то подобное бы заметила: пока все чары, что я видела, обязательно сопровождались какими-то спецэффектами.

То есть, нравился он мне сам по себе. И не только интеллектуально.

Во-вторых, я поняла, что он нравится мне настолько, что я его ревную.

Это было ужасно!

Просто испытывать симпатию — это одно. Такое можно списать на ностальгию по Земле, на умение Сэма красиво говорить и на его внешность. Еще в причины моего интереса можно было бы записать проявленную им щедрость и его ампула неправильного и опасного парня-эгоиста. Девочкам ведь нравятся плохие мальчики, да?

Ой, да много ли нужно для того, чтобы заинтересоваться мужчиной? Мои подруги умудрялись по уши влюбиться в разрез глаз или форму пальцев. И в форму ушей, кстати, тоже. А у Сэма с глазами и пальцами все было в полном порядке. А слегка нечеловеческие уши его только украшали.

Но разве этого достаточно для того, чтобы я сейчас задыхалась? Чтобы фантазия одна за другой подбрасывала картинки, в которых он с той самой Фи и вовсе не танцует? И что мне до сжатых в кулаки пальцев хочется вернуться в зал и закатить наиглупейшую сцену, повыдергать ей волосы и пообламывать рога?..

Нет. Всего этого было мало, чтобы испытывать вот такое вот. И то, что эти чувства откуда-то взялись — это было очень и очень плохо.

Но и это тоже было далеко не самым плохим.

Кошмарнее всего было то, что я никак не могла это выключить. Не помог даже тщательно выстроенный в голове список его косяков, начиная с того, как именно я оказалась в этот мир. И заканчивая тем, что же натворил Сэм в Акрле и насколько ему на самом деле на меня плевать.

Нет, ну серьезно! Если бы не то, что он все еще считался ректором академии и у него был странный магический договор именно со мной, я бы вряд ли когда-нибудь еще хоть раз встретила бы его. Хотя тогда, наверное, я бы и не испытывала сейчас ничего из этого.

То, что я это понимала, ничуть не мешало смахнуть с глаз пару предательских злых слезинок и наконец-то почувствовать себя в этом мире совершенно одинокой.

Я впервые не понимала, что же мне дальше делать, а, самое главное, куда идти.

Вроде я обещала Сэму, что с острова никуда не денусь. Но где гарантия, что не денется он? Да и ночная усталость давала о себе знать первыми признаками мигрени.

Должен же был быть выход из этой ситуации, да?

А пока я его искала, то просто стояла и смотрела, как далеко внизу с рубиново-зеленого поля маги в зеленых балахонах, больше похожих на робы, чем на мантии, бережно срезали цветы специальными серпами и складывали в плетеные корзинки. Когда лукошки набирались полными, их куда-то относили и возвращались с пустыми, чтобы заново наполнить.

— А теперь гуланты почти все распродадут подороже, хотя часть все-таки направят в

аптеки для бедных, — пробасил кто-то незнакомый.

Ай! Да что же у них у всех за мода такая — подкрадываться со спины!

Развернувшись на каблуках, я увидела того самого парня-дракона из библиотеки. «Рыжика», который, по моим догадкам после выволочки от архивариуса должен был ну как минимум меня недолюбливать.

Расслабленно стоящий рядом, боком опершись на перила, он с интересом поглядывал то вниз, то на меня. И, кажется, совсем не собирался меня ненавидеть.

— Этти Татьяна Голубева? Я правильно запомнил? — принохиваясь, улыбнулся басовитый «шкаф», упакованный в изумрудный бархат так плотно, что казалось, будто одно неосторожное движение мышцами, спрятанными под тканью мундира, и одежда порвется прямо на нем. Кудрявые волосы его в творческом беспорядке стекали по плечам и слегка колыхались от легкого ветерка. А при улыбке зрачки в янтарных глазах дракона быстро-быстро сменялись с человеческих на вертикальные и обратно. — Я сперва решил, что спутал и в «Истоне» были не вы. Но, — он снова явственно втянул воздух, принохиваясь сильнее и еще раз «мигнул» зрачками, — теперь убежден — вы.

Так... И что это он унюхал?

Мне сразу перехотелось грустить. Зато от стыда стало жарко. Вроде и не голая тут стою, но все же. Одно дело, когда собака тычется мордой куда не надо, изучая запахи. Тоже ситуация так себе, но не настолько пикантная. Но когда нечто похожее делает мужчина, пусть и с расстояния, пусть и дракон — это совсем другое. А то, что дракон — это еще, пожалуй, и хуже.

Ничего себе порядки. Звериные! Но, по крайней мере, от него не исходило никакой угрозы. Да и расстояние между нами было почти в метр. Хотя что там ему этот метр? Руку протянуть.

— Да, это я, — я все-таки заставила себя выглядеть невозмутимой, насколько могла. — А вы, эннир?.. Простите, не запомнила.

— Эннир Фаттарэт-шарренэ Силлер Семнадцатый Красной Линии, — представился он церемонно потрянув гривой и приложив руку к сердцу. — А по короткому имени эннир Фаттарэт Силлэр Семнадцатый. Но для вас, этти, просто эннир Фаттарэт, — и совсем не церемонно сдул с лица свесившийся локон челки.

— Очень приятно, — я все еще не знала, друг передо мной или враг. Но напряжения стало еще чуть меньше. Его бесхитрость подкупала. Надеюсь, только, она была настоящей, а не очередной манипуляцией. А то развелось тут всяких «пикаперов». Кто с рогами, кто с клыками.

— И я просто обязан спросить, почему вы здесь одна? — с очень серьезным и обеспокоенным тоном спросил Фаттарэт. — Я и сам хотел вас пригласить на Сияние Утренних гулантов, когда узнал, что вы новенькая в этом мире. Но не дождался. Но я бы ни за что не оставил вас в одиночестве. Что за мужчина такое себе позволил? У него для этого должна быть очень веская причина. Он умер?

Не удержавшись, я прыснула. Ну да, умер! Но, надеюсь, он хотя бы затанцует до жутких судорог.

— Нет, но так сложились обстоятельства...

— О! Простите, этти, все время забываю, что у вас, людей и полукровок, мужчины не знают, что женщины — это сокровище, которое нужно оберегать. Ни один уважающий себя дракон не оставит беззащитную девушку одну.

И это звучало настолько искренне и мило, что моя улыбка стала по-настоящему открытой. Что там говорил Тайрэнн о драконах? Точно не помнила, но, кажется, он или о чем-то умолчал, или специально запугивал. Или все сразу.

— А если не беззащитную?

— Этти, вы можете быть насколько угодно могущественной магисой среди своих. Но что вы можете против дракона? Вы же в Акрле недавно и вряд ли знаете, но у нас врожденный иммунитет против ядов и физическая защита от боевой магии. Ментальное воздействие тоже исключается, если только вы не нефилим. А еще... Ну попробуйте меня хотя бы ущипнуть, — с этими словами он шустро скинул мундир, повесив его на перила, и обнажился до белоснежной рубашки, расшитой жемчугом и серебром. А потом также шустро расстегнул манжет и закатал рукав, демонстрируя идеально проработанную мускулатуру предплечья и гладкую кожу оливкового цвета.

Да парню прямо хоть сейчас на шоу бодибилдеров. Все призы будут его.

— Вот, — он протянул мне руку, — тут кожа мягче, чем ладонь. И чувствительнее. Щипайте.

Радуюсь, что на площадке мы одни, маги под нами заняты сбором цветов, а какие-то парочки, что были заняты друг другом где-то вдалеке, на нас и не смотрят, я осторожно сделала как он просил.

И не смогла. Стальная кожа, литые мышцы... «Шкаф» и в человеческом облике мог посоперничать по силе со всеми мужчинами, с которыми я была знакома. Страшно представить, на что способен этот зверь в драконьем.

— Впечатляет, — призналась я, изумленно.

— Меня тоже, — добавил Сэм, заставив чуть ли не подпрыгнуть на месте.

Мда. Вот умеет же появиться!

Глава 5

Развернувшись, увидела, как он как раз подходит к нам фирменной стремительной походкой, прожигая Рыжика злым взглядом.

Сердце в груди слабо трепыхнулось. А следом за ним там же поселился маленький воздушный шарик, потому что Сэм был один. И потому что никаких Фифочек рядом не было.

Глупое-глупое сердце. Ничего. Буду лечить.

Рыжик же ответил ему недоуменным взглядом. Но вопрос адресовал сперва мне:

— Этти, вы пришли сюда вместе с ним?

А, получив в ответ мой кивок, уже развернулся к Сэму:

— И вы, эннир, оставили этти одну?

— Не эннир, а прим, — со сталью в голосе заметил Сэм, останавливаясь так, чтобы как раз занять пустое пространство между мной и драконом, скрывая меня от последнего. — И почему вас это беспокоит? Какое вам, эннир, дело до моей спутницы.

Уровень тестостерона в воздухе мгновенно повысился. Я мысленно закатила глаза.

Серьезно? До «моей»? Вот именно с этой интонацией собственника?

Возможно, в другой ситуации эти слова ласкали бы мой слух. Но не после откровений «суккубищи». Поэтому единственное, что я сейчас чувствовала — раздражение. Хотелось развернуться и уйти. Желательно — сразу в свою комнату. Но как я туда попаду? Может, способ и существует, но я его не знала.

Так что оставалось только стоять и ждать, чем же закончится их разговор. А он обещал

закончится на очень яркой ноте.

— Какое мне дело до студентки «Истона»? — ничуть не теплее продолжил Рыжик, одеваясь обратно. — Вежливость и внимание. Как и любой студент академии, я всегда готов поддержать того из нас, кто нуждается в помощи. А как любой дракон — предоставить эту помощь безвозмездно. Особенно, если в ней нуждается новенькая, только что прибывшая на учебу. И когда я увидел этти здесь одну, я не мог пройти мимо.

— Я знаю традиции «Истона», — я не видела лица Сэма, только его затылок. Но и тот был так напряжен, что я не сомневалась — Сэм сейчас скрипит зубами. — И я все равно не понимаю, почему вы сейчас здесь, а не рядом с тем, с кем сами прибыли на остров.

И вот не пугала же Сэма ни боевая форма дракона, ни устойчивость того к магии! Ничего. Неужели он действительно настолько сильный маг? Или дракон пускал мне пыль в глаза?

— А вот это вас совсем не касается.

— Как и вас не касаются мои дела.

Я оперлась на перила локтями и прикрыла лицо руками. Мужчины... И ведь точно спорят не потому, что им есть до меня дело. Просто задета их гордость, не больше.

Зато стало понятно, что и Рыжик тут тоже не просто так. Мимо он проходил... Угу. Так я и поверила.

Хотя то, что я только что узнала о традициях «Истона», о помощи своим и то, что драконы такие внимательные к женщинам — это было что-то новое и полезное. Впрочем, какие бы мотивы не были у Рыжика, то, что я окажусь на острове он не знал. Значит, сюда отправился не ради того, чтобы поиграть передо мной мышцами. И это было хорошо.

Потому что чувствовать, что я, как приз, нужна тут каждому столбу, было утомительно. И это уже пахивало паранойей и манией преследования. А так, получалось, далеко не каждому. Оставалось только разобраться с теми, кто все-таки зачем-то через сотни манипуляций и ухищрений пытался заполучить меня себе на полочку.

А, для начала, надо было прекратить этот разговор, рискующий вот-вот вылиться в драку.

И я, наплевав на местные правила приличия, которых все равно не знала, осторожно, но решительно, влезла в их спор.

Тем более, предлог для этого у меня уважительный — поле гулантов внизу стремительно уменьшалось, а мне обещали один из них. Кто знает, может их сейчас все срежут и мне ничего не останется. На какие деньги и где потом покупать этот цветок?

И пока мужчины рядом не бросились друг на друга, я обогнула их так, что сразу же оказалась в поле зрения обоих. А они — в моем.

Ну вот и чего, спрашивается, оба взбесились? Если не знать, что я — обычная землянка, со стороны глядя на этих типов можно было подумать, что я им важна. Что очень странно, если вспомнить условия знакомства с Сэмом и то, что Фаттарэта я видела вообще второй раз в жизни. И пара фраз, брошенных сейчас друг другу, не в счет.

Но и в позах, напряженных и решительных, и в глазах мужчин вся явственнее читалось желание прогнать соперника. Именно соперника, а не кого-то другого. Более того, зрачки у Рыжика теперь снова были не просто звериными, но еще и пылали огнем — самым настоящим. Сэм же сверлил дракона пусть и человеческим, но не менее злым взглядом.

Какие-то «джунгли зовут» прям. Надо быстрее сворачивать это шоу.

— Благодарю вас, эннир Фаттарэт, за компанию, — я взяла Сэма за локоть, пальцами

чувствуя его напряженные мышцы под одеждой. — Надеюсь, мы скоро увидимся в академии.

Дракон чуть замешкался, увидев мой маневр. Но быстро пришел в себя:

— И я тоже, этти Татьяна, с нетерпением буду ждать этой встречи. А вы, прим?.. Вы тоже будете в академии? На студента вы не похожи. Среди преподавателей я вас не знаю.

Сэм еще ошутимее напрягся. Девочка внутри меня радостно захлопала в ладоши — его ревность ей нравилась. Но я мысленно осадил ее. Нет, дорогая, этот «мальчик» не про нашу честь. И надо как можно скорее расставить все точки над «ё» и «і» между нами.

— А мои дела вас, эннир, как я говорил ранее, не касаются. Доброго дня, — Сэм выплюнул это так, что пожелания прозвучали как отборнейшее проклятие.

Рыжик сжал пылающие магией глаза в щелочки. Но, к счастью, на этом мужчины разошлись. Точнее, Сэм дал мне увести его в сторону, пока Фаттарэт провожал нас взглядом.

— Это всегда так? Или из-за праздника? — спросила, когда мы отошли на приличное расстояние.

— Как давно он здесь, и кто он такой? — одновременно со мной начал Сэм.

И мы оба замолчали.

Только я на его вопрос вообще не собиралась отвечать и просто проигнорировала его. Даже если Сэму и должно быть какое-то дело до студента «Истона», до моего круга общения — точно нет.

Тишина затянулась на минуты.

— Что всегда? — первым сдался альв, озадачено хмуря лоб.

— Вот это, — я неопределенно махнула рукой, подбирая слова. — Ваше желание... Хм... Подраться.

Сэм «завис». Нахмурился еще больше.

— Не всегда, — выдавил он. — Это... Из-за праздника.

Фух. Значит, не придется никого постоянно разнимать!

Но шарик легкости в груди сразу же лопнул.

Ну а чего я хотела? Что он сейчас скажет какой-нибудь романтический пафосный бред? Типо — это потому, что я вдруг понял, что ты для меня стала самой важной в жизни. Вот прям за этот танец с другой женщиной и понял.

Такая большая, а в сказки, оказывается, верю.

— Это хорошо, прим. Значит, больше нам не придется отвлекаться от самого важного. От учебы.

— Прим? — из хмурого лица Сэма стало маской. — Прим? — повторил, словно пробуя это слово на вкус. — Да, этти, не придется. Отвлекаться от учебы мы больше не будем.

«Этти», впервые произнесенное от него, резануло слух. Но это горькое лекарство выветрило из головы последние пузырьки слабой надежды.

Да, все так. Я — его студентка без роду и племени. Он — мой временный учитель. И только до тех пор, пока я не смогу разорвать любые связи между нами.

— Это очень хорошо, прим, — повторила я в голос то, что прозвучало в мыслях. — Предлагаю прямо сейчас составить расписание и как можно скорее вернуться в «Истон». Тем более, прима ректор уже позаботилась о том, чтобы в библиотеке мне выдавали все нужные книги.

— Прекрасная идея.

Дальнейший путь домой прошел в режиме «холодное молчание». Свежесрезанный цветок нам выдали уже около карет. Причем это, оказывается, было обязательной частью

программы. Одна пара — один гулант.

Назад летели также, как и прибыли. Только в этот раз — в полнейшей тишине. Ну, я еще рассматривала пейзажи за окном. Точнее, делала вид. Потому что, как я не пыталась сосредоточиться на картинке, какой бы красивой та не была, мысли в голове все равно возвращались к мужчине, который сидел напротив, сцепив руки перед собой, и внимательно изучая что-то на полу.

Карета довезла нас напрямик до «Истона».

— Этти, обучение начнем завтра, — сказал Сэм, помогая мне выйти наружу и провожая до высоченных кованых ворот, охраняемых огромными белоснежными каменными гаргульями и сфинксами. Сразу за ними начиналась территория академии. — А до этого времени прочтите все, что сможете из тех книг, что вам подобрали в библиотеке. И расскажете мне после, что из этого вы поняли и как. Увидимся в час дня на том же месте, где встретились вчера. Дорогу к нему найдете?

— Найду, прим.

— Тогда, этти, до встречи, — скрылся в золотистых молниях телепортации Сэм.

— До встречи, — прошептала я пустоте и поспешила к себе, удерживая в руках драгоценный цветок.

И хоть в самой академии кроме статуй на входах и пустых коридоров, щедро освещенных уже ярким дневным солнцем, меня ничего не поджидало, сюрпризы на этом не закончились. В комнате на столе оказалась резная шкатулочка-ларец. Настолько небольшая, что я легко могла взять ее обеими руками и также легко переставить. Но зато внутри шкатулки я обнаружила все те вещи, что ночью мерила в магазине. И даже комплекты тех украшений, от которых отказалась, в полном наборе лежали там.

Мда. Кажется, кто-то совсем не понимал слова «нет».

Положив рядом со шкатулкой на стол уже начавший увядать гулант, я, тихо шурша шелком платья, осторожно присела на табуретку.

Что ж, «Белль». Подарки от рогатого чудовища у тебя есть, аленький цветочек вот лежит... Осталась только одна проблема — вернуться назад к родителям.

Глава 6

Дальнейший день прошел в самых разных хлопотах. Но, преимущественно, приятных.

Веталы-русалки из магазина действительно подобрали мне весь гардероб. Причем настолько полно, что я больше могла не заботиться даже о таких вещах, как домашние тапочки. Так что я позволила себе немного не думать ни об учебе, ни о работе, ни о чем бы то ни было. А просто — совсем чуть-чуть — побыть восторженной девочкой.

Потому что, что может быть лучше шопинга? Только домашняя примерка! Жаль, что зеркала в комнате не было. И приходилось ориентироваться на отражение в маленьком карманном, принесенном с Земли, да личные ощущения. Но они были супер. И настроение поднялось до небес.

Да и нужно было перебрать эти наряды. И решить, что носить в академию, что в город, а что оставить нетронутым. Тем более, в шкатулке я обнаружила еще несколько платьев, которые легко могли посоперничать с золотисто-желтым по красоте. Правда, пока я не могла представить, куда их одевать.

Но, возможно, если с работой ничего не получится, я смогу их или продать, или вернуть обратно в магазин, как и украшения. Если, конечно, такое в Акрле вообще было разрешено. А то, кто знает, какие тут гласные и негласные правила.

О да. Местный этикет и местные жители!

Один день показал, что я ничего не понимаю ни в том, ни в другом. А еще, судя по краткому знакомству с Рыжиком, Тайрэнн или в чем-то соврал, или о чем-то умолчал. Не мешало бы разобраться, в чем и как много. И я надеялась, что библиотека мне и в этом поможет. Должно же там быть что-то о культуре и расах, да? Справочник по Акрлу, что лежал у меня в комнате, увы, говорил об этом очень мало.

Что касалось денег, я догадывалась, что, если попрошу Сэма оплачивать все, что мне нужно для учебы, он легко это сделает. Но это был не выход. Так я никогда не добьюсь независимости от него. Поэтому в эту сторону я старалась даже не думать. А думать только о том, что буду делать, если библиотекарь мне откажет в работе. Хотя выбор тут был прост — идти в Одаралин и пытаться счастья уже там.

О Сэме же я вообще старалась не вспоминать больше, чем нужно.

Вот что говорят психологи? Если не заикливаться на конкретных чувствах, а быстрее наполнить жизнь новыми красками, лишняя ерунда из головы выветрится. Останется только нужная. И, возможно, даже не ерунда.

Этим я и стала наполнять свой день — нужным и полезным.

Перемерив все, заодно разобрала гардероб и разложила по полкам и вешалкам личную и подаренную одежду. Привезенная с Земли рядом с местной смотрелась, как бельмо на глазу, слишком простой и вульгарной, и лишней раз подчеркивала, насколько я на самом деле чужая для этого мира. Ну и пусть. Я тут ненадолго.

После чего — привела себя в порядок. Потом еще раз полистала справочник по «Истону», чтобы узнать, как именно шкатулка из магазина попала ко мне на стол. Просто я совсем не хотела, чтобы в личные комнаты легко мог зайти посыльный с магазина. Кто знает, какие у него при этом могут быть цели?

Оказывается, зря переживала. И это все снова решалось магией. Так как у некоторых мест, например, таких, как королевский дворец, была особенная связь с академией — туннельные чары. И она полностью удерживалась на специальных артефактах — точках отправления.

То есть, где-то в магазине, в котором меня одевали к празднику, была специальная площадка или комната. Туда-то и помещалась шкатулка с покупками, которую с помощью заклинания отправляли по нужному адресу. В данном случае — в мою спальню.

Минус в этом способе доставки был только один — чары работали в одну сторону и вернуть назад покупку так было нельзя. Как и нельзя было по ним определить, откуда же именно отправили посылку. Так что, если захочу что-то вернуть, придется лично возвращаться в город.

Узнав о туннельных чарах, я сразу подумала о том, а нельзя ли так отправить какую-нибудь опасную живность или отраву. К счастью, оказалось, что нет. Так как при использовании этой магии было столько дополнительных ограничений, что это был самый надежный способ доставки во всем мире. Причем так отправили только неодушевленные вещи, сами по себе защищенные от вредительства. Например, важные письма и документы.

Зато никаких духов, еды или лекарств так отправить было нельзя. Точнее, когда-то было можно. Потому что внутри самой академии пища с кухонь перемещалась похожей магией. Но после того, как однажды главы каких-то кланов чуть не перетравили друг друга, на внешних точках отправления появились дополнительные артефакты защиты.

Ну а на живое существо, будь оно хотя бы растением, туннельные чары просто не

сработали бы. Так что ингредиенты для зелий так тоже не доставлялись.

Ну и, конечно же, иметь такую связь с академией считалось очень престижным. Во всем Акрле было менее пятидесяти мест, откуда в «Истон» могли отправить что-то, будь то покупка или важный документ. А уж магазинов среди них — всего десятков. И те берегли репутацию надежных поставщиков всеми силами на протяжении очень многих лет. А некоторые и веков. Так что на этот счет я могла быть совершенно спокойна.

Разобравшись с этим, я приступила к дальнейшему воплощению планов. А именно — снова пошла в библиотеку. Но теперь одевшись так, как того требовала местная мода: во что-то напоминающее платье Скарлетт, только насыщенного зеленого и синих цветов.

Правда, вряд ли Скарлетт смогла бы сама влезть в сборное платье и зашнуроваться в корсет. Тут же были специальные тесемки, за которые только стоило слегка потянуть, и они сами затягивались как надо. Так что хоть эта одежда и выглядела сложной, надеть ее было очень просто.

Увы, альва-архивариуса на месте не оказалось. И я опять ничего не узнала о работе в библиотеке. А пойти в Одаралин прямо сейчас, как и собиралась, не рискнула из-за наступившего вечера. Все-таки одинокой девушке не стоит ночами разгуливать по столице. Так что я осталась готовиться к следующей встрече с Сэмом.

Феи без проблем выдали те же самые учебники, что я не дочитала в прошлый раз. И по просьбе дополнили стопку десятком книг по культуре и особенностям рас жителей Пяти Миров. Так что, активировав черный кристалл, я снова погрузилась в чтение.

Только чтобы охватить это все о расах и местной этике, мне не хватило бы не только вечера, но и месяца чтения. Столько нюансов! Так что я лишь просмотрела несколько глав, да и отложила эти книги в сторону.

Нет, лучше спрошу у Сэма напрямую — нормально ли было такое поведение для дракона, как у Рыжика, или нет. И почему вместо того, чтобы разозлиться на меня — свидетеля его конфликта с библиотекарем, он, наоборот, пытался меня защитить? Или мне показалось, и это было что-то другое?

Так или иначе, но в книгах точного ответа на это все равно не было. А то, что было, надо было учить не один день. Поэтому, помня о грядущем дне, я вернулась к учебникам.

Но и тут все оказалось не так просто, как показалось с первого раза.

Самое полезное, что я узнала в этот день, это то, что всю магию по источнику силы можно было разделить на три вида: внутреннюю, внешнюю и стихийную.

Маги внутренних потоков — полиморфы. Они управляли токами внутри себя. Маги внешних — друиды и некроманты: управляли жизненной силой других существ. Стихийники же все, как один, зависели от источника стихии. В теории, если стихийный маг оказывался в среде, полностью лишенной хоть какой-то связи с его стихией, то он просто не смог бы ничего создать.

Но это все касалось только магов первых ступеней. Если же маг две или три инициации тратил на развитие только одного таланта, то там уже была магия смешанных видов. Именно благодаря этому высшие полиморфы могли изменять внешность других людей. А высшие друиды — перенаправлять сияние алых гулантов на больных.

В остальном же: я больше пролистывала учебники, чем их читала. Потому что они или рассказывали о непонятном — о том, как правильно читать звезды на Акрловском небе и как движение спутников и планет влияет на ту или иную сферу магии. Или же, наоборот,

разными словами говорили о том, что я уже вычитала вчера, лишь немного дополняя друг друга.

И если первые были настолько мудреными, что без вдумчивого конспекта и заучивания их было не понять. То вторые — навевали скуку примитивным подходом, рассчитанным на детей.

Еще тут было много мелких практических занятий. Среди них дыхательные гимнастики, отработка пассов руками и техники «разговора» с растениями. В общем, все то, что, сидя на стуле, не поделаешь. А делать это надо было много и часто. Но — под строгим профессорским контролем.

А так как никакого профессора под рукой пока не было, я просто просматривала одно за другим, гадая, чему мне придется научиться в первую очередь, а чему во вторую: заставлять цветы раскрываться или ускорять рост семян в почве.

Ну и ждала наступления завтра, когда в моем распоряжении окажется целый бывший ректор.

Заодно узнала, что то, что я делала в далеком детстве, помогая бабушке и дедушке в саду, было очень похоже на эти самые упражнения. Только никаких токов я при этом не ощущала и спецэффектов не видела. Но я и не могла их видеть. Никакой же магии во мне тогда еще не было.

Но раз я это делала, значит, талант к этому у меня точно был! А во всех учебниках советовали развивать силы именно в таких направлениях, к которым у ребенка были способности. Но и не отговаривали и от изучения других. К счастью, мне это было и не нужно.

Ведь получалось, что я уже и так была друидом! Да, пока не обученным. Но способным когда-нибудь в будущем стать магом, который может за минуты вырастить дремучий лес или вернуть к жизни давно увядшие растения. А, может, и действительно перейти на следующую ступень — и стать некромантом.

Мысль о некромантии немного пугала. Даже о базовой. Тем более, ни в одной книге я ничего о ней не встретила. Явно, этот вид магии не был рассчитан на детей. Но после того, что я видела на острове, к этому страху примешивалось предвкушение. И не важно, что я никогда не смогу ничего такого, как они. Но, куда важнее, что я смогу сделать то, что нужно мне. Поэтому мне не терпелось как можно скорее пройти первую инициацию и приступить к обучению на вторую.

Но сперва надо было столько всего понять, зазубрить, довести до совершенства... В какой-то момент, читая все это, я поняла, что ужасно боюсь, что никогда не смогу слиться магией с силой дерева. И что однажды мне скажут, что это все была ошибка. И я никакая не одаренная, а обычная обманщица, не способная на волшебство.

Но ведь был же в моей жизни день, а, точнее, ночь, когда я уже делала что-то такое! Когда я даже не просто влияла на дерево, а стала его частью, как оно — моей. И в ту же самую ночь во мне-то и пробудилась магия. Напоила силой, опьянила, вскружила голову.

Ночь моего знакомства с Сэмом...

Нет, все-таки слишком много Сэма!

Как я не старалась закрыться от этих мыслей, поменять одни чувства на другие, я все равно постоянно вспоминала его. Тем более, все, что произошло со мной в последние несколько дней, было связано с ним.

А эти воспоминания не проходили бесследно. Они не просто не давали сосредоточиться

и не думать о том, а как именно он будет меня учить и чему. Они еще отзывались в груди тянущейся болью и тоской.

Никогда еще я так сильно не желала повторной встречи с кем бы то ни было. Никогда еще я так сильно не хотела, чтобы она вообще не состоялась.

И мне казалось, что чем больше я старалась убежать от этих желаний, тем ярче и сильнее они становились.

Неужели так мне надо будет прожить целый год?

Может, все-таки существует иной способ, избавиться от нашей связи? Сэм же тоже был против нее. По крайней мере, счастливым, когда узнал о ее существовании, он не выглядел.

Тем более, договор был заключен между мной и академией. И если бы не связь с Сэмом, я была бы одним из обычных студентов-подчиненных примы арэ Льес. Так неужели это никак нельзя исправить?

Но если выход и был, то он точно был не во мне. А в том, что сам «Истон» почему-то все еще считает Сэма ректором. Но неужели даже гибели стольких студентов было недостаточно, чтобы академия «поняла», что он — ей не друг?

Если и существовал ответ на этот вопрос, то искать его надо было в кабинете у ректора. В том, который с тех пор, как Сэм был изгнан из мира, так и стоял запечатанным. Интересно, что же там случилось? И можно ли туда было войти самому Сэму?

Глава 7

Вечер прошел без происшествий и случайных встреч. Ночь — тоже. Казалось, про меня все забыли. И если бы не тот факт, что за некоторыми столами в библиотеке черные кристаллы были выключены, а, значит, за ними тоже кто-то сидел и что-то учил, то я вообще легко могла представить себя единственным обитателем этого места.

Ну, еще здесь были цветочные феи, занятые своей фейской жизнью. И от нее они отвлекались только ради того, чтобы выдавать или забирать книги. А вот альв-архивариус больше не появлялся. Сомневаюсь, что он избегал меня специально. Но хотелось уже узнать точно, что мне делать с поиском работы.

Да только внимательно оглядевшись в библиотеке, я поняла, что мне совсем нечего ему предложить. Ну вот чем я смогу здесь помочь? Пыль на полках протереть? Старые учебники от руки переписать? Полить дерево-дом или те лианы, что обрамляют вход?

Уверена, для этих дел или имелись специальные чары. Или и вовсе — никакой такой помощи было не нужно. Так что я даже представить не могла, что вообще здесь делать помощнику библиотекаря. Да еще с полным допуском ко всем книгам и архивам. У него должно быть какое-то особенное дело. И смогу ли я, человек не умеющий управлять магией, его выполнять?

Так что к отказу архивариуса я была готова.

А еще меня ужасно угнетали пустые коридоры. Возвращаясь к себе на ночь, я поняла, что наконец-то хочу увидеть здесь толпы студентов, спешащих по своим делам.

И в учебное крыло хотелось попасть. На экскурсию туда можно было хоть сейчас пойти. Никаких ограничений на это не было. Но я хотела не просто оценить стены и обстановку. А сесть за парту в аудитории-амфитеатре и, глядя на то, как лектор расхаживает внизу и что-то быстро-быстро пишет белым мелом на черной доске, торопливо и коряво записывать за ним, мечтая потом обязательно разобрать почерк и собственные сокращения.

Очень-очень хотелось.

Как и встретить снова хоть бы одно знакомое лицо. Ну, кроме Сэмовского. Да я даже

Тайрэнну была бы рада! Или его сестре.

Но, конечно, больше всего я была бы рада Рыжику. Хотя бы просто ради того, чтобы, кивнув друг другу, тут же разойтись.

Но, увы. Никого и ничего не было. А так как до официального учебного года, когда в «Истоне» точно появятся и студенты, и преподаватели, оставалось еще какое-то время, то впереди меня ждали дни одиночества и тишины. По крайней мере, на то время, которое я не буду тратить на Сэма.

Так я думала и с утра. Когда заплеталась перед выходом и решала, куда же все-таки идти: вернуться в библиотеку и подучить до обеда что-то еще, или все-таки дойти до ворот и, воспользовавшись дежурной каретой, отправиться в город. Часов пять-шесть у меня было на то, чтобы съездить туда и хотя бы немного осмотреться.

Планы нарушил звонкий смех в коридоре и чьи-то незнакомые радостные голоса. Много. Так много, что я поспешно вышла из спальни — если не знакомиться, то просто посмотреть.

Оказалось — с десятков студентов.

Альвы. Подростки, которым на вид было лет по тринадцать-пятнадцать. Все со светлыми и гладкими длинными волосами, в которых часть прядей была выкрашена в вызывающе яркие и почти кислотные цвета: розовый, фиолетовый, желтый и зеленый. У некоторых в прическах — тонкие косы-колоски на висках, по типу земных африканских косичек. У некоторых — какие-то яркие пружинки-кольца, перехватывающие тонкие прядки в шахматном порядке.

Они были одеты в брючные костюмы, напоминавшие форму наездников. Только касок на головах не было. И штаны были не белые, а оливкового цвета и из какого-то блестящего материала. Но шпоры на ногах и свернутые плетенные хлысты, висящие на ремнях, опоясывающих приталенные темно-коричневые кожаные куртки, подтверждали мои догадки.

Наездники. Интересно, каких животных? Пегасов? Или единорогов? А, может, и тех и других?

Подростки увлеченно спорили и голосили, спеша перекричать друг друга, как любые дети на школьной перемене, увлеченные общей идеей. Но при моем появлении замолкли, перепугались и с виновато-изумленными лицами пробормотали разноголосое:

— Здрассти, энни...

— Добрый день, энни...

— Извините, энни...

— Мы помешали, энни?

И усталились на меня, как и я на них.

Ух ты. А, оказывается, альвы тоже бывают детьми!

Как-то все местные жители, которых я встретила раньше, оказывались взрослыми. Большинство — молодыми. Стариков видела только на острове в числе тех, кто хотел излечения.

Но вот дети!

До этой минуты я и не представляла, что альвы могут быть детьми. И уж тем более, быть подростками, со своей модой и стремлением выделиться. И если взрослые альвы в «человеческом» облике больше всего напоминали эльфов Средиземья. То стоящие передо мной парни и девушки напоминали эльфов из «Ведьмака», но в куда более современном

варианте.

Интересно, Сэм тоже был бунтарем? Или, наоборот, был «ботаником»?

Только мне представить его с ярко-желто-зелеными косами в темных волосах было проще, чем чопорно важным и прилежным учеником. И почему-то этот образ вызывал умиление.

— И вам, добрый день, энни и энниры, — поздоровалась я с детьми, подумав, что примы среди них вряд ли есть, а вот на более приниженное «этти» и «эттиры» они могут и обидеться. Кто знает, кто у них родители по статусу. — И нет, вы мне не помешали. Просто я не видела вас здесь раньше.

— А нас тут раньше и не было, энни, — высказался самый смелый парень из толпы, одной рукой обнимающий стоящую рядом с ним девушку. — Мы в «Истон» только сегодня вернулись.

Его подружка при моем появлении было хотела отпрянуть в сторону, но потом передумала и с вызовом задрала курносый носик. Еще эта парочка выделялась самым пестрым цветом волос. Не иначе, это тоже что-то значило.

Забавно. Мир вроде бы и чужой, а борьбу отцов и детей никто не отменял. Может, я смогу это как-то использовать для себя?

— Но ведь до учебного года еще несколько месяцев, да? — уточнила я.

— Да. Но к гонкам же еще подготовиться надо!

— К гонкам? — я удивленно уставилась на детей. Те на меня. Причем так, что я не сомневалась, одни из них уверены, что я только что стукнулась головой, а другие — что я просто странная.

— К гонкам Северного Ирбиса, — на всякий случай уточнила курносая подружка смельчака.

— А-а-а, — я протянула, надеясь этим обмануть детей. Не получилось. Они уставились на меня еще сильнее. Осмотрели с ног до головы. И хоть на мне было акрлское платье, что-то в облике выдавало им мое иномирное происхождение.

— А вы, энни, вообще знаете, что такое гонки Северного Ирбиса? — с сомнением спросил смельчак.

Тяжело выдохнув, я сокрушенно призналась.

— Понятия не имею. Но если ваша одежда для них, то вы выглядите очень круто! Может, расскажете о гонках?

— Круто? — подростки переглянулись. — Странное слово. Откуда оно?

— С Земли.

— С Земли?! — возбужденно-обрадовано зашумели дети. А после — расплылись в широченных улыбках. — О! Не только расскажем, но и покажем! А вы — вы же человек? Не местный, а — настоящий?

— Эм... Ну да.

Настоящий человек... Никогда не думала, что однажды меня будут называть именно так. И смотреть на меня при этом будут так, будто я как минимум с Марса. Да еще и с тремя головами.

От такого интереса было одновременно и весело, и странно. Но, по крайней мере, никакого пренебрежения к себе я не видела, как ночью в городе. Думаю, выйди я к ним в своей земной одежде, произвела бы еще больший фурор.

— Одракониться просто! — загалдела толпа. — И вы расскажите нам про Землю, да?

— Хорошо, расскажу, — кивнула я. И тут же была взята в оборот этой компанией, потащившей меня куда-то в сторону учебного корпуса и наперебой заваливающей вопросами.

Хотя и на мои они отвечали бойко, пока мы не шли, а чуть ли не летели по уже знакомым коридорам. А после — с такой же скоростью мы миновали еще не знакомые мне, но вполне ожидаемые по внешнему виду холлы учебной части.

Вот именно такими я себе их и представляла: светлыми, длинными, широкими, с пока что запертыми кабинетами. И обставленные в тему к остальному замку — с обманчивой простотой, за которой скрывалась роскошь.

За время этого разговора я легко «обменяла» кое какие данные о Земле, ее технике и современных взглядах, очень сильно не похожих на порядки в Акрле, на то, что никогда не вычитала бы ни в одном справочнике. И, заодно, разузнала имена ребят.

Что же касалось темы детей у альвов, то тут все оказалось просто: дети у них были редкостью. Потому что взрослые маги, подкрепленные хорошо развитыми потоками, прекрасно себя чувствовали лет до трехсот-четырёхсот. А некоторые и больше.

Но детство и юность у этой расы было такое же, как у людей. И если ты знаешь, что будешь молодым и здоровым следующие полтысячи лет, надо ли спешить с рождением наследников?

Поэтому, чем сильнее был альв, как маг, тем позже у него появлялись дети. И, как правило, это был один ребенок: только чтобы было кому передать бразды правления кланом или какие-то семейные секреты и реликвии.

Альвы со средней и слабой силой жили меньше. А детей у них было больше. Ну и, конечно же, после обычной школы все «ушастики» мира обучались в «Истоне» хотя бы до первой инициации.

Но далеко не все принимали участие в гонках Северного Ирбиса.

К этому виду развлечений допускались только лучшие из лучших. Причем из любых рас. Отбор велся по талантам и способностям, а не принадлежности к клану или наличию рогов на голове.

Гонки были постоянными. Велась по своим графикам и расписаниям. Ключевые соревнования в них были ежегодными и, обычно, чему-то посвященными. А еще — участвовать в них было очень престижно. Поэтому такие гонки всегда воспринимались, как событие. А называли их так потому, что самые первые из них проводили на северных ирбисах. Но сейчас этот вид животных был только одним из разрешенных.

— Гонки на кошках? — переспросила я, с сомнением оглядывая шпоры на обуви и хлысты на поясах. — На больших пушистых кошках?

— И не только, — закивали дети с лукавыми выражениями лиц. Но в подробности вдаваться не стали. Зато гордо похвастались, что зверинец у «Истона», как и положено, был лучший в мире. А ирбисы и «не только» — самые-самые. Тоже, как и положено.

У меня же было ощущение, что меня специально не посвящают в детали, чтобы насладиться впечатлением, которое гоночные звери произведут на меня. И, когда мы вышли через высоченные кованые ворота к загонам и стадиону, на удивление полных звуков, запахов и «людей», я поняла, что ощущение меня не обмануло. А довольные физиономии подростков подтвердили эту догадку. Но так и было же с чего!

Глава 8

Из плана академии я и так знала, что «задний дворик» у нее огромный.

Ну а какой еще быть территории, разделенной на большой стадион с амфитеатром для зрителей, и ряды загонов и павильонов? Думаю, тут запросто поместился бы столичный зоопарк, а, может, и несколько.

То, что здесь все будет сверкать белизной гладкого камня, золотом и бликами драгоценных камней, я не ожидала, но и не удивилась. Растущая всюду и пышно цветущая зелень добавляла колорита, но тоже уже была привычной. Кажется, альвы просто не представляли, что может быть как-то по-другому. И всюду соединяли пышную роскошь с живой природой. Смотрелось это, конечно, как на иллюстрациях к сказкам, только было еще что-то древнегреческое в вездесущих колоннах и арках.

Подозреваю, альвам, которые оказывались на Земле, мой родной мир после такого виделся серым и скучным. И не очень вкусно-пахнущим. Потому что здесь, несмотря ни на что, никаких неприятных запахов не было. Зато что-то цветочное дразнило нос медовыми нотками.

Но вот к шумности и оживленности этого места я не была готова. И после тишины, царящей в академии, оно казалось очень многолюдным. По крайней мере, по первому впечатлению. Хотя связано это было только с тем, что все тут были чем-то заняты. И вот после чопорности, которую я видела в поведении местных и в магазине одежды, и ночью на празднике, вся эта суэта была приятно обыденной.

Оказывается, тут не только подростки умели веселиться, смеяться, переругиваться, спорить и что-то увлеченно доказывать друг другу, ведя за собой на поводках...

О! А вот животные, мимо которых мы шли, и которых загонщики и наездники сейчас вели к стадиону, и были тем, ради чего тут стоило поселиться. Если раньше я подозревала, что все изображенные на рельефах существа не фантастические, а существующие. То теперь была в этом уверена.

Гнедые и черные пегасы, у которых вместо крыльев было настоящее пламя, казались самыми не-сказочными на фоне остального зверинца. Ирбисы тут тоже были. И это действительно были кошки. Огромные, как слоны, белые, пятнистые. И крылатые. Только их крылья были не из перьев, а «сотканые» из ледяного дыма и молний. Такие же молнии прорывались сиянием из их глаз, стоило только этим котам начать громогласно мяукать.

А от такого «мяу» душа в пятки уходила в прямом смысле!

Как я при этом не дрожала, как осенний лист на ветру, и не шарахалась из стороны в сторону, в окружении этих существ, не знаю. Не иначе, мешала гордость и понимание, что никому кроме меня тут не страшно. Дети вообще шли чуть ли не вприпрыжку. Причем большая часть из них, махнув на прощание, тут же сбежала куда-то вглубь к загонам. А вот Даниэль — тот самый смельчак из коридора, и его курносая подружка Отти, вели меня куда-то дальше.

— Соревнования... Они сегодня? — спросила я, следуя за ними и стараясь обогнуть по дуге одного ирбиса, который вдруг решил, что сложить крылья, улечься и начать увлеченно мурлыкать и умываться — сейчас самое время и место.

Так я заодно узнала, что и иномирные коты прекрасно мурлычат. И размер им совсем не помеха. Со стороны это звучало так, будто где-то гулко заработал трактор.

А то, что при этом нам надо было мимо пройти ирбиса — это точно были не его проблемы. Стоящий рядом с ним альв-загонщик в коричневой форме, кажется, тоже так считал. И смотрел на своего подопечного, с которым был связан длинным серебристым поводком, скучающим взглядом.

Ну, умывается «котик». Ну, бывает.

— Что? — смеялся моим реакциям Дани. — Нет. Сегодня тренировка. Не совсем обычная, так как первая после долгих выходных из-за праздника. Но до соревнований еще далеко.

— Праздника... Ага... Знаю, — ирбиса мы обошли, но теперь надо было как-то миновать чем-то недовольного крылатого и рогатого рыжего «льва».

Тот хоть и был раза в две меньше ирбиса, и крылья у него были из сизых перьев, но безобидным он не выглядел. Тем более, что рога у него были боевыми, а не декоративными, а хвост напоминал скорпионий, с жалом, как кинжал. Так это жало еще жутко щелкало, когда «лев» направлял его в разные стороны, пытаясь попасть сразу в двух загонщиков. Но тех, в отличие от меня, это не пугало. И пока один резво накидывал на жало петлю из цепи, второй также резво что-то колдовал на «льва», усыпляя зверя.

— А еще сегодня будет объезд виверн, — добавила Отти, игнорируя льва-скорпиона и высматривая что-то впереди.

— Кого? — подавилась я, следуя взглядом за взглядом альвы.

— Их, — кивнула она в сторону стадиона, к которому мы постепенно приближались.

И вот с такого расстояния я наконец-то разобрала, что же за животные сейчас гарцевали по стадиону в количестве пяти штук. Это действительно были виверны! Эдакие минидраконы, только без передних лап. Каждая размером чуть крупнее лошади, но с таким размахом кожаных крыльев, что само тельце существа на их фоне просто терялось.

Эти виверны, не смотря на нацепленные на них массивные шипастые ошейники и поводки, были готовы немедленно сорваться и улететь. А лучше — прихватив носящихся вокруг них загонщиков в коричневой форме.

— А почему их надо объезжать? — спросила я, сглотнув несуществующую слюну. — Разве вы не выводите специальные породы животных для этих гонок?

— Да, выводим. Но виверны в неволе не размножаются, — пояснил Дани, — их отлавливают и подчиняют каждый год по-новому. После последних соревнований выпустят обратно на волю. Вот эти — свежая партия. И их сейчас будут впервые подчинять! Это будет очень круто! — козырнул он ухваченным у меня словечком.

Одна из таких виверн, словно поняв, что речь идет о ней, как раз встала на дыбы, раскрывая крылья во всю ширину. А потом с шипением набросилась на загонщиков, пытаясь их цапнуть побольнее. Судя по тому, как те уворачивались от ее гибкой фигуры, хоть виверна не плевалась огнем и не замораживала льдом, быть укушенными ее острыми зубками не хотел никто.

— Вау, — не выдержала я, обхватив себя руками.

— Вау? — переспросил Дани, заинтересовано. Мой лексикон поражал их ничуть не меньше, чем меня — весь их мир.

— Ага. Означает не просто круто, а супер-круто. Вау.

На что парочка подростков счастливо переглянулась и, продолжая рассказ о вивернах, которые, как оказалось, ужасно ядовиты, довели меня до пустых трибун. Там и усадили на лавочку, любоваться на намечающееся действие чуть ли не с первых рядов.

И хоть расстояние между мной и зверьми было немаленьким, а еще зрителей явно защищало какое-то поле, бликующее радугой, как мыльный пузырь, сидеть тут мне было совсем не уютно. Но признаваться в этом не хотелось. Да и любопытство взяло вверх.

— Сейчас придут настоящие мастера и чемпионы гонок, — предвкушающе обрадовал

Дени, прощаясь. — Они сделают настоящее вау!

И еще до того, как он с подружкой сбежал вслед за своими друзьями, я увидела этих мастеров. Те как раз выходили на стадион походками опытных укротителей. Всего их было пятеро — по одному на каждую виверну. Костюмы наездников, наподобие тех, что были на подростках, только полностью черного цвета, им всем были очень к лицу.

Всех чемпионов я не знала. Но вот рыжую гриву «Рыжика» и темно-шоколадные локоны Иррит, собранные в высокий хвост, узнала сразу же.

О! Ну надо же!

Конечно, с такого расстояния я могла ошибиться. Особенно с «Рыжиком». Потому что если девушка среди чемпионов была одна, то еще один драконочеловек имелся. И он был еще более массивным и рыжеволосым, чем Фаттарэт. Но все же я не сомневалась, что вижу сейчас своих знакомых.

Тем же до меня не было никакого дела. Виверны, увлеченно пытающиеся вырваться на волю и отчаянно извивающиеся и шипящие, были куда интереснее. И не только для них. В предвкушении зрелища многие из присутствующих поспешили отложить все в сторону и подойти к стадиону поближе. И вскоре я была уже не единственным, кто сидел на лавочке и ждал начала шоу. Но так как для размеров стадиона пятьдесят-сто человек — это капля в море, трибуны все равно выглядели пустыми.

А чемпионы-укротители тем временем разыгрывали какой-то жребий. Они собрались в кучку и, увлеченно споря, стали выкидывать что-то на пальцах, похожее на земные «камень-ножницы-бумагу». Мрачней всех по результату жеребьевки выглядела Иррит. Ну а радостнее всех был дракон-не-Фаттарэт. Правда, он тут же что-то предложил Иррит, но она отрицательно замотала головой и ему ничего не оставалось, кроме как принять ее ответ.

Что именно стало предметом спора, мне лично понятно не было. Но именно этот парень выступил первым.

Для этого он не пошел к вивернам, а, наоборот, прошел к середине стадиона и, сняв с пояса плетъ, сделал несколько пробных ударов в воздух. Загонщики же, насколько могли, настолько выстроили виверн в шеренгу так, чтобы ящерам было прекрасно видно укротителя.

После чего не-Фаттарэт движением левой руки создал вокруг себя красноватое туманное поле — и одним махом направил его в сторону чудовищ. Поле-облако резко полетело вперед, по пути трансформируясь в языки пламени, и этим самым пламенем опалило существам морды, зля их еще больше. Как будто те до этого были мирными!

Виверны взвыли, встали на дыбы, едва удерживаемые за цепи и ошейники загонщиками... Двое из них дернулись вперед... И та, которая дернулась первой, оказалась на свободе! Загонщики не просто отпустили цепи, но даже ошейник с шеи существа пропал.

Ой, мамочки! Как же так?

А если эта тварь вдруг бросится куда-то сюда, защитное поле спасет меня от нее? Или уже пора развернуться и бежать куда глаза глядят?

Но загонщики, судя по всему, знали, что делают. Потому что единственный, кто в этот момент интересовал виверну — это был драконочеловек не-Фаттарэт посередине стадиона. И он был к вниманию виверны готов всецело.

Левой рукой он создал вокруг себя сферическое поле, наподобие того, что окружало стадион, только маленькое. И удерживал его, как щит, сложив пальцы в какую-то замысловатую «фигу». Правой же рукой он продолжал хлестать воздух, тем самым пугая

добежавшую до него тварь и заставляя ту держаться на расстоянии.

И вот уже вскоре эти двое принялись «танцевать» по стадиону какой-то очень жуткий танец. При этом укротитель словно специально злил виверну все сильнее и сильнее, постоянно щелкая плетью в непосредственной близости от ее головы. Но — не касаясь ее. Я не видела, чтобы хлыст хотя бы раз дотронулся до ящера.

Виверна же, наоборот, размениваться на пустые удары не собиралась. И целенаправленно пыталась укусить драконочеловека посильнее. Да только щит не давал. И она бесцельно клацала пастью в воздухе снова и снова, метя хвостом по земле и поднимая клубы пыли.

Сколько времени так продолжалось, я не знала. Но вскоре поняла, что задача укротителя в том, чтобы измотать виверну физически, при этом удерживая на себе все ее внимание и ничем не вредя ей. Думаю, сделай чудовище что-то по-настоящему опасное, он бы легко приструнил ее. Но так как она ничем никому не вредила, «танец» продолжался.

Но вот виверна споткнулась, заплетясь в собственном хвосте, покачнулась, и, хоть удержалась на ногах, но даже мне стало понятно, что она начала уставать. Именно в этот момент не-Фаттарэт поменял тактику. И следующий взмах хлыста пришелся уже не по воздуху. Гибкая кожаная плеть вдруг обвила шею виверны.

Чудовище взвыло, снова встало на дыбы, распахивая крылья... А когда сложило их — укротитель уже сидел у него на спине, используя плеть, как поводья. Удар шпорами — и ящер с седоком взмыл в синее небо, чтобы уже там продолжить борьбу друг с другом.

Только теперь виверна пыталась сбросить ненавистного наездника. Для этого сперва она набрала высоту, потом закрутилась бочкой, слетая ниже, затем опять пошла на подъем, оттуда — в пике...

Что только виверна не делала, чтобы драконочеловек сорвался с ее спины. Бесполезно. Он сидел на ней так, будто был частью ее тела. И в какой-то момент мне стало казаться, что это не виверна выделяет в небе пируэт за пируэтом. Это он сам направляет ее.

А потом я поняла, что больше не кажется. Что оно уже так и есть.

А после — наездник с виверной плавно опустились на землю. И когда опасная и покоренная ящерица опустила голову, подчиняясь, рыжий не-Фаттарэт проворно и легко спрыгнул с ее спины. Зрители на стадионе взорвались бурными овациями. Зато оставшиеся четыре ящера зашипели еще сильнее, чувствуя, что теперь их очередь.

Следующую виверну покорять должен был какой-то беловолосый альв.

Глава 9

И, в принципе, все, что он делал, было очень сильно похоже на действия его предшественника, который уже увел с арены свое животное в неизвестном направлении.

Он также запустил пламенем, правда, в его случае — синего цвета, в сторону зверей. Загонщики также спустили на него с цепи ту особь, что оказалась самой активной... Ну а дальше — был очередной танец с хлыстом. Разница была только в нюансах. И если у драконочеловека виверна была темно-зеленого цвета, то альву досталась серо-зеленая в крупное черное пятно.

Третьим был Фаттарэт. Перед выходом к центру арены он также, как и первый драконочеловек, тоже что-то предложил Иррит. Девушка снова отрицательно помотала головой. И, пожав на это плечами, Фаттарэт пошел на свое место.

Если честно, я ждала, что виверна, которая достанется ему, будет более спокойная, чем ее предшественники. Ведь по логике — сперва должны были выйти самые активные звери.

Но, кажется, тут была какая-то иная логика. Потому что изумрудное чешуйчатое чудовище настолько рьяно бросилось на Рыжика, что аж немного протащило по земле загонщика, который не успел вовремя отпустить цепь.

А на Рыжика виверна набросилась так, что я не сомневалась — зазевайся Фаттарэт хоть на миг — и все. Она бы разорвала его. Ну, точнее, попыталась бы. Потому что, что-то мне подсказывало, что самый страшный ящер в этом мире все-таки дракон. И ни одна виверна с ним не сравнилась бы. Тем не менее, эта бы точно попыталась.

Но, несмотря ни на что, Рыжик справился с ней в рекордно-короткий срок. Он даже танцем ее особенно изматывать не стал. дождался первого удобного случая — и запрыгнул на спину, предпочтя усмирению на земле покорение в воздухе.

Да и летали они как-то не очень долго. Правда, те «мертвые петли» и «бочки», что закладывала виверна, даже у меня, сидящей на трибуне и нервно комкающей подол платья, вызывали головокружение. Но Фаттарэту, однозначно, было не привыкать. И он, позволив животному несколько раз попытаться скинуть его со спины, быстро и категорично взял над ним полный контроль.

А в качестве демонстрации того, что у него все вышло, сделал с ней показательно медленный и плавный круг почета над ареной. Чем и завершил свое блестящее выступление.

Следующий наездник был веталой. И вот у него сразу все пошло не так.

Во-первых, ему пришлось злить виверн трижды. Почему-то не одна из них на него не бросалась. Но не потому, что звери устали или обленились. Дергались на цепях и рвались в небо они также, как и прежде. Казалось, будто он сам по себе им не интересен. Не знаю, как именно эти существа оценивали укротителей, но двухметровый гибкий симпатичный парень, с короткими черными волосами, им точно был не по вкусу.

Но, в конечном счете, одной из них, с синеватой кожей и особенно шипастым хвостом, надоело получать по морде ледяными искрами, и она, зашипев, все-таки бросилась на него. А вот ее более крупный, но не менее шипастый золотокожий собрат продолжил рваться с цепи в небо и происходящим в центре арены будто даже не интересовался.

И вот то ли наездник после этого решил, что выбравшая его виверна особенно сильно сопротивляться не станет, то ли просто что-то не рассчитал... Но где-то после третьего удара плетью, виверна как-то хитро изогнулась, развернулась — и так ударила шипастым хвостом по левой руке укротителя, что пробила и щит-сферу, и сломала его «фигу». После чего защита, окружавшая парня, осыпалась радужными искрами и исчезла.

Следующим ударом хвоста это чудовище выбило плетью из руки растерявшегося таким поворотом сюжета парня, а после — впилось явно очень острыми зубами в его плечо. Парень заорал. Виверна стала терзать его сильнее.

Ой, мамочки-мамочки-мамочки...

Крови из-за размаха ее крыльев, я не увидела. Но мне и без этого стало дурно. Зажав рот рукой, я следила за ареной, камнем прирастая к лавке.

Судя по возгласам всюду и по тому, как к горе-укротителю бросились на помощь загонщики, как в атаковую виверну со всех сторон полетели заклинания и магические сети, и как та рьяно от них ото всех одновременно отбивалась — в ужасе была не только я.

Но не только синешкурый ящер вышел из-под контроля. Его оставшийся на цепях златокожий собрат, увидев, какой аншлаг происходит, прошелся хвостом по спинам укротителей, вывернулся...

И, недолго думая, бросился на стоящую чуть в стороне и почему-то до этого совсем не

вмешивающуюся в происходящее Иррит.

А так как девушка стояла не в центре стадиона, а ближе к боковым трибунам, у меня было четкое ощущение, что тварь понеслась прямо на меня.

Блестя золотистой чешуей, растопырявая огромные крылья, будто никак не решая, что лучше — взлететь и прыгнуть сверху или все-таки достать на земле, виверна приближалась, поднимая вокруг себя пылевые облака и безостановочно шипя. Ее шипение, хоть и было лишь одним из какофонии звуков вокруг, но все равно слышалось мне так отчетливо, будто все остальные крики, окрики и рычания были где-то далеко-далеко. И только это — здесь.

Я как в замедленной съемке и будто под огромным увеличением видела раскрываемую черную пасть, полную белых и острых зубов, среди которых мелькал длинный и тонкий багряно-красный язык.

Смотрела на это — и не могла оторваться.

Как ало-черный взгляд виверны не мог оторваться от меня.

Щелчок плетеного хлыста по воздуху в миллиметре от головы твари разорвал контакт. Вернул реальности настоящую скорость, существующие расстояния и звуки.

Золотистый ящер тут же развернулся к возникшей помехе, а я выдохнула, ощущая где-то в горле гулко и отрывисто бьющееся сердце. И, обнаружив себя стоящей на ногах, плавно опустилась на лавку.

О... Что это, небо, только что было?

Она, что, действительно хотела напасть на меня? Или мне все-таки показалось?

Но пока я думала об этом и училась заново дышать, Иррит уже вовлекла виверну в танец. Когда и как успела, я не увидела. Но, в отличие от своего менее удачливого коллеги, от которого как раз всем стадионом оттаскивали сбредившего ящера, у Иррит все было под полным контролем.

И защитное поле вокруг, которое ящер никак не мог пробить. И безостановочно щелкающий хлыст, рассекающий воздух то справа, то слева от виверны, то прямо над нею, то четко по земле — под когтистыми массивными лапами. И личные гибкость, проворность и выносливость, позволяющие ветале совершать пируэт за пируэтом и даже, кажется, не запыхаться...

Иррит знала свое дело. И на фоне всех предшественников смотрелась ничуть не хуже. Да и, лично на мой взгляд, даже лучше.

Кстати, куда же они все подевались? И что с тем бедолагой?

Успокоенная тем, что Иррит прекрасно справляется со своим ящером, я осмотрелась.

Синешкурая виверна слабо трепыхалась, спеленутая блестящей магической сетью. Горекротителя поместили в синеватый и прозрачный, похожий на глыбу льда, магический кокон. И два мага в черных балахонах что-то активно колдовали над ним. Ясно. Штатные лекари-некроманты при исполнении. Думаю, практики у них тут хватало.

С моего места разобрать, насколько сильно парень пострадал, было невозможно. Но вряд ли над ним бы так хлопотали, погибни он. Да и сам кокон перемещали по воздуху телекинезом или чем-то очень похожим на телекинез так осторожно, что это оставляло для меня надежду — парня несут лечить. Значит, все с ним будет хорошо. Наверное...

Что касалось других укротителей, то они как увели с поля покоренных животных, так обратно уже и не вернулись. И даже нападение на коллегу не вынудило их к этому. Возможно, потому что теперь их виверны требовали к себе особенного внимания. А, может быть, потому что это все было лишь рабочей ситуацией. Потому что, кроме как усталости на

лицах загонщиков, удерживающих в цепях и сетях все еще рычаще-шипящего зверя, я не увидела ничего.

Синешкурую виверну, если честно, было жалко. Может и зря, она ведь чуть не загрызла парня. Но, с другой стороны, она сюда попала вовсе не по собственному желанию. И ее попытка освободиться была понятной.

Что же теперь ее ждало? Может выпустят на волю?

Пока я думала об этом, обычный серый и пушистый, очень холеный кот, похожий на мейн-куна, лениво ткнулся в мою руку, громко мурлыча. Я машинально протянула ладонь и принялась чесать животному шею, глядя на то, как Иррит взмывает на виверне в небо. И как у златошкурого ящера снова и снова не получается сбросить седока.

И хоть виражи, какие закладывали эти двое в небе, ничуть не уступали тем, что делали предыдущие виверны и наездники, после событий на стадионе это воспринималось уже как что-то обычное.

Иррит со своим чудовищем справится. В этом я не сомневалась. А, судя по тому, как загонщики и прочие стали расходиться от арены, в этом не сомневался вообще никто.

Нахальный кот, решивший, что руки ему мало, по-хозяйски залез на мои ноги и принялся тереться об них пузом, мурлыча еще громче. Я усмехнулась, глядя на наглую зеленоглазую морду...

И вспомнила, где же я раньше уже видела этого кота!

Дернулась, скидывая животное с колен на каменную лестницу. Поймала в голове запоздалую мысль, что, вдруг, я ошиблась, и это — просто кот? Да еще только что невинно пострадавший от моих рук.

Но нет. Кот уже покрылся «ртутью», и уже начал менять формы и размеры, становясь тем, о ком я во всей этой карусели событий успела подзабыть. Но он совсем не забыл про меня. Тайрэнн.

Одетый с иголочки в белую сорочку, светло-серую парчовую жилетку и темно-серые брюки. Весь в вышивке, серебре и жемчуге. С платиновыми длинными волосами, собранными в низкий хвост, перетянутый ленточкой. Тайрэнн был похож на холеного и избалованного завсегдатая модного салона. Хотя, почему похож?

Приняв человеческий облик, ветала-перевертыш медленно и снизу вверх прошелся по мне оценивающим взглядом. Начал с кончиков лакированных туфель, затем уделил внимание расшитому подолу темно-синего платья, шелковой юбке, приталенному лифу, аккуратному декольте, обрамленному белым кружевом... И только после наконец-то добрался до лица.

Уткнулся в мой прямой взгляд своим — ярким и жестким. Сложил капризные губы в усмешку.

— Вижу, ты быстро сориентировалась и не плохо устроилась, — начал он, растягивая слова. — А так как прима ректор вряд ли настолько заинтересована в тебе, ведь все студенты без клана и так принадлежат академии и нет смысла тратить на вас больше, чем положено. Значит, ты нашла себе покровителя поинтереснее меня. Любопытно... И в библиотеку, я так понимаю, не ходила. Иначе сейчас тебя волновали бы другие вещи, а не то, как одного неудачника терзает виверна, пока толпа других любят на то, как моя сестра веселится с другой.

Молчу. С одной стороны, он кругом прав. С другой — даже правда в его исполнении звучит, как что-то неправильное, лживое и пугающее. Извращенное.

А ведь еще этим утром я думала о том, что была бы рада видеть его! Ну-ну. Я явно переоценила степень своей скуки.

Зато этими словами Тайрэнн снова растревожил болото сомнений внутри меня. И все они были связаны с Сэмом. Ведь я уже дважды была в библиотеке и каждый раз находила с десяток отговорок, почему я не должна читать то, что так старательно подсовывал мне перевертыш той статьей и запиской. Да и сегодня я думала, о чем угодно, только не о той информации.

Почему я так этого боюсь? Потому что догадываюсь, что там найду о Сэме что-то такое, от чего предыдущее мне покажется ерундой? Но разве это не идеально, чтобы раз и навсегда разрушить влюбленность, которая, как я догадывалась, за ночь никуда не ушла?

Но пока не прочту, не узнаю.

Только это все потом. А вот разозленный чем-то Тайрэнн — он здесь и сейчас. И эту проблему тоже нужно было решить. И лучше — раз и навсегда. Не хочу каждый раз вздрагивать, когда буду видеть какого-нибудь кота.

А еще с этим стоит поторопиться. Ведь судя по солнцу на небе, которое за время объезда виверн успело подняться очень высоко, совсем скоро меня ждет встреча с Сэмом.

— Уважаемый прим, — я набрала воздуха в грудь и встаю, собираясь обойти перевертыша, — так как я не планирую быть полиморфом, то мой круг общения, приоритеты и интересы вас не касаются. Я глубоко признательна вам за оказанную мне помощь при пересечении границы миров. Но дальше наше общение не обязательно.

Ловлю изумленно-удивленный взгляд веталы. Кажется, к таким ответам он не привык. Надеюсь только, что я все-таки не перегнула палку, и позже не поплачусь за эти слова.

И, разнообразия ради, в этот раз приближение Рыжика замечаю издалека. Так как на стадионе сейчас осталось очень мало людей, да и те — парочка наблюдателей на других трибунах, не заметить еще одну фигуру в черной форме наездника, бодро шагающую к нам между лавочками, невозможно.

Тайрэнн его не видит, но ловит направление моего взгляда и сразу же оборачивается посмотреть на то, что меня так заинтересовало.

— Этот дракон? — переспрашивает он удивленно, пока Фаттарэт размашистыми шагами быстро сокращает расстояние. — Серьезно? Я думал, ты умнее. Он же даже не старший сын. Всего лишь один из трех. Ты хоть понимаешь, что после связи с ним, тебя здесь никто всерьез воспринимать не станет? Ты просто будешь очередной человечкой, поведшейся на крепкие мускулы и кожаные крылья.

«А после связи с тобой, значит, станет?» — удерживаю на языке. С трудом. Но все-таки удерживаю.

— Спасибо за предупреждение, — отвечаю ему, ловя обращенную ко мне широкую солнечную улыбку Рыжика и следя за тем, как хмурятся густые брови драконочеловека, когда он видит Тайрэнна.

— Женщины для них никогда не будут равными, — не унимается Тайрэнн, даже не пытаясь снизить тон голоса. И выглядит ветала сейчас как тот, кто никак не может поверить в происходящее. — Он использует тебя, пока ты ему будешь интересна, а потом женится на той драконихе, которую ему подберет клан.

Может он и прав. Но почему мне чудится в этих словах что-то глубоко личное? Или запугивать всем подряд — это его любимая тактика? Сэмом он меня тоже запугивал.

И какое ему вообще дело до моей личной жизни?

— Я не знаю, что вы себе придумали, прим. Но я пришла в «Истон» учиться. И только за этим, — все-таки обхожу его со стороны. — И буду счастлива, если вы не станете мне мешать.

Глава 10

Ага, как же!

— И именно ради учебы, ты нашла себе этого? — Тайрэнн делает небольшой шаг, и теперь мне снова нужно его обходить, чтобы попасть в проход между лавочками. Да только тогда я выйду напрямиком на Фаттарэта, который уже совсем близко. Со стороны это будет выглядеть так, будто я бросилась к дракону навстречу. Глупейшая ситуация.

А как было бы хорошо не тратить сейчас время на разговор ни с тем, ни с другим, а как можно скорее попасть в сад! Тем более, чтобы сделать это, мне нужно будет пройти через всю академию.

Конечно, «встроенная» магическая навигация не даст заблудиться. Но я с каждой секундой все больше ощущала приближение «часа икс» и знала, что опоздание не пойдет мне на пользу. И злилась от этого только больше.

— Я никого не искала, прим. Пропустите. Мне нужно идти.

Тайрэнн не двигается. Только его губы, пытаюсь что-то сказать.

Но:

— Прим Эра, вы плохо слышите просьбу девушки? — без предисловий вмешивается Фаттарэт, подходя к нам.

Кулаки не сжимает, но все равно выглядит недовольным и оскорбленным. Небо, ему-то с чего?

Их патриархатичные замашки мне больше не кажутся милыми. Они все больше напоминают удавку на шее.

Интересно, мне так повезло персонально или Акрл — мир, где все решают мужчины?

Но как так? Ректор академии же женщина! А среди укротителей есть Иррит. И она была не единственной девушкой на стадионе — среди загонщиков я видела еще несколько.

Но память тут же подкидывает сцены того, как именно Тайрэнн общался с прямой ректором. Да и девушек на стадионе было значительно меньше мужчин...

Мда. Кажется, доказывать, что я — не верблюд, придется не только по той причине, что за мной нет клана. Но и по той, что ношу я юбку, а не брюки.

Мысленно застонав, возвращаюсь в реальность — к «коту» и дракону. А те продолжают решать, кто круче. К счастью, только на словах.

И следующий пас отбивает Тайрэнн, игнорируя вопрос Рыжика:

— Кто дал вам право вмешиваться в дела клана Эра, эннир Фаттарэт-шарренэ Силлер Семнадцатый Красной Линии, третий сын своего отца?

— С каких пор этти Татьяна — дело клана Эра? Я не слышал о ее договоре с вами. Этти, — а это уже ко мне, — прим Эра обещал вам покровительство, и вы приняли его?

Мысленно застонав еще громче, не нахожусь с ответом. Точнее, ничего не успеваю сказать. Тайрэнн, игнорируя меня, оборачивается к Фаттарэту уже всем корпусом.

— Но и о договоре с вашим кланом или персонально вами я тоже ничего не слышал. Вы, эннир, готовы его предоставить?

— Нет, — роняет Рыжик, зеркала позу «кота» и уже, кажется, забыв о моем существовании.

Я мысленно стону третий раз. И, понимая, что спуститься по этой лестнице, эти двое

мне не дадут, начинаю подыскивать пути отступления. Они есть. Но тогда мне придется пройти еще через ряды деревянных лавок, что и не удобно, и, все-таки, очень невежливо по отношению к мужчинам.

Часы внутри тикают сильнее, до предела натягивая какие-то струны и сгущая воздух. Но этикет и страх сделать все еще хуже, заставляют остаться на месте.

— Так почему тогда вы здесь, эннир? — Тайрэнн становится еще злее. — Вы разве не должны сейчас гладить виверну за ушком? Или что вы там, наездники, делаете после их укрощения?

— Свое дело я знаю прекрасно и не вам меня ему учить, — Фатаррэт тоже мирным не выглядит. — Но вы, прим, я смотрю, все никак не можете смириться, что вас к нам не взяли. Вашу сестру взяли, а вас нет.

И это однозначно удар ниже пояса!

Хм... Возможно, этим двоим вообще все равно из-за чего ссориться, и я — лишь удобная причина для конфликта. Это многое объяснило бы.

И вот не пугает же одного перспектива драки с драконом, а второго — драки с главой чужого клана! Но разбираться в драконовой и ветальской психологии мне уже совсем-совсем некогда. Где-то внутри срабатывает «будильник». И я, как белый кролик, готова бежать куда-то вперед, выкрикивая каждую минуту, что опаздываю.

На этой волне предпринимаю последнюю попытку спуститься, привлекая внимание мужчин:

— И все же, прошу меня извинить, прим и эннир, но мне действительно пора.

— Я провожу вас, — звучит дружное и будто очнувшееся. Про меня наконец-то вспомнили! Ура! Теперь, главное, чтобы выпустили, а потом — пусть творят, что хотят. Меня их разборки не касаются.

— Нет, спасибо. Это в академии, дорогу я найду.

— Я настаиваю, этти, — не менее дружно.

Медленно выдыхаю. Мне больше не смешно. Совсем.

Воздух вокруг сгущается. Радужные всполохи и солнечные зайчики освещают пространство вокруг нас. Мужчины обеспокоенно переглядываются. А я...

А я, небо, очень сильно опаздываю!

— И я тоже настаиваю на том, что дойду сама, — устав ждать, делаю шаг вперед, оказываясь между мужчинами. Пробираюсь через другие лавочки некогда.

Всполохов становится больше. Где-то рядом искрят молнии. Слышу и вижу активное поле телепортации, собирающееся вокруг нас.

Сэм? Но цвет его магии другой.

Пространство дергается.

В этот раз перемещение проходит еще стремительнее, чем в прошлый. Если и чувствую какой-то дискомфорт, то совсем недолго. А когда вселенная снова становится осязаемой и реальной, вижу, что картинка вокруг нас кардинально сменилась.

Нет больше стадиона. Есть полуденный парк, дорожка, цветущие по ее бокам розовые гуланты.

Ну и Сэм среди них.

Одетый в обманчиво простую на вид черную одежду местной мужской моды, застывший с равнодушно-каменным выражением лица...

Последнее, впрочем, тут же меняется на, мягко сказать, удивленное, когда он замечает

меня. И моих неожиданных спутников по бокам. Потому что и Тайрэнн, и Фаттарэт тоже оба здесь.

— Ты-ы-ы?

— Опять ты?

— И ты тут?

Слышу от этих троих.

И мысленно стону в-кто-знает-какой раз, закрыв лицо руками.

А может, все-таки, будем меня магии учить, а? А то я вот, кажется, только что всех сюда перенесла... Хорошо бы узнать, как я это сделала.

К счастью, никаких серьезных разборок не следует. Все трое после обмена возгласами, замолкают и хмуро переглядываются, решая, что делать дальше. А я получаю возможность оценить результат этой неожиданной очной ставки.

Рыжик выглядит удивленным, Сэм — злым. И только Тайрэнн будто пойман с поличным.

Ну точно! Он же ничего не должен знать про Сэма! И не просто «не знать», что преступник-альв сейчас в Акрле. А даже знакомым с ним не быть! Но своей реакцией Тайрэнн только что признался в своей осведомленности.

И, самое главное, признался в этом передо мной! Потому что Рыжик еще на острове дал бы понять, что знает о преступлении Сэма.

Что ж. Если до этого у меня и были какие-то сомнения в том, что Тайрэнн в машине не просто так запугивал меня, то только что их не стало. Только зачем ему это нужно? Вопрос, на который у меня пока не было ответа.

Думаю, про драконов он тоже что-то приукрасил. А если и нет, то все равно одну и ту же правду всегда можно подать по-разному. Так что мне еще предстояло выяснить, что же на самом деле было скрыто за словами перевертыша.

Но все это, конечно, не отменяло гибели студентов. Только теперь выяснять, что же на самом деле натворил Сэм, я буду сама. Без чужих заботливых подсказок.

Что же касалось драконов, то меня смущало лишь то, что Фаттарэт, которого я сегодня видела третий раз в жизни, и с которым до этого обменялась лишь несколькими фразами, уже относился ко мне как-то особенно. Слишком лично. Ну, или делал вид, что так относился.

«Ничего! Разберемся и с этим!» — категорично заявил внутренний голос. И я не стала с ним спорить.

Тем более, мужчины наконец-то очухались. Снова вернули на лица прежние выражения: Рыжик ревнивое, Тайрэнн горделивое, ну а Сэм — каменное.

— Я могу узнать у вас, энниры, почему вы сопровождаете этти на встречу со мной? Да еще так настойчиво, что рискнули прийти через поле Азинштээля все вместе? — обратился он к ним, игнорируя три вещи. Первое, то, что все уже поняли, что все тут друг с другом знакомы. Второе, то, что Тайрэнн, отчетливо скрипнувший зубами, — вообще-то прим. Ну и третье — меня.

Было обидно и непонятно. Я-то ни в чем не виновата!

Но я заставила себя убрать руки от лица, расправить плечи и унять странные эмоции в груди. Чем безразличнее я буду относиться к Сэму, тем лучше. И его холодно-равнодушный тон — это ведь лучшее средство от моей влюбленности! Не так ли?

— Это случайность, прим. Я не хотел ничем досаждать этти, — Рыжик выглядел

растерявшимся. — И уже ухожу. Этти Татьяна, — он перевел хмурый взгляд с альва на меня, словно сомневался в своем решении. Возможно, так оно и было. Я ведь так и не узнала, зачем он искал меня на стадионе. Но слова Сэма и то, что в прошлый раз я уже сделала выбор между этими двумя в пользу альва, не оставляли ему выбора. — Прошу извинить мою бестактность. Доброго дня, этти, прим, прим, — закивал он нам троим по очереди и, с глубоко задумчивым выражением лица, телепортировался в клубке огненно-красных молний.

— А вы... Эннир? — избавив нас от общества одного, Сэм взялся за второго.

— А я, будучи примом, объясняться перед вами не буду. Всего доброго, этти. Но знайте, — многозначительно добавил Тайрэнн, окружая себя серебристыми молниями. — Даже дракон был бы лучше, чем...

Окончание фразы «чем Сэм», осталось не сказанным. Но, тем не менее, вполне понятным.

Еще пара мгновений и затухающего треска электричества в воздухе — и мы с Сэмом наконец-то остались одни.

Вроде только что вокруг нас было слишком много лишних глаз и ушей, и я искренне желала избавиться от них, да поскорее. Но стоило только этому желанию сбыться, как мне остро захотелось, чтобы кто-нибудь сейчас оказался рядом и послужил громоотводом начинающейся грозы.

Потому что больше игнорировать меня Сэм не мог. Да и не собирался. Медленно развернулся ко мне. Хищно сверкнул глазами.

— Меня не касается ваша личная жизнь, этти, — антарктическим льдом в его голосе можно было заморозить солнце, — но, если она будет мешать нашим урокам, я буду вынужден в нее вмешаться. Потому что до тех пор, пока вы не пройдете первую инициацию, я не смогу избавить вас от своего, а себя от вашего общества. Предлагаю не лишать нас обеих прекрасной возможности сделать это всего лишь за какой-то год. А после — свяжите себя хоть со всеми драконами и главами клан округи. Многие из них ценят в женщинах доступность, легкомысленность и... Общительность. А в вас, я смотрю, этих качеств с избытком.

Что?

Подавившись воздухом, я все-таки заставила себя не сказать самые первые слова, просившиеся на язык. Сказала вторые:

— Какие любопытные замечания и от вас, прим, — а вот горькую усмешку сдержать не смогла. — Что ж, прекрасный способ начать урок. Уверена, я их не забуду. Но, надеюсь, с любезностями покончено и мы наконец-то перейдем к чему-то более полезному для нашей совместной цели избавления друг от друга, да?

— Да, — прожигая меня глазами ответил он. — Вчера я просил вас прочитать те книги, что вам отобрали в библиотеке. Так расскажите, что вы уже узнали о магии и какие вопросы вас интересуют больше всего. Я слушаю.

Глава 11

Так начинается наш первый официальный урок...

А когда я наконец-то возвращаюсь в спальню, на одном из тех браслетов, что мне выдали еще на границе, светится синеватая «неоново-голографическая» отметка в десять вечера.

Оказывается, они и так умеют. Просто я не знала. Но Сэм, ради того, чтобы я больше

никуда не опаздывала, любезно показал мне, как это сделать.

Любезно... О да! Но ведь на самом же деле — любезно.

Только его любезностью за этот день я сыта по горло. Именно из-за нее я настолько уставшая — и морально, и физически, что все, на что меня хватает: быстро перекусить, принять душ и завалиться в постель, слушая трели ночных птиц за окном. Даже на то, чтобы думать и анализировать как-то прошедший день сил нету.

В голове вообще кроме фразы «какая же ты сволочь, Сэм» нет ни одной мысли. Только если меня спросят, чем именно он заслужил такую характеристику, я, признаться, и не отвечу. Потому что наш затянувшийся многочасовой урок можно было считать образцовым со всех сторон.

В нем было все.

И внимательное выслушивание моего «домашнего задания» с последующим детальным разбором и наглядными примерами. И глубокие лекции от оратора, прекрасно разбирающегося в теме и способного ответить на сложные вопросы просто, подробно и запоминающеся. Так, что и заучивать ничего не надо. Все само по себе откладывалось в памяти и настолько хорошо, что я прям сейчас могла сдать зачет по любой теме, которую Сэм озвучил.

Кроме них была и объемная практика, начиная от самого простого, заканчивая вещами, которые я даже представить не могла. И за нее я не только узнала все о движении магических потоков внутри растений, но научилась их слушать: специально и без стрессовых ситуации в виде нападения волков. А еще я научилась делать эту магию видимой, а после — применять.

Да-да. Сегодня, все еще не зная ни одного заклинания и плетения, я впервые использовала магию потому, что действительно этого хотела! Да, сырую и ни во что не трансформированную. Больше интуитивную или, как сказал Сэм, детскую. Но самую что ни есть настоящую!

Благодаря этому сорванные бутоны в моих руках больше не вяли, а из листочка я могла за несколько минут вырастить настоящий побег. Хотя первый раз я растила такой побег почти час. Но уже во второй справилась гораздо быстрее! А отломанную Сэмом с дерева ветку под его руководством сперва высушила, а после — прирастила обратно к дереву и напитала силой так, что та даже зацвела.

Конечно, слабость после этого физическая была такая сильная, что после волшебства я с трудом стояла на ногах. Но я была рада тому, что научилась. И рада этому так сильно, что даже Сэма, с его каменной физиономией, кажется, проняло. На миг мне показалось, что маска ледяной любезности, которую он «надел» на наш урок, все-таки треснула и за ней снова проступило живое лицо человека.

Но если это и было, то длилось слишком мало времени. И бесстрастный альв, все это время контролирующий мои действия, вернулся слишком быстро.

Потому что на этом уроке было все, кроме Сэма, которого я до этого успела узнать. Вместо него был какой-то другой Сэм. Вежливый до равнодушия и церемонный до безразличия. Ничего от того, кто до этого вызывал внутри меня хоть какие-то позитивные эмоции.

Хотя, кто знает, может это и был самый настоящий Сэм? А все остальное, даже его злость на Тайрэнна и Фаттарэта, было только спектаклем?

Вот таким был мой первый официальный урок. И это был одновременно и лучший, и

худший урок в моей жизни.

Зато я точно могла сказать, что влюбленности во мне стало гораздо меньше. Ну, действительно, разве можно что-то испытывать к истукану? Тем более, к такому, которому до тебя нет никакого дела?

Да я к книгам, которые он меня после отправил читать, испытывала больше радостных чувств! Те ведь не смотрели на меня, как на досадное недоразумение.

За их чтением прошел остаток этого дня до глубокой ночи. На счастье, в гордом одиночестве. После шоу с вивернами и изматывающего занятия магией, я по достоинству оценила тишину и покой, какой давали черные кристаллы в библиотеке.

Но утро началось с деликатного стука в дверь.

Открыв глаза, не сразу понимаю, где и что стучит.

Стук повторяется. Деликатно, но настойчиво.

Смотрю на часы — полшестого. Не то, чтобы прям «рань несусветная». Но досрабатывания волшебного будильника еще полчаса. Так, и кому я могла понадобиться в «Истоне» в это время?

Жалею, что на двери нет глазка, а как-то магически определить, кто за ней стоит, я пока не умею. Остается только довериться защитным чарам академии. Мага, желающего мне навредить, они ко мне не пропустили бы. Хотя я все еще не до конца понимаю, как это работает. И что делать, если маг с дурными намерениям не является ни студентом, ни работником «Истона»?

Новый стук в дверь заставляет прекратить с анализом и заняться реальностью.

— Да-да, — откликаюсь я. — Кто там?

Но в ответ вместо слов слышу мелодичное потренькивание. Будто кто-то дернул разом связкой хрустальных колокольчиков.

Может, это такой аналог магического звонка? Мол, если достучаться нельзя, начнем звонить.

Ок, гугл. И кто же такой настойчивый?

— Уже иду, — накинув бежевый пушистый и длинный халат поверх синей шелковой ночной пижамы, похожей на кимоно, по пути до двери быстро ощупываю собранные на ночь в тугую косу волосы. Утренний гость, конечно, сам должен понимать, что в такой час его тут не будет ждать разодетая в пух и прах принцесса. Но растрепой выглядеть тоже не хочется.

Да только никакого гостя за дверью нет. Точнее, есть, но это совсем не гость.

Перво-наперво вижу плетеную корзинку с цветами и фруктами, висящую на уровне моего лица. А уже только потом замечаю то, что удерживают в воздухе сей шедевр местного флористического искусства с помощью золотой пыльцы сразу с десятков фей-мальчиков, одетые в подозрительно одинаковые цветочные зелено-желтые костюмы, будто в униформу. Только крылышки у всех за спинами разные и по цвету.

М-м-м... Оригинальная служба доставки. Знать бы еще, от кого.

Завидев меня, феи начали активнее «звенеть», голоса что-то чудными голосами.

Это они меня так ругают? Или представляются?

И что делать с корзинкой?

Небо! Ну почему во всяких книгах попаданцы легко вписываются в новый мир? Тут же на каждом шагу опасаясь сделать что-то не так! Не тому улыбнулась — и все: записали в «слишком общительные». А если подарок вот этот принять? А если не принять?

На счастье, вижу, как одна из соседней дверей по коридору резво распахивается и оттуда бодрым шагом в форме наездника показывается Отти. У девушки явно прекрасное настроение и она, даже, кажется, что-то тихонько напевает. Но альвийка тут же тормозит, заведя фей с корзинкой и меня. И на курносой ушастой мордашке девушки проступает сильная заинтересованность сценой.

О! Супер! Она-то должна разбираться во всяких нюансах поведения в этом мире.

— Отти! Привет. Помоги, а?

— Привет, Таня, — улыбается она, подходя. — А чем помочь?

— Просто я не знаю, от кого это. И зачем. Мне надо это забрать? Или нет? Но, наверное, надо, да? Феям же тяжело, наверное.

Отти стреляет в меня веселым взглядом.

— Не-а. Им не тяжело, — еще шире улыбается она. — За это не бойся. А про остальное — ну, посмотри, что в свитке написано.

— В свитке?

— Ага, там внутри должно быть свиток. Такой, с красной печатью салона, откуда это доставили. Печать ломаешь, свиток разворачиваешь и читаешь.

— А это безопасно? — вспоминаю браслет от Сэма. Кто знает, что могут быть за чары на свитке.

— Совершенно. Но если боишься, давай я печать сломаю.

— Да, нет. Я сама, — рискнуть случайной помощницей хочется еще меньше, чем собой. Ну, в конце концов, если что, почему из-за меня должна страдать вот эта альвийка?

Так что под внимательными взглядами феев и Отти, нахожу в центре аппетитной композиции тот самый свиток. На скрепляющей его восковой печати штампом оттеснен силуэт феи с цветком.

Ой, а что, если посылка от Сэма? Запоздало думаю я, ловя себя на желании того, чтобы она ей действительно оказалась. А еще, чтобы так он извинялся за свои вчерашние слова.

Но нет. Послание на свитке гласит, что отправителем этого подарка является Фаттарэт. И он же просит меня не только принять корзинку, но еще прийти сегодня снова на стадион, где он с удовольствием устроит мне экскурсию и покажет всех местных животных.

И теперь я растеряна еще больше.

Наверное, это отражается на моем лице. Потому что Отти тут же спрашивает:

— Такое плохое послание?

— Да нет. Просто я, — я вспоминаю все, что слышала о драконах от Тайрэнна и Сэма, а еще появление Фаттарэта на празднике, наше знакомство с ним в библиотеке, когда я, как мне показалось, ему совсем не понравилась, но все это время своим поведением он доказывает обратное. И я теряюсь от всего этого окончательно, — я не знаю, что мне делать, — признаюсь, обескуражено. — Может, подскажешь?

И протягиваю альвийке свиток.

— Может и подскажу, — кивает девчонка, тряхнув бело-сине-фиолетовыми волосами. — Ого, какое длинное имя! — тут же замечает она, с интересом вчитываясь в написанное. — Дракон! Да еще один из чемпионов-наездников! — восклицает, глядя на меня с восхищением.

— Ага, — киваю, — он самый.

— Вау! Это многое объясняет! — бросает она лукавый взгляд на мою одежду.

Ну да, мне такое точно не по карману.

— Это не его подарки, — уточняю, давно не уверенная, стоило ли вообще принимать от Сэма хоть что-то. Пока все, что в моей жизни хоть как-то связано с ним, оборачивается какими-то сомнительными вещами.

— Не от дракона? — с удивлением переспрашивает Отти, теперь глядя на меня так, будто у меня только что на лбу рога выросли или за спиной крылья. Хотя, уверена, ни тому, ни другому она бы совсем не удивилась.

— Нет. Фаттарэт мне ничего не дарил. Только вот эту корзину прислал сейчас. Впервые.

— А от кого тогда? — любопытство однозначно распирает подростка, но она тут же спохватывается: — Но... Извини, это не мое дело, — смущается Отти. — Но, если кроме цветов от дракона больше ничего не было, то чего тогда ты не знаешь? Это же... Как ты говорила?.. Круто! Да! Это же круто?

— Круто — что? Ты не могла бы объяснить. Что будет, если я приму этот подарок и соглашусь на встречу? И что будет, если не приму? Дракон обидится?

— Обидится? — Отти сперва прыснула, а потом звонко рассмеялась. — Нет, он не обидится. Ни я, ни ты не можем обидеть дракона! Чтобы мы не делали. Хоть капризами их изводи.

— Это почему?

— Потому что обидеть дракона может только равный ему! А женщина не может быть равной дракону.

И почему-то от нее это звучит не как что-то плохое.

— Но ведь это же угнетение, — говорю осторожно, чувствуя себя очень глупо. И не зря.

— Угнетение? — весело спрашивает альвийка, заново начиная смеяться. И только отсмеявшись аж до слез, она наконец-то находит силы объяснить мне то, чего я никак не могла понять. И чего бы никогда не приняли земные феминистки.

Глава 12

Тайрэнн не врал, когда расписывал поведение драконов. Но, как положено, у медали две стороны. Драконы-мужчины действительно, все как один, озадачены раскачкой боевой формы. Еще бы! Глава клана не может взять из подопечного-подчиненного никакой магии, если тот находится в драконьем облике. Вся сила, что есть у дракончеловека, когда он просто дракон — она вся его.

И да. Драконницам действительно запрещено увлекаться тем же. Причины для этого вески и связаны с продолжением рода.

А раз уж у самых сильных существ в пяти мирах самки слабее самцов, то разве может быть самка какого-то другого вида сильнее дракона? Или хотя бы быть равной ему? Драконы уверены, что нет. Спорить с ними желающих крайне мало.

Именно поэтому драконы воспринимают любых женщин, как нечто хрупкое и драгоценное. Как сокровище, которое нужно беречь, оберегать, холить и лелеять.

А еще как то, что совсем не разбирается в мужских проблемах. Поэтому для них женские капризы — священны. Но женские советы и мудрость — нонсенс.

В итоге, драконницам запрещено разговаривать в присутствии мужчин-драконов, если те сами не спросят ее об этом. Зато если драконница откажется выходить замуж за дракона, пока он не достанет ей звезду с неба, он должен будет достать. И после свадьбы тоже, если его жене вдруг захочется в коллекцию еще одну. Или даже не одну.

И в своем отношении к женщинам драконы не делают различия между видами.

— Например, вчера. Ты же видела, как Наррирэт и Фаттарэт предлагали Иррит поменяться с ними местами? — вернув мне свиток и активно жестикулируя, Отти вздохнула, расписывая особенности драконьего рода, давно уже не нуждаясь в моих вопросах. Я еле успевала кивать на ее слова и, иногда, что-то спрашивать, чтобы вернуть разговор в нужное русло. — Наррирэт — это первый из тех, кто вчера выступал. А Иррит — темноволосая ветала, что была самой последней, — уточнила Отти, не зная, что я знакома с той. — Единственная ветала-чемпионка за последние триста лет, между прочим! — с гордостью, будто речь о ее старшей сестре, продолжила альвийка. И я сделала мысленную заметку никогда не спорить о качествах Иррит с Отти. Скорее всего, меня в этом споре никто не поддержит.

— И зачем они это ей предлагали?

— Потому что тогда у Иррит было бы больше шансов заинтересовать собой самую сильную виверну. И выбор больше. Ну и виверн же злят специально: чтобы ауры связать. Связанная виверна не видит перед собой никого и ничего, кроме наездника, который ее укрощает. И самые последние — они самые хитрые. Они не дают сцепиться с их аурами! Делаю это, чтобы вырваться и сбежать. Ну, вот та, что чуть не загрызла Пата, она же именно это сделала.

Я кивнула. Вот, значит, о чем рыжие парни говорили с Иррит. И вот, значит, что случилось с тем парнем и его виверной.

— И драконы предлагали Иррит поменяться с ними очередью?

— Да. Чтобы она меньше рисковала. Но у нас, у наездников, правило: выпал жребий — следуй ему. Так что драконы, хоть и посадили бы Иррит на трибуны и запретили бы ей подходить к загонам, если бы могли. Но — вынуждены с ней считаться. Они вообще не понимают, когда женщины стремятся к таким опасным вещам или когда хотят чем-то управлять, кроме как слугами в доме.

— А как же тогда они слушаются приму ректора? — удивилась я.

— А этого никто не знает, — пожала плечами Отти. — Ходят слухи, что драконы хотели отозвать всех своих с «Истона», когда Льесы предложили на должность ректора приму Анну. Мало того, что женщина, так еще и человек! Драконьи лидеры были в гневе! Но... Как-то их уговорили.

— А веталы-мужчины — они тоже не любят подчиняться женщинам? — спросила я, вспомнив поведение Тайрэнна в кабинете ректора.

— Нет. Веталы все разные. Но люди с ними обычно не связываются. У ваших рас плохая сочетаемость. Разнополярность! Правда, всякое бывает. А если полукровки, то там вообще все по-другому... Ой! Дракону под крыло! — вдруг по-местному выругалась Отти, прислушиваясь к себе. — Мне же бежать пора!

— Извини, я тебя задержала...

— Да нет! Все хорошо, — девчонка мирно улыбнулась. — Просто лучше встретиться в другой раз. А подарок, — она махнула на все еще висящую в воздухе посылку, которые феи держали в терпеливом ожидании, — я бы приняла. Ты просто скажи Фаттарэту, что у тебя это... Ну, — Отти замялась и слегка покраснела. — Есть покровитель. И дракон ничего ждать не будет. А если идти на встречу не хочешь — отправь ему письменный ответ с этими же доставщиками. Они поймут, куда доставить, если скажешь им, чтобы передали отправителю.

Покровитель... О да! Тот еще покровитель...

И, бойко попрощавшись со мной, она бросилась бежать.

А я осталась решать, как написать письмо дракону: чем и на чем. Но, главное, о чем!

С одной стороны, еще раз посмотреть на всех этих чудесных животных и узнать про них как можно больше хотелось очень сильно. Получить в этом мире друга, пусть и такого, в компании которого иногда придется молчать только потому, что «женщинам слово не давали», тоже. Тем более друга, с которым бы считались и Сэм, и Тайрэнн. Но...

Но я всегда старалась все просчитать наперед. Вот и сейчас взвешивала «за» и «против», стоя посреди коридора и разглядывая уставившихся на меня в ответ феев. А те может и хотели, чтобы я уже что-то сделала, но никак не показывали усталости или нетерпения от того, что я все еще не забирала у них подарок, но и не просила вернуть тот обратно.

Причин принять корзинку и приглашение было много. Но все они — легкие и поверхностные. Причины отказать тоже были. И они были куда глубже.

Предположим, что-то пойдет не так, и из-за меня сцепятся дракон и глава клана. Чем это обернется для меня? Чем и как я буду возмещать возможные репутационные убытки для любого из них? Я готова к предложениям, от которых не смогу отказать?

Нет.

Тем более, Тайрэнн был уверен, что уже сделал мне одно из них. И только по счастливой случайности он в этом ошибся.

Да и я уже видела на стадионе, как Рыжик и «кот» общаются между собой. Им только дай повод подраться! Я этим поводом становиться не хочу.

Что же касается Сэма, то от него Фаттарэт не станет меня защищать. Для него все предельно ясно, чтобы он себе не придумал. Это очень хорошо было видно вчера, когда он, рассыпаясь в извинениях, оставлял нас одних в саду.

Так что, как бы я не хотела еще раз послушать мурлыканье местных Ирбисов, делать мне это лучше в компании кого-нибудь другого. Но никак не дракона. Или, по крайней мере, в компании не этого дракона.

Получается, принять приглашение об экскурсии я не могла. Но возвращать цветы и фрукты, судя по всему, было не обязательно. Оставалось только решить, как дать дракону знать, чтобы больше ничего не слал и на меня не рассчитывал.

Немного подумав, я все же достала из сумки ручку — «драгоценный» запас, так как других письменных принадлежностей у меня не было и когда появятся, я не знала. И, уповая на то, что Фаттарэт найдет артефакт, с помощью которого это все можно будет перевести, печатными буквами вежливо, насколько умела, написала ему ответ на том же самом свитке, что он передал мне.

Наконец-то забрав у феев посылку и сказав им, кому передать свиток, я, убедившись, что они тут же полетели в сторону главного корпуса, осталась одна. И вовремя. Браслет-будильник как раз завибрировал на руке, напоминая, что утро пришло. И я, отправляя в рот кусочек какого-то кисло-сладкого местного фрукта, похожего на смесь манго, персика и киви одновременно, точно знала, на что мне стоит потратить эти часы.

Так как домашнее задание было сделано еще вечером, почти до обеда я была совершенно свободна. И это была прекрасная возможность наконец-то попасть в город: осмотреться и узнать про работу в нем.

Конечно, можно было бы никуда не ехать, а еще поупражняться в магии. Но вряд ли я смогу выучиться на друида быстрее, если буду приступать к новым урокам уставшей от

волшебства. Так что самостоятельные занятия с утра мне были пока не очень нужны. А вот деньги очень! И куда лучше, если это будут мои собственные деньги, а не подарки Сэма.

Жаль только, что пока мне придется тратить на дорогу до столицы те крохи средств, что я привезла с Земли. Но я надеялась, что эти траты себя окупят, поэтому затягивать со сборами не стала. И уже еще через полчаса выходила из главных ворот «Истона», решительно шагая в сторону карет, запряженных бьющих копытами пегасов и единорогов.

Парковка местного «такси» была сразу же за кованым забором, окружающим академию. От привычных «земных» стоянок ее отличали три вещи. Плитка вместо асфальта, которого тут, кажется, или не изобрели, или просто не любили. Вездесущие вазоны с мелкими цветами и различные статуи, время от времени меняющие позы и этим самым каждый раз пугающие меня, не привычную к таким вещам.

Ну и, собственно, сам вид «транспорта».

Правда, к каретам я уже стала привыкать. Сегодня их было на этой стоянке всего две. Хотя, судя по размерам, парковка была рассчитана минимум на несколько десятков повозок. Но, как говорится, не сезон. Поэтому даже те, что были, откровенно скучали.

Извозчики спали, пока кони нетерпеливо перебирали ногами и мелодично ржали. А пегасы еще время от времени раскрывали крылья, удивляя меня тем, как же они не мешают друг другу в полете. Не иначе секрет в синхронных взмахах. Ну а лакеи, присев на лавочку в стороне, увлеченно играли во что-то, напоминающее шахматы.

А вот что для меня было в новинку — это договариваться с местными самой. И вот, вроде бы, столько знакомств уже здесь было, да и на каретах несколько раз уже ездила-летала. Но все равно ощущения были новыми и волнующими.

Тем более, мое появление сразу же привлекло всеобщее внимание. Кони заржали сильнее. Извозчики стали похрапывать, глядя на меня сквозь щелочку век. А лакеи перестали двигать фигурки по доске и развернулись ко мне. К ним я и направилась, по пути придумывая возможные ответы и вопросы. Кто знает, насколько сильно тут принято забалтывать не знакомых с реалиями мира путешественников?

Но, к счастью, ничего из этого не понадобилось. Забалтывать меня не спешили. Закидывать комплиментами, чтобы потом выторговать себе плату побольше — тоже. Узнав, куда я направляюсь, цены назвали сразу же. И они оказались не таким уж пугающими.

Поездка на карете с пегасами стоила чуть дороже, чем с единорогами. Зато на пегасах было быстрее, так как по воздуху можно было развить большую скорость, да и препятствий в нем было меньше. Но я решила, что несколько монет мне сейчас нужнее нескольких минут, и выбрала единорогов. После чего лакеи свернули игру и один из них, альв с платиновыми волосами и в простой серовато-черной рабочей одежде, проводил меня до выбранной повозки.

Когда я с удобством усаживалась на мягкое сиденье, глядя в зашторенное тюлем и парчой окно, то думала о том, что как же это все-таки странно: что некоторые из существ, которые на Земле стали прототипами для мифических сидхэ и эльфов, в своем родном мире — всего лишь работяги. И что таких тут большинство. И тут скорее я — диковинка, чем они. Еще бы! Настоящая человечка-землянка! Вопрос только в том, поможет ли мне это или, наоборот, будет только мешать.

До центра Одаралина карета довезла меня еще за полчаса. Так что в городе я оказалась с раннего утра, еще до того, как стали открываться торговые лавочки и всякие кафе.

Договорившись сразу же о том, как буду возвращаться в «Истон» и установив на браслет-будильнике нужное время, чтобы больше никуда не опаздывать, я приступила к следующей части плана. Знакомству с городом и устройством тут на работу.

Первая из них прошла успешно. А вот со второй начались проблемы. Само начало проблем было ожидаемым. Неожиданным оказался их характер.

Первые часы я приглядывалась и изучала окружение, как и хотела. Благо, время для этого было подходящее — раннее утро. И на празднующую меня никто особенно не обращал внимание. Ну, ходит и ходит мимо какая-то девушка. Бывает.

А все это время город просыпался. И хоть выглядел он как сказочно-средневековый, ритм жизни и привычки местных напоминали то, что я видела в передачах о путешествиях по старой Европе. Той, где в городах не было построек выше четвертого этажа. Разве что с поправкой на то, что тут пыль и грязь с дорог по утрам убирали с помощью магии, сметая все ненужное ветром, затем выжигая пламенем, а после — освежая водой.

И можно было этому удивиться, но после того, как я вчера сама создала первое осознанное волшебство, оно больше не казалось мне чем-то нереальным. Наоборот, теперь оно стало частью и моей жизни. И мне еще больше хотелось как можно скорее научиться всему, что только смогу изучить. Только на учебу мне совсем скоро очень будут нужны деньги. Эта нужда подгоняла в поисках.

Ну а уж после того, как я увидела, как два уборщика-альва создают из пыли на окнах миниатюрных земляных элементарей или что-то очень похожее на это, и в качестве развлечения устраивают между ними дуэль, я пожалела, что не попала сюда в детстве. Делать ставки на то, чей «питомец» сильнее кинет в противника комочком грязи и собьет с ног, это было, как минимум, весело.

Но, увы, на этом веселая сторона моего празднования закончилась. Потому что на всей центральной площади Одаралина я не увидела никаких объявлений о том, что кто-то кому-то хочет предложить работу. Даже мошеннических. А по оговоркам местных в магазинах и кафешках, когда только по обращению одного продавца к другому было понятно, что они, как минимум, из одного клана, а, скорее всего, кровные родственники, я поняла, что найти работу здесь мне будет сложнее, чем я думала.

Оказалось, еще сложнее.

До этого я и не представляла, насколько все в этом мире на самом деле завязано на кланы. Особенно, если речь идет о девушке. До тех пор, пока не поняла, что для любого жителя Акрла отсутствие клана за спиной — это, как минимум, странно. А еще — неправильно, непривычно и даже опасно.

— Ищите работу? Ну, так-то нам нечего вам предложить. Но, как говорите, вас зовут? — спрашивали меня, когда я от стадии «изучить спрос и предложение на рынке» перешла к стадии «задать вопрос в лоб — вдруг повезет». — Этти Татьяна Голубева? Какое интересное имя. А клан какой? Нет клана? Девушка, что вы мне голову морочите! Вы — человек. Значит, кто-то или арэ Райгэль, или арэ Сиор, или арэ...

И дальше следовал не очень короткий список кланов, к которым, как я поняла, могут относиться люди в этом мире. Некоторые дополняли этот перечень кланами, вроде Льесов, в которых, как я узнала, могли встретиться представители разных рас. Другие ограничивались только набором из шести-семи кланов. Но после того, как мне объясняли, что я просто обязана быть кем-то из того или другого клана, мне тут же рассказывали о том, почему меня

не могут или просто не хотят взять на работу.

В качестве причин называли разное. Например: «С этими ворами я не собираюсь иметь ничего общего!» Или: «После того, как средняя дочь главы клана Тазиор триста лет назад сбежала из-под венца с сыном нашего главы, променяв его на выродка из Арлиндов, Ларинтоны с Тазиорами не имеют ничего общего! А вы, этти, точно принадлежите к ним! Хоть и пытаетесь меня обмануть, что это не так!»

Но такие пояснения были редкостью. Обычно я слышала отказ в более непонятной форме. По типу «не ломайте комедию, мы все прекрасно знаем, почему вам тут делать нечего!».

А некоторые веталы, которых на Акрле было немногим меньше, чем коренных жителей, и вовсе отказывались со мной разговаривать, стоило им только понять, что перед ними человек.

— И хватает же наглости! — бросила одна женщина, сидящая на входе во что-то напоминающее салон красоты. — Этти, уйдите отсюда сами. Иначе я применю магию или сообщу вашему главе о вашем появлении на нашей территории. И это будет расценено, как вызов! — сообщила она мне, так пылая гневом и злостью, что я даже не стала уточнять, как вызов чего именно. Просто поспешила уйти.

Мои увещевания о том, что я вообще-то с Земли, добралась недавним прямым рейсом, немного смягчали публику. По крайней мере, смотрели на меня после этого с меньшим подозрением, замечая, что да, наверное, я говорю правду. Больно уж странно я говорю и веду себя. Но и это в итоге не помогало. Потому что, опять же, кто знает, чья я дочь или, может, невеста. Связываться с неизвестным кланов магов с измерения, в котором магия дается с большим трудом, желающих тоже не было.

По крайней мере, за это утро я их так и не встретила.

Так что очень скоро я поняла, что в этом мире лучше иметь хоть какое-то клановое имя, чем не иметь его вообще. И стала пытаться вспомнить, что о моем прапрадеде говорила вредная фамильяр. Ведь она точно называла его клан! Но тогда я была так обижена ее поведением, что не запомнила его.

Да и стоило ли вообще запоминать имя клана, который все это время даже не интересовался мной? По крайней мере, как-то так я думала тогда. Теперь же я думала о том, что стоило.

Но после драки кулаками не машут. А сожалениями делу не поможешь. Тем более, что из-за всего этого мне даже стало казаться, что я пару раз видела в городе того самого ворона. Что она перелетает с крыши на крышу, следя за мной на расстоянии.

Когда же я решила выследить волшебную птицу, оказалось, что то, что я принимала за нее — всего лишь тени от пролетающих над столицей карет и драконов. Игра воспаленного воображения — и не больше.

Так что в академию я, в итоге, вернулась ни с чем. Всю столицу за одно утро я, конечно же, не обошла. Тем более, что я начала поиски с одной из центральных площадей, где, без сомнения, были лучшие из заведений. А, значит, туда вообще не так-то просто попасть. Но надежда на то, что мой план по поиску работы в Одаралине увенчается успехом, таяла на глазах.

Но зато на урок не опоздала.

Глава 13

Сэмаэль арэ Нерт

На второй урок Таня и не опоздала, и пришла одна.

От того, что рядом с ней никого не было, с груди Сэма словно спал незримый обруч, мешающий дышать. Хотя другой такой же, вызванный мыслью, что ее одиночество ничего не значит, и он не знает, где, как и с кем она провела прошлый вечер и сегодняшнее утро, давил ничуть не легче.

Но, тем не менее, она все-таки была одна.

Ждала там же, где условились, погруженная в мысли. Судя по тому, как девушка при этом покусывала нижнюю губу и хмурила лоб, обхватив себя за плечи, — мысли эти были совсем не радостными. Настолько, что появление Сэма она заметила, только когда он приблизился к ней на то самое идеально выверенное расстояние, которое рассчитал еще вчера.

Ровно полтора шага. И ни сантиметром ближе.

Достаточно, чтобы прекрасно видеть и слышать ее. Но недостаточно, чтобы, чувствовать ее запах и желать уткнуться носом в шелк волос, дыша им полной грудью. Или чтобы протянуть руку и дотронуться до нее, а потом — вовсе потерять последние остатки разума и самообладания.

Но, самое главное, этого расстояния было достаточно, чтобы не слышать ни малейшего эха ее чувств. Потому что в тех чувствах, которые в ней вызывал Сэм, для него не было ничего хорошего. Это он еще на празднике заметил, когда выводил ее от непонятно откуда взявшегося дракона.

Грусть, сожаление, неприязнь...

Вчера же, когда она появилась в окружении все того же дракона, да еще и Тайрэнна, который, как говорят на Земле, «вообще берега попутал», к этим чувствам Тани щедро добавились обида и злость. Все это обрушилось на Сэма в тот миг, когда девчонка шагнула ему навстречу, отходя от своих поклонников.

И если дракон ушел от любого конфликта, сразу продемонстрировав понимание того, что ему тут не рады. То Тайрэнн, это полиморфное отродье, вел себя так, что Сэму потребовалось много усилий, чтобы в ту же минуту не открутить ему голову.

Но почему кошка вдруг повел себя так неосмотрительно? Еще слово — и дуэли было бы не избежать. Неужели он так легко забыл, что на Земле они были сообщниками. И если вскроется, что они знакомы, Тайрэнна ждет много проблем. Могут и в родной мир выгнать.

Нет, такое не забывается. Значит, причина была. И надо было ее прояснить. А, заодно, надавить на него так, чтобы Таню оставил в покое. Видеть ее снова в компании Тайрэнна Сэм был не готов и не собирался. Хватило одного раза.

Нет, это надо же! И дракон, и ветала потащились за девчонкой сквозь поле Азинштаэля! Рискнули же. А если бы у них ничего не вышло?

Но кто из них и когда только научил ее телепортироваться? Хотя у нее и спонтанная телепортация хорошо получилась еще на Земле.

На Земле... Ну вот, еще одно мешающее здраво мыслить воспоминание. И нет, Сэм не сожалел о том, что сделал все, чтобы вернуться в Акрл. Но он сожалел о том, как именно он это сделал. Сейчас он бы все переиграл по-другому. Так, чтобы при виде него Таня не испытывала злости.

Хорошо, хотя бы, что среди в ее чувствах к нему не было презрения или ненависти.

Но и в том, что было, не было ничего, чтобы могло хоть немного обрадовать Сэма. А что может быть ужаснее, чем испытывать влечение к тому, кто никогда не ответит тебе

взаимностью? И кто будет только рад, если ты исчезнешь из его жизни, как можно скорее?

К таким пыткам Сэм не был готов.

Хотя и это было не самое тяжелое.

Все становилось еще хуже, когда Таня творила магию. Тогда девушку вместе с потоком льющейся силы наполняли восторг и радость. И в такие моменты даже полутора шагов Сэму было мало. И он отходил еще дальше, понимая свою уязвимость перед ее счастьем, и радуясь, что она не знает, какой властью над ним неожиданно оказалась наделена.

И он бы пошутил, что ведет себя, как пацан. Что на Земле это называли буйством гормонов. И что это снималось древним, как мир, способом.

Да только не шутилось. Вообще.

И не было это буйством гормонов. И не снималось это вообще никаким способом. И самый древний не работал. Потому что, глядя на других женщин, Сэм не испытывал к ним ничего. Совсем. Настолько, что после третьей попытки увлечь себя веселой компанией хотя бы одной из них, он бросил это дело.

Так же, как после пятой попытки снять это, как снимают магические откаты, понял, что это ему не поможет. И также, как очень быстро понял, что и само оно вряд ли пройдет.

У Сэма была только одна версия того, что это могло быть. Истинная связь. Та самая волшебная и естественная, о которой мечтали юные альвы, и которую боялись или, наоборот, страстно желали зрелые маги. И которую во всех пяти мирах пытались сымитировать тысячами способов, создавая обеты, договора и клановую иерархию.

Подтверждений этой теории у него было очень много. Даже то, что, когда она опаздывала на встречу с ним, он легко «притянул» ее со всем ее окружением через телепортационное поле, доказывало это.

Но только во всех трактатах, что Сэм когда-то читал об истинной связи, искусственной или природной, в них всегда речь шла о взаимном притяжении. О симпатии, которую невозможно преодолеть, потому что ее и не нужно преодолевать.

У Тани, как вчера убедился Сэм, симпатии к нему не было.

Но если это не истинная связь, то что? Ответ на этот вопрос ему еще только предстояло найти. Да только в списке его проблем эта была не самая главная. Открыть запечатанный магией кабинет ректора и узнать почему погибли студенты и Элирэ было важнее.

Значит, пока его ждала долгая и бесчеловечная пытка. Единственное, на что он надеялся, что та закончится раньше, чем Татьяна пройдет инициацию и станет полноценным друидом.

Поэтому: полтора шага сейчас и два-три, когда она снова создаст в своих руках новое волшебство. Вот оно — идеально выверенное расстояние, на котором он остановился.

Девушка обернулась. Грустная, уставшая, решительная...

Мелкий пузырек надежды на то, что при виде него, на ее лице появится хотя бы тень улыбки, безжалостно задавился каменной плитой реальности.

Сэм горько усмехнулся самому себе.

— То, что я просил тебя выучить, выучила? — начал он без предисловий. Чем быстрее он обучит ее всему, что знает, тем быстрее их пути разойдутся окончательно. И рано или поздно он все равно придумает, как ему избавиться от этого неправильного и непонятного наваждения.

— Да, — кивнула Таня.

Сэм сорвал с куста рядом пригоршню листьев, особенно не заботясь о том, чтобы

сделать это аккуратно.

— Залечи, — приказал он Тане, указав на куст. И она, лишь на мгновение запнувшись, обратилась к сырой магии внутри себя, почти мгновенно вернув растению первоначальный вид.

Внутренне вновь поразившись тому, как быстро и легко ей удастся чистое видовое волшебство, внешне Сэм лишь сухо кивнул на это.

— Хорошо. Тогда приступим к следующему заданию.

Татьяна

Второе занятие по магии с Сэмом очень похоже не предыдущее. Разве что его поведение при этом еще более холодное, чем раньше. Мне вообще кажется, что теперь он не только не хочет улыбаться при виде меня, а лишь согласен время от времени кривить губы усмешкой. И что приближаться ко мне ему неприятно, потому что дистанция между нами в несколько шагов сохраняется постоянно.

Его поведение обижает, царапает, заставляет злиться...

Настолько, что мне хочется развернуться, сократить эти шаги до нуля одним броском — и застучать кулаками по его груди, затянутой в плотную ткань очередного черно-зеленого сюртука. А потом укусить его гладковыбритое каменное лицо куда-нибудь за мягкую щеку! Больно!

И поцеловать при этом тоже хочется.

Но я нахожу в себе силы игнорировать это. Тем более, его равнодушие не оставляет и шанса на то, чтобы представить, что он хоть когда-нибудь испытывал ко мне хоть что-то хотя бы отдаленно напоминающее уважение.

Ну да! Конечно! Я же не черноволосая суккубо-альва с праздника! У меня нет безупречного тела и таких красивых рожек.

Тьфу.

Я в его жизни — досадное недоразумение. Пройденный этап на пути к великой цели, который, к его глубочайшему сожалению, подзадержался из-за обстоятельств. И всего-то надо: быстрее обучить меня магии и распрощаться навсегда.

По крайней мере, его «усовершенствованная» по сравнению со вчерашней манера обучения не оставляет сомнений — как-то так он и думает. Но, хоть я и сдерживаю внутри вулкан эмоций, все равно моему разуму хватает силы воли увидеть в этом плюсы. И безразлично-отстраненное поведение Сэма — идеальная иллюстрация того, что я ему никогда не была ни интересна, ни нужна.

Больше же ему незачем притворяться рядом со мной милым или, хотя бы, как накануне, любезным! И чувство вины, судя по всему, больше не мучает. Вот он и предстал тем, кто есть на самом деле — равнодушным почти-мерзавцем.

Очень легко поверить в то, что именно такой тип однажды отправил на верную смерть толпу доверившихся ему людей.

И не то, что я в это верю. Но сомнений внутри становится все меньше и меньше.

Что укрепляет меня в целях еще больше. Так что новые приемы я изучаю так быстро, как только могу. Тем более, творить волшебство — действительно чудесно. А еще магия вытесняет из головы все переживания, и я позволяю ей наполнять меня снова и снова, несмотря на то, что это происходит под контролем «голема» Сэма.

Вечером же меня снова ждет библиотека. В этот раз я застаю в ней и альва-архивариуса.

И на мой вопрос о работе он отвечает категоричным отказом. Правда, в отличие от других, его не интересует мой клан. Его ответ звучит даже пугающе:

— Вы ничего не сможете дать этому месту, этти. Оно опасно и высушит вас до дна. Поищите занятие, которое будет вам по силам, — говорит фиолетово-рогатый «Элронд», прежде чем переключиться на следующего студента, которым оказывается какой-то неизвестный мне парнишка альв из «отстающих».

Поэтому с утра я снова еду в город...

...Чтобы там опять выслушивать о своей непохожести и неуместности.

В этот раз мне хватает ума спрашивать о поиске работы в более завуалированной форме. Все-таки общение с местными не проходит даром, и я постепенно начинаю постигать науку их разговоров. И не только.

Так, я уже не спешу подходить с вопросами к «человеку», если не замечаю у него острых ушей. Тогда это, почти наверняка, будет ветала. А они, конечно, относятся к людям по-разному. Начиная от «Ой, какой забавный зверек!» и заканчивая «А можно это убрать? Оно воняет!». Но никогда — равнодушно. Виной всему то, что мы из противоположащих миров и наши расы друг на друга странно реагируют на уровне магии.

И я радуюсь, что у меня есть иммунитет от очарования ветал, которому я, наверняка, обязана кому-то из прапрадедов или прапрабабок. Но для местных ветал этого часто мало. Тем более, редкие, но встречающиеся на Акрле простые люди подвластны их очарованию гораздо меньше, чем земляне. Так что иммунитетом тут никого не удивить. Но именно веталы чаще всего относятся ко мне негативно. Как кумиры к сумасшедшим и назойливым фанатам.

Ну а нефилимы и драконы в этом мире все-таки больше гости, чем жители. И если они тут и занимаются чем-то, кроме как наслаждаются жизнью, то делают это на каких-то очень высоких уровнях. Так что теперь моя основная «добыча» — альвы.

Но и это не помогает. Потому что за ночь ничего не изменилось: я все еще без клана, они все еще считают, что это — повод для отказа.

Некоторые, правда, на вопрос о том, а так ли нужно быть чьей-то, чтобы иметь право разносить чай на волшебном подносе, снисходят до объяснений о том, что будь я мужчиной, было бы легче. И клан можно было бы не называть. Мол, такое практикуется. Например, когда сыновья хотят что-то доказать отцам и стать самостоятельными. Но я, увы, не мужчина. Я — чья-то дочь или, быть может, невеста. Вот ей мне и следует оставаться.

Но я не сдаюсь.

Ни перед Сэмом, с его поведением ожившей статуи на занятиях. Ни перед Акрлом, который никак не хочет меня принимать на правах равного, все время придумывая для меня новые ограничения и запреты.

И пусть третий день наших с Сэмом занятий похож на второй, четвертый — на третий, а все последующие друг на друга, я продолжаю делать то, что могу, чтобы хоть немного приблизится к своим целям.

По утрам узнаю о последних новостях академии от собирающейся на тренировку Отти, которую иногда сопровождает Дани. Почти всегда они передают приветы от Рыжика. Но, на счастье, сам дракон больше никак не пытается связаться со мной.

А вот Тайрэнн, кажется, про меня забыл. Или, что точнее, пытается убедить меня в этом. Потому что, когда я однажды случайно сталкиваюсь с ним при входе в библиотеку, он делает вид, что не знаком со мной.

Пожимаю на этот плечами, снова вспоминая о его записке, в которой он направлял меня что-то изучить в библиотеке. Но зачем мне узнавать о Сэме еще больше гадостей?

А еще есть риск, что после того, как я прочту то, что Тайрэнн очень хочет, чтобы я прочла, то мне, возможно, придется иметь дело с перевертышем. А я этого не хочу. Поэтому его записка все также лежит у меня в сумке, рядом с газетой, оставленной им же и перевязанной браслетом, подаренным Сэмом и возвращенным Ферраной. И так как я все еще не решила, что делать со всем этим «богатством», оно просто пылится без дела.

После пробуждения я еду в город. И всегда это одна и та же карета. Так что лакей и извозчик уже ждут меня. За это время у нас завязывается что-то вроде дружбы. Они оба знают, что я ищу работу, и оба уже объяснили мне, почему не могут мне с этим помочь. В их случае карета с единорогами — это все, что у них есть. И в их маленький семейный бизнес, где отец управляет животными, сын помогает общаться с клиентами, а мать помогает им дома, никак не вписывается землянка-человечка.

В городе исследую квартал за кварталом, узнавая местных еще лучше и напитываясь слухами и реалиями этого мира. Я больше не задаю вопросы напрямую. А куда больше присматриваюсь и все больше понимаю.

Иногда мне кажется, что то там, то здесь я вижу ворона-фамильяра. Может, и не кажется. Но на попытки позвать ее она никак не реагирует, а сама не показывается.

Днем же учусь новой магии, которая постепенно становится все более сложной и широкой. И после сырых видовых заклинаний мы все больше уходим на изучение общих чар, которые даются мне гораздо хуже, но все же — даются.

При этом расстояние в несколько шагов между мной и Сэмом остается неизменным, а ледяное равнодушие на его лице — становится почти привычным. Жаль только, что это никак не влияет на испытываемые мной чувства, которые не дают ничего, кроме новых порций разочарования и боли.

Думаю, причиной этому служит то, что в моей жизни слишком много Сэма. И что надо всего лишь дождаться того дня, когда мы с альвом сможем окончательно распрощаться.

Значит, мне надо учиться еще интенсивнее и старательнее.

Что и делаю, до изнеможения занимаясь вечерами в библиотеке теорией или практикой у себя в комнате или в парке. За что, кстати, получаю одобрение от альва-архивариуса и пару раз встреченной в академии примы ректора, которые тоже следят за моими успехами.

Так проходят дни за днями, постепенно складываясь в недели.

Но все меняется, когда однажды в городе спину мне прожигает взгляд Фирэллен.

Глава 14

К тому времени я крайне близка к тому, чтобы признать поражение и не состоятельность своих идей.

Мое первое акрлское лето уже перевалило за середину. Личных денег почти не осталось. Я их и так тратила очень аккуратно: только на дорогу до города и обратно. С одной стороны, потому что пока мои финансовые проблемы были решены. С другой — потому что привыкла относиться к деньгам бережно.

Но это не отменяло надвигающейся беды — я все еще не представляла, как буду оплачивать практику в «Истоне», которая вот-вот начнется. Был еще вопрос, как я буду все это совмещать, если все-таки устроюсь на работу. Но я уже давно сомневалась в том, что этот вопрос будет для меня хоть как-то актуален.

Настолько, что все чаще спрашивала себя о том, что мне важнее: гордость и не желание

иметь с Сэмом еще больше общего или же желание быстрее и полнее овладеть магией?

Хотя дело давно уже было не только в гордости. С каждым днем находиться рядом с Сэмом мне было все сложнее. Потому что мой интерес к нему не становился меньше. Наоборот. За это время все стало только хуже.

И то, что сперва было просто влюбленностью и увлечением, смешанным с неожиданной ревностью, теперь разрослось до драконьих размеров. Настолько, что занимало все мои мысли и отравляло даже сны. И ничего хорошего в этих снах не было. Потому что каменное выражение лица Сэма не оставляло сомнений — я его не интересую вообще.

Ну вот и как дальше мне было учиться у него же?

Да и сам он прямо заявлял, что тратит на меня слишком много личного времени. И как только наступит учебный год, он с превеликим удовольствием уступит право обучать меня другим.

На что я, конечно же, отвечала, что ему не придется меня на это уговаривать.

И что? После этого я должна была прийти к Сэму и сказать, что мне еще что-то от него нужно?

Так что вопрос о поиске денег и работы за это время стал для меня за это время не только острее, но и безнадежнее. Настолько, что сегодня в город я приехала не с пустыми руками, а с тем самым браслетом, который был создан Сэмом еще на Земле.

За это время я уже знала, что никаких чар на браслете больше нет. Сам браслет Сэму я так и не показала. Он даже не знал, что его «подарок-с-подвохом» вернулся ко мне. Но Сэм и без этого научил меня, как создавать вокруг артефактов ауру из флюидов растений и с ее помощью оценивать цвет и рисунок проступивших чар. Вокруг этого браслета аура была прозрачной.

Не знаю, зачем моему прапрадеду, кем бы он не был, понадобилось сперва воровать это украшение, а после — делать его для меня безопасным, но такой браслет я действительно могла носить. А еще могла зачаровать его самой на что угодно. Или же продать.

Так как создан он был из углерода с Земли, то строжайший запрет на вещевую магию, действующий на Акрле, на него не распространялся. А так как в этот мир это украшение попало с помощью фамильяра, то оно не было зарезервировано на границе. Контрабанда.

Незарегистрированное украшение из бриллиантов чистой воды в этом мире было настоящим сокровищем. Куда большим, чем на Земле. И если бы я смогла его продать, возможно, я бы решила свои финансовые проблемы на какое-то время.

Ради этого я и пришла в ту часть Одаралина, которая была негласным «черным ходом» столицы. Вроде и до центральных улиц рукой подать. И главная площадь — вон она, за переулком. Но все же, местные жители и туристы сюда сворачивали не просто так, а с конкретными целями.

Я, скрывая этот браслет под длинным рукавом платья, как раз оглядывалась в поисках вывески старьевщика или ломбарда, планируя сперва приглядеться к его ассортименту, а уже после — решить, стоит или не стоит показывать ему украшение. И именно в этот момент чей-то взгляд змеей заскользил по моему позвоночнику и скорпионом ужалил в затылок.

Вздрогнув, я обернулась.

Фирэллен арэ Нерт, выглядывая из стоящей неподалеку белоснежной резной кареты, запряженной золотыми единорогами, царственно улыбнулась и поманила рукой.

Я видела эту альву второй раз в жизни. Причем в этот раз — не в истинной-боевой форме, а в «человеческом» варианте. Но узнала сразу же. Мне кажется, я бы узнала ее в

любом виде, даже если бы она сменила внешность, настолько ярко ее образ остался в моей памяти. И, конечно же, я не стала к ней подходить. Развернулась и пошла к ближайшей двери, совсем не уверенная, что именно за ней находится то, что мне нужно.

— Неужели все настолько плохо? — мелодично прозвучало мне в след. — А ведь я могу тебе помочь, человечка, — мурлыкнула «суккуба», ничуть не стесняясь редких свидетелей нашей встречи. — Если, конечно, захочешь меня выслушать.

Я замерла перед дверью.

Я могла отнести браслет старьевщику гораздо раньше. Но я прекрасно понимала, что он может приложить меня магией и забрать украшение себе. Большой вред точно не причинит. За физический вред, нанесенный студенту «Истона», наказание было таким, что Сэм с его выселением в другой мир очень легко отделался. Но то, что старьевщик может меня ограбить — это запросто. Поэтому-то я и не спешила с продажей драгоценного подарка.

Ну а еще немного потому, что это все-таки был подарок Сэма. И только этим он был ценен мне, как бы я не хотела быть к альву равнодушной.

Фирэллен же предлагала пока просто разговор. И, в отличие от старьевщика, она точно знала, кто такой Сэм и что он делает в Акрле. И, судя по всему, не сдала его ни властям, никому бы то ни было.

Так, может, ее стоило выслушать?

И я обернулась к ней.

Альва озарилась улыбкой. Наверное, это была просто игра света, но мне показалось, что в этой улыбке отразилось что-то победное. После чего, разговаривать с ней захотелось еще меньше, чем было до этого. Но я же не ребенок, чтобы играть в игру «буду — не буду».

— Подойдешь? — спросила она, подзывая кивком головы. И водопад ее почти смоляных волос зазмеился по полуоткрытым алебастровым плечам.

Что ж. Кажется, придется уступить и в этом.

Семь шагов до кареты я сделала настолько спокойно и ровно, насколько могла, хотя внутри все клокотало. Обманываться не стоило: Фирэллен раздражала меня только фактом существования. И, кажется, альва это знала.

Возможно, это даже было взаимно.

И все же последний шаг до нее мне не дался. Казалось, будто между нами была какая-то физическая преграда. Пусть невидимая, но вполне осязаемая. Только что молнии не летали.

Неужели это и есть ревность? Никогда раньше не подозревала, что могу испытывать такое. Я была бы просто счастлива, если бы Сэм клятвенно пообещал, что его с ней ничего не связывает. Но она еще на празднике дала понять, что у нее на него было очень много прав. Куда больше, чем у меня. А я...

А я — та, с кем он даже разговаривать предпочитает сквозь зубы!

Чем быстрее я сотру его из своей жизни, тем лучше. И вдруг предложение Фирэллен поможет мне это сделать?

— Так, о чем ты хотела поговорить? — утихомирить внутренних демонов не получалось, зато демон злости на Сэма заткнул всех остальных.

— Хотела и хочу, — Фирэллен все еще улыбалась, но уже как-то не так победно. Ее пристальный взгляд несколько раз прошелся по мне сверху донизу и обратно. После чего она сделала нечто странное — выставила руку вперед и с интересом потрогала воздух.

Ну да. Мне и самой казалось, что он стал плотнее и лишился прозрачности, став легким туманом. Но, может, это просто в нем кружилась летняя пыль?

— И лучше всего, конечно, это было бы сделать в карете, — добавила альва задумчиво, переводя взгляд со своей ладони на меня. — Но можно и прогуляться, — она резво выскользнула из повозки, представ передо мной в легком и струящемся летнем белом платье, и, отпустив извозчика царственным жестом, снова вернула на лицо улыбку, — тем более, тут недалеко. Идем, — и, слегка цокая шпильками и звеня блестящими на солнце тяжелыми золотыми украшениями, она первая зашагала в сторону пышной кофейни, где мне отказали в работе еще несколько недель назад.

Пожав плечами, я пошла следом.

— Слышала, ты в поиске работы, — начала она без предисловий, как только я поравнялась с ней.

Слышала? Но от кого? Неужели Сэм рассказал? Но он ведь сам ничего не знает! Или знает?

Кажется, недоумение отразилось на моем лице. Потому что альва тут же пояснила.

— Об этом говорят в городе.

— О том, что я ищу работу? — щеки против воли заплыли от стыда. Я же всегда была корректна в расспросах, подбирала слова, ни с кем не откровенничала о себе... Но, кажется, я все-таки с чем-то переборщила.

Вот еще был бы толк от этого «переборщила»! Если бы отказы мне выдавали в письменном виде, то стопкой, которую я за это время собрала, можно было бы вместо обоев обклеить мою комнатушку в «Истоне».

— Нет. Не о тебе. А о том, что есть одна подозрительная особа-человек, которая ищет работу. И что она сбежала из клана, который попытался выдать ее замуж против воли за нелюбимого ради скрепления союза, и скрывается от родственников в чужом мире.

— Но это не так!

— Ты ее не ищешь?

— Ищу, но... С чего они взяли все остальное?

— С того, что им о тебе ничего не известно, дорогая моя! Вот и додумывают, исходя из личного опыта. А поверить в то, что девушка такой внешности и в такой одежде, как у тебя, может испытывать настоящую финансовую нужду, они не могут. Я бы тоже не поверила. Поэтому с тобой предпочитают не связываться. И так как ты при этом здесь вроде и новенькая, но уже всем известная, то твоему появлению дали то объяснение, которое смогли. Никто же из местных человеческих кланов права на тебя так и не предъявил? Нет, не предъявил. Хотя, по идее, могли. Получается, ты не из местных. Да и путешествие между мирами, если ты не знала, тоже денег стоит.

Эти слова настолько поразили меня, что я даже не сразу заметила снисходительное «дорогая моя». То есть, на меня могли предъявить права? То есть, замуж? То есть, одежда не-такая, чтобы взять на работу?

Получается, что мне из-за этого все это время отказывали, да?

Я бросила быстрый взгляд в идеальное чистую зеркальную витрину кафе, перед входом в которое мы оказались в этот момент. Помимо меня и Фирэллен там отражалась дневная терраса, полная спасающихся от жары посетителей: много-много-много вазонов с цветами и несколько плетеных столиков с креслами, скрытые «грибами» огромных ажурных зонтов, затянутых белоснежными тентами из какой-то блестящей ткани, очень похожей на плотный атлас.

В этой витрине было видно, что выглядела я не хуже Фирэллен. Фасон платья другой,

более скромный и простой, и цвета — сдержанные сине-зеленые, как и большинство повседневных нарядов из тех, что мне подобрали ветапы. Только что украшений на мне не было, кроме артефактов, не видимых для глаза окружающих.

И да, за это время я уже разобралась, какого качества у меня местный гардероб. Несмотря на то, что этот мир весь пропит магией, теперь, когда я знала, как она достается, я понимала, что обладать магическим даром — это вовсе не значит, что быть волшебником. Или, тем более, эдаким Мерлином. Как ни странно, но на Земле, где магия — это тяжелый труд и редкость, получить возможность к постоянному ее использованию было гораздо проще. Это на Земле Сэм мог выделяться, создавая костюм и драгоценности из воздуха. Тут за такое и по рогам можно было получить. В прямом смысле этих слов.

Магия-то здесь разлита в воздухе. Но выкачивать ее, да еще в нужном объеме, разрешено далеко не каждому. И главы кланов всегда знали, если их подопечно-подчиненные нарушали это требование, потому что главы чувствовали движение не только своих, но и чужих «принадлежащих» им магических потоков.

Одежда, которая была на мне, на всех стадиях была создана с помощью магии. И, наверное, если бы на Земле ко мне подошла девушка, одетая в наряды от кутюр, расшитые кристаллами Сваровски, я бы тоже не поверила, что она ищет работу и готова по утрам мести мусор.

— И что дальше? — спросила я, отрываясь от отражения и, под мелодичное треньканье местной «музыки ветра», входя следом за Фирэллен в прохладу внутреннего зала кафе, полного аппетитных ароматов и гула от многочисленных посетителей.

Насколько я знала, это кафе было одним из лучших на этой улице. Его главный зал был просторным, пышным, увитый цветами и заставленный мебелью, дизайном напоминающей о салонах средних веков, только с налетом альвовского колорита.

— А дальше все очень просто, — мурлыкнула Фирэллен, сразу ведя меня куда-то в сторону служебного коридора между залом и кухней, откуда доносились заманчивые для желудка запахи. Шла Фирэллен уверенно, походкой хозяйки. А проносящиеся мимо официанты и официантки почтительно кланялись ей. — Тебе нужна работа. А моему садовнику нужен помощник. А ты ведь, как я знаю, учишься на друида? Решила, что лучше через год пройти инициацию в друиды, чем через два — в перевертыши, да?

И все-таки Сэм точно рассказывал ей обо мне! Иначе откуда бы у нее была такая осведомленность в моих планах?

И почему мне от этого немного противно и хочется сплюнуть?

— Да, — отпираться смысла не было. Врать тем более.

— Получается, взяв тебя на работу, я решу сразу несколько проблем, — альва толкнула одну из внутренних дверей и отошла чуть в сторону, позволяя мне первой войти в новое помещение. — Как минимум, одну свою и уж точно две твои.

«Это какие же именно — две?» — хотела спросить я, но слова так и остались на языке. Потому что передо мной была не просто комната, а настоящая волшебная оранжерея.

Глава 15

Визуально оранжерея была далеко не самым красивым и волшебным местом, которое мне довелось видеть. Хотя, конечно, это во мне говорила привычка: все-таки я была в Акрле не первый день, уже сама умела применять магию и это все мне немного «приелось». Еще я каждый день «гуляла» по Истонскому саду, а вечерами зависала в академической библиотеке. А это, даже по мнению альвов, были красивейшие места в этом мире.

Но все же, это была первая оранжерея, в которую я попала. Поэтому глаза мои разбегались от любопытства, пытаясь взглядом охватить все сразу.

Просторная комната, без сомнения, изнутри увеличенная магией. Ее стены и потолок уходили куда-то ввысь и ширину. Все это было заставлено глиняными и деревянными кадками, разукрашенными узорами и орнаментами. А также фарфоровыми вазонами и горшками. В них росли душистые травы, цветы, кусты, маленькие и большие деревья... Какие-то из этих растений, и вовсе, свисали с потолка или специальных балок, обвивая те гибкими лианами или оплетая вьюном.

В общем, тут было все, что только может быть в теплицах: фрукты, ягоды, ингредиенты для зелий. И, судя по тому, что я увидела, этого здесь было много и оно все было разным.

В противовес уличной жаре в оранжерее было прохладно. И, несмотря на обилие источников теней, светло. Свет давали зажженные всюду чаши-фонарики, разгоняющие тени даже под широченными листьями каких-то лопухов-переростков. А еще свет давали некоторые из растений, у которых сияли или искрились стебли, листья или цветы.

И всему этому однозначно требовался уход. Потому что даже я, только что вошедшая и еще не настроенная на ауры «жителей» оранжереи, чувствовала, что уже несколько дней, как здесь никто ничего не делал. Не уверена, что эти цветы хотя бы поливали. И это было немного странно. Потому что вряд ли это было связано с тем, что у них были трудности с поиском садовников.

Или были, если Фирэллен решила нанять меня?

Хотя далеко не всегда садовники-друиды вообще были нужны. В том же «Истоне» растений было не меньше. Там вообще было раздолье любому друиду. Точнее, было бы. Но в академии за растениями не требовался уход. Все решали специально настроенные артефакты и чары, которыми она была опутана, как коконом. Уж за века и тысячелетия существования «Истона» маги постарались на славу! А где не хватало их рук — там на выручку приходили цветочные феи.

Но феи эти, как я теперь знала, были теми еще привередами.

Это была специально созданная волшебная раса. И создали ее нефилимы в своем родном Шассинаре. А уже потом они завезли их в Акрл и, как я поняла, другим мирам тоже перепало. Причем было это так давно, что для местных это уже была даже не история, а легенда.

Цветочные феи могли жить только в определенных растениях, но предпочитали заниматься чем-то более престижным, чем поливать цветы. При этом работа курьерами и посыльными ими высоко ценилась, а вот садовниками — не очень. Потому что, по мнению мелких приверед, этого от них все и ждали. А они — выше этого. И никакими доводами их нельзя было переубедить.

Исключением для них была работа в Истонской библиотеке. Но, жившие там феи, вообще были какой-то особенной привилегированной кастой среди своих. И ужасно гордились тем, что именно делали и где жили.

Вот и получалось, что, кроме как в «Истоне», похвастаться садовниками-феями могли еще лишь в паре мест. Но при этом растения в Акрле любили. Да только друидов всех мастей тут тоже хватало. И присматривать за цветами и лекарственными травами всегда было кому.

Поэтому я, недоучка, даже не пыталась устроиться куда-то по этой «специальности». В места, подобные этому я могла попасть только по «блату».

Так почему в этой оранжерее присутствовал дух запустения? И зачем Фирэллен

понадобилось так неожиданно и значимо облагодетельствовать меня? И что же мне с этим делать?

Эти вопросы я задала себе сразу же, как только поняла, что вижу перед собой. И они так удачно легли на все сомнения, что я и раньше чувствовала к этой альве, что сейчас была готова поверить в любой заговор и заподозрить ее в чем угодно плохом.

Но, может, я зря дула на молоко?

Это еще предстояло выяснить. Пока же я первым пунктом плана, который стремительно зрел в голове, назначила самый простой — ничем не выдать своих подозрений.

Вторым был пункт — никак и ничем не обидеть Фирэллен. Даже случайной реакцией, которая ей почему-то была очень важна. Настолько, что она зачем-то все также стояла рядом и смотрела на меня, лишь распалая этим мои подозрения.

Жаль, что все это время влияние Фирэллен на мою жизнь оставалось для меня в тени и я все еще не знала, чего вообще от нее ждать. А ведь оно точно было, раз ей рассказывали о моих успехах и неудачах. Причем делали это и жители столицы, и ее работники, и Сэм.

И это не считая того, что у нее были общие секреты с Сэмом, от которых все еще напрямую зависела и моя жизнь тоже. И если она не нравится лично мне, это не значит, что она должна об этом знать.

Поэтому я, делая осторожные шаги по оранжерее, вертела головой во все стороны, восхищенно охая и ахая.

— Сколько цветов! Я таких никогда не видела! — не врала я, продвигаясь вглубь теплицы и с каждым шагом все больше чувствую растения и то, что с ними творится что-то не то. И то, что я сперва приняла за запустение, на самом деле гораздо глубже и хуже.

Пожухлые будто пожеванные листья на некоторых из них, какие-то пятна на стеблях... И ощущение, будто им всем очень тяжело дышать. Будто сам воздух здесь — отрава для них.

— Но что с ними случилось? — спрашиваю уже совсем искренне, рассматривая нераскрывшийся и сморщенный бутон одной из розоватых «лилий».

— Очень правильный вопрос, — альва наконец-то вошла следом, равнодушно оглядывая все здесь. Казалось, сама оранжерея ей была совсем не интересна. — Его-то я и задала своим бывшим садовникам. А они, к сожалению, ни ответить на него не смогли, не помочь... А сама я... Сама я никогда даже не пыталась стать друидом. И ничего в этом не понимаю.

Бывшим садовникам? То есть, кто-то тут что-то напорточил? И если они не справились, то как справлюсь я?

— Если опытные маги не смогли помочь вам, то я, тем более, ничем не помогу, — оторвавшись от изучения цветка, рядом с которым фонило болью, я вернула внимание к Фирэллен.

— Я и не жду, что сможешь, — она пожала плечами, продолжая медленный обход грядок. — Я уже пригласила того, кто вылечит их, а после — будет следить за ними. Но у меня, как видишь, очень большая оранжерея. К тому же, не одна. И садовнику будет нужен ассистент. Тоже не один. И у меня, конечно же, есть насколько опытных кандидатур на примете, — вздохнула она, скользнув по мне оценивающим взглядом. — Но ты так старательно ищешь работу. И не первый день, насколько я знаю. Значит, испытываешь очень сильную нужду. А, значит, будешь действительно хорошим работником. К тому же, я слышала о тебе только хорошее, — размыто заметила альва, не уточняя, от кого именно и что слышала и только подтверждая этим мои догадки о ее тесном общении с Сэмом. — И то, что у тебя нет опыта и достаточных знаний меня не пугает. Все это — поправимо. Платить я

тебе буду столько же, сколько бы платила любому другому на этом месте. А что касается часов твоей работы, — она снова бросила в мою сторону новый ленивый взгляд, — Ну, так уж и быть, работать будешь в утреннюю смену. Раз в городе тебя видели только по утрам, значит, в эти часы ты точно свободна, я правильно поняла?

— Да, — кивнула я. — Я так и искала. На утреннее время.

— Вот и хорошо, — альва улыбнулась, заметно повеселев. — Так что? Согласна.

И, наконец-то, остановившись, она полностью обернулась, давая этим понять, что ответ ей нужен немедленно.

А я... А я действительно не знаю, что ответить.

Фирэллэн мне не нравится! И это еще мягко сказано. Она слишком осведомлена обо мне и это раздувает подозрительность во мне до космических масштабов.

То, что в этих оранжереях происходит что-то странное мне тоже не нравится.

А еще меня очень сильно смущает то, сколько всяких благ она уже успела мне наобещать. А ведь я, между тем, была готова мести улицы. И за копейки. А мне, недоучке, предлагают «теплое местечко» с «полным соц. пакетом», да еще на очень выгодных условиях.

Ну так в чем подвох? Как устроена эта мышеловка? И зачем Фирэллен «ловить» в нее меня? Какой от меня толк?

Да, сейчас я знаю, что магический потенциал во мне большой, скорость обучения похвальна и любой клан, в который я войду, усилится, если я раскачаю себя хотя бы на треть. Я тут не первый день и давно на та, кто когда-то поверил в волшебную сказку. Уже немного разобралась, как все в Акрле устроено и о чем мне врал или не врал Тайрэнн.

И мой потенциал — причина веская, но вряд ли единственная. Тем более, для такой щедрости. Фирэллен же похожа на ту, кто не будет просто так сорить деньгами. И такие, как она одним шагом преследует сразу с десятков целей.

Но какой с меня прок?

Но так как я все еще молчу, альва некрасиво хмурится. Ее идеальные черные брови сходятся на переносице, а глаза мрачнеют с серебристо-серых, до цвета грозовых туч, в глубине которых яркой молнией проскакивает магия.

Ай. Мне надо выдумывать ответ. Срочно!

Тем более, то, насколько сильно ей не нравится мое замешательство, я не только вижу, но и чувствую краешком ауры, словно кто-то трет ее наждачкой. Неприятно и странно.

Откуда эти ощущения?

— Так что? — повторяет альва, морщась, будто тоже испытывает что-то подобное. — Ты не хочешь работать здесь?

Но так как отказ — это худшее из того, что я могу сейчас сделать. А работа, пусть и от нее, мне действительно нужна. То, спохватившись, так бодро, как только могу, спешу разубедить ее.

— Нет! Что вы, прима! Я просто не могу поверить своей удаче!

Не только не могу. Не верю.

Но мой ответ ее устраивает. Соблазнительные пухлые губы растягиваются в сытой улыбке, а мою ауру обдает теплым ветерком чужой радости.

Как же это непривычно! До этого я ощущала эмоции только одного мага — Сэма. Но они у него все, как на подбор, негативные. А последнее время он вообще наглухо закрылся от меня. Настолько, что даже его отвращение меня не касается.

— Значит, ты согласна? — с нескрываемой надеждой переспрашивает альва.

«Нет», — хочу сказать. Но вру и согласно киваю, надеюсь, что хуже не будет. По крайней мере, не сегодня.

— Тогда запоминай, какие у тебя будут обязанности, — продолжает посветлевшая Фирэллен, возобновляя прогулку по залу и снова жестом подзывая меня за собой.

Закусываю губу, чтобы не сказать, что я не собачка, чтобы меня вот так звать. Но раз уж я взялась изображать восторженную дурочку, ослепленную этим местом, приходится соответствовать. И я послушно оставляю «лилию» с ее болью, и иду следом за альвой.

Но пока плетемся с ней по оранжерее куда-то вглубь, и я вполуха слушаю список задач ассистента садовника, которые, в целом, сводятся к тому, чтобы мне надо будет слушаться этого самого садовника во всем и не вредить цветам, продолжаю обдумывать, во что же только что ввязалась.

По идее, я только что решила свои финансовые проблемы. Я наконец-то нашла работу, да еще смогу ее совмещать с обучением. Ура!? Но червяк сомнений, размером с монстра из «Дюны» шевелится в душе, не давая покоя.

А, может, Фирэллен действует не по собственной воле? Они ведь с Сэмом с одного клана. И то, что Фирэллен не сдала его властям еще на празднике — это может быть вовсе не ее личная позиция. После гибели студентов Сэма точно «отмазали» от смертельной кары. Кто, если не клан?

К тому же то, что я до отвращения на лице не нравлюсь лично Сэму, не значит, что я не подхожу для рекрутинга в их ряды. Сильными магами не разбрасываются.

Только мой прапрадед почему-то считает иначе...

— А осенью, — мягко и медово льется голос Фирэллен, приведшей меня к чему-то похожему на закуток садовника, только с тем отличием, что тут не было стандартных лопат и тяпок. Зато на стене висели разные артефакты, больше похожие на коллекцию разномастных щипцов и ухватов, сделанных из стали и бронзы. А на широком и низком столе под ними лежала груда идеально отточенных гладких овальных камней, — Мы пересмотрим твой график, подстроим его под учебу, — пела соловьем альва.

— Звучит чудесно, — киваю я, пытаюсь угадать назначение всех этих штук. — Но как я буду делать это все? Если я даже не знаю, как с этим работать.

— За это, этти, не беспокойся. Тем более, садовник уже пришел. Я уверена, она все тебе покажет, — и Фирэллен глянула куда-то в сторону, откуда из-за больших вазонов как раз показалась хрупкая светловолосая девушка, внешне не много старше меня, одетая в простое светлое платье и держащая в руках большие щипцы.

Она? До этого я как-то думала, что речь шла о мужчине. Но, какая разница, с кем я буду тут работать, если только этот кто-то не из числа моих врагов.

Подойдя к нам, садовница отвесила полагающийся этикетом поклон и замерла, выжидательно глядя на альву и с деликатным любопытством поглядывая на меня. Я же мысленно отметила, что не вижу у девушки ни удлиненных ушей, ни «рыбьей» чешуи, ни слегка торчащих над губами клыков...

Неужели человек? Это было, пожалуй, даже неожиданнее того, что садовник тут «она», а на «он».

— Знакомьтесь, — махнула рукой Фирэллен, — энни Айрана Эра, этти Татьяна Голубева, — представила нас альва. — Располагайтесь и можете приступать. Энни, вечером жду отчет о сделанной работе, — наказала она, развернулась и, по-деловому цокая

каблуками, быстро ушла в том же направлении, откуда мы недавно пришли, ничуть не заботясь о том, какой эффект оказали ее слова.

А они оказали. По крайней мере, на меня.

Потому что Эра — это клан Тайрэнна и Иррит. А еще Руслана, который в свое время тоже показался мне очень милым. А после — устроил знакомство с волками по плану Сэма. И никаких хороших ассоциаций с именем этого клана у меня пока еще не было.

И подозрения, цветшие во мне буйным цветом весь прошлый час, расцвели еще сильнее.

И чего же мне ждать теперь?

— Привет, — между тем первой протянула руку Айрана. Весь ее вид излучал дружелюбие. И, в отличие от эмоций Фирэллен, в ее случае я не могла понять: искренне она это делает или нет. — Так же на Земле здороваются, да? Я ничего не путаю? Отти говорила, что так.

— Да, так, — хмурясь, пожимаю протянутую ладонь, соображая, что еще Отти могла рассказать обо мне. И кому. — Привет...

— Круто! — Айрана расцветает еще больше. — Ну, тогда пошли располагаться. И начнем сразу работу. Ее тут много!

Глава 16

Вопреки моей подозрительности, дальше ничего плохого или сомнительного не происходит.

Насколько продуманной и расчетливой казалась мне Фирэллен, настолько естественной, увлеченной и свободной оказывается Айрана. Неудивительно, что Отти ей что-то рассказала. Уверена, рассказала — и много. Они не то, чтобы похожи, но я легко могу представить их вместе, о чем-то увлеченно шушукающихся: одна о вивернах и ирбисах, другая — о растениях. Ну и, чуть-чуть, судя по оговоркам и словечкам Айраны, обо мне. Или о Земле, так как сама я, как личность, кажется, совсем не интересую Айрану.

Вообще, она сразу же предстает настоящим фанатом своего дела. Мгновенно переводит разговор в сторону цветов и не умолкает о них ни на минуту, пока мы готовим растения в оранжерее к диагностике.

А для этого нужно под каждый кустик подложить по тому самому овальному камешку и сделать это нужно особым способом, по возможности не касаясь руками ни одного листочка. Ауры цветов должны быть максимально «чистыми» от нашего влияния. И вот для этих-то целей и нужны те самые разномастные щипцы.

И пока мы это делаем, Айрана с удовольствием рассказывает мне о всех встреченных цветах и обо всем, что с ними связано, все, что только можно. Виды, подвиды, нюансы... Как лечить, если лечить нечем. Как не допустить болезни. От чего те вообще возникают. Ну и, конечно же, как и чем поить и кормить.

Оказывается, волшебную «ромашку» надо не только посадить в почву на солнышко и поливать, по мере засыхания почвы. Такой цветок обязательно нужно подпитывать силой собственной магии, вливая в растения определенные флюиды и следя, чтобы они правильно расходились по нему. У какого-то в корни, у какого-то в листья...

В общем, каждой травинке свое и в своих количествах. А не то — вырастет нечто дикое и неконтролируемое. И совсем не обязательно, что волшебное.

Особенно, если эта «ромашка» попала под воздействие специально наведенной порчи или нахваталась каких-то ритуально-обрядовых откатов. Например, если ее использовали, как громоотвод при них.

Что это за откаты такие, я не знала. Но название показалось мне знакомым. Будто уже раньше я слышала об этом, причем от Сэма. И, кажется, он говорил о них что-то на празднике Светения, жалея, что гуланты не могут вылечить от этого.

Айрана же объяснила, что не только не могут, но еще и сами страдают от этого. Что откаты — это осадочная магия, обратное действие любого ритуала, его изнаночная сторона. И она нужна для восстановления равновесия в мире.

Правда, за более подробными знаниями она все-таки направила меня в библиотеку, предупредив, что это из раздела высшей магии общего порядка. И закидала меня такими терминами, что у меня задергался глаз. Самыми понятными из ее слов были разве что «руны» и «сигилы».

Какое счастье, что для самой первой инициации таких знаний не требуют! Ну, потому что проводят ее, чаще всего, для подростков лет тринадцати-пятнадцати. А они это просто еще не изучают.

К несчастью, я сразу поняла, мне придется научиться в этом разбираться как можно быстрее. Тем более, что болезнь некоторых цветов в этой оранжерее вполне могла быть с этим связана.

— Такое чувство, что где-то поблизости ритуальный зал, — как итог, задумчиво сказала Айрана, одновременно с этим с помощью щипцов, как с помощью большого пинцета, осторожно приподнимая бутоны цветка, похожего на смесь астры и верблюжьей колючки, пока я другими щипцами подкладывала под этот же цветок нужный камень, — и в этом зале какие-то чары слишком часто повторяются. Или там просто чаруют что-то очень сильное. Настолько, что сигилы не удерживают магию до конца. Вот та и загрязняет окружение, расходясь фоном и оседая на растениях, как на самых восприимчивых к этому. Но хозяйка, прима Фирэллен, убедила меня, что это не так, — хмуро сказала Айрана, бросая в мою сторону многозначительный взгляд. Такой, в котором читалось все, что Айрана думала о словах Фирэллен.

— Думаю, прима точно знает, что у нее здесь есть, а чего нет, — не менее многозначительным тоном поддерживаю я Айрану, — но нам ничего не мешает лечить растения так, будто этот зал все-таки есть.

— Да, — кивнув и улыбнувшись моей поддержке, Айрана сдула с лица упавший на глаза пушистый светлый локон челки, и подняла следующий бутон, под который я тут положила очередной камень. — Так и сделаем.

После такого неожиданного заговора наше знакомство стало еще теплее. И к тому времени, как мы закончили предварительную обработку первой сотни или две кустов, я узнала очень много не только о цветах и магии, но и о самой Айране. Ее планах, мечтах и, что самое главное, клане, который так много наследил в моей жизни.

Клан Эра был большим, многочисленным и разросшимся сразу на три мира: Дийю, Акрл и Землю. В Дийе, по понятным причинам, основную его часть составляли веталы. Именно эта часть клана считалась самой слабой, потому что их глава, сперва это был отец Тайрэнна, а теперь сам Тайрэнн, предпочитали Акрл.

Не удивительно. Ведь если Тайрэнн хотя бы раз вернется в Дийю, мир его может уже просто не выпустить обратно. То самое пресловутое магическое равновесие, из-за которого, когда я уходила с Земли, погода просто сходила с ума.

В Акрле состав клана смещался в сторону людей и альвов. Поэтому кроме магов-

полиморфов в него входили еще друиды и стихийники. Ну или, как Айрана, их смесь.

Сама девушка была друидом двух инициаций, но третьей собиралась иницироваться как полиморф. Потому что только у друидо-полиморфов мог ожить когда-то срезанный алый гулант. А Айрана не только хотела уметь их оживлять, но еще и вывести новый сорт. Это была ее голубая мечта, о которой она рассказывала в захлеб с сияющим от воодушевления лицом. Так что ее мотивы были понятны.

А я, вспомнив, что подаренный мне для отца цветов теперь лежит и сохнет между страницами справочника, лишь тяжело вздохнула. Даже если я буду очень сильно стараться, я никогда не достигну и половину этой мечты. Мне бы успеть с инициацией в друида для начала...

Так мало времени и так много надо было сделать! Но, чего уж точно нельзя было при этом делать — это позволять себе грустить. Вот я и не позволяла, подкладывая дальше щипцами овальные камни под больные растения, пока слушала дальше рассказ Айраны о ее клане.

О его земной составляющей она знала меньше всего.

— Говорят, на Земле наших, — имея ввиду своих соклановцев, — меньше двенадцати. И все они люди! Представляешь? — это прозвучало так, будто у тех магов было какое-то смертельное заболевание, не иначе.

— А что в этом такого? — не выдержав, я прыснула. И еще раз внимательно посмотрела на Айрану, ища в ней признаки хоть какой-нибудь расы, отличной от человеческой. Но нет. Ни клыков, ни ушей... Почему же она тогда так сильно удивляется людям?

— Нет, ты не подумай, я никого не хотела обидеть. Тем более, для Земли для клана даже двенадцать обученных магов — это очень много. Что ж делать-то! Такой мир. Но вот ты, хотя бы полукровка, как и я, а они же — чистые люди! И только!

От удивления я чуть не выронила камень.

Чистый люди! Надо же... Не то, чтобы это звучало, как обвинение. Но разве она сама не человек?

— Чистые люди? Полукровка? — перебила ее я.

— Ну да. Как я. Кстати, я вот — по отцу ветала, по матери нефилим. И, как друид двух инициаций, имею право на ношение истинной формы, например, в местах силы. А кто ты? Ну, кроме того, что частично — человек.

Частично человек... Нет, я, конечно, уже знала, еще от Иррит, что со мной не все «чисто». Но...

— А если не частично? Может, я — просто человек, — я натянула губы в улыбке.

— Это невозможно, — категорично заявила Айрана. — Иначе ты бы давно была бы под моими чарами, а я под твоими. У людей, рожденных на Земле, очень плохое соотношение с веталами. Мы входим в резонанс и, или взаимно уничтожаем магию друг в друге, или, наоборот, становимся донорами друг для друга.

Да, точно. Доноры... Иррит с Тайрэнном говорили же о чем-то таком.

— А, может, это какой-нибудь артефакт на мне? — я поставила камень на нужное место, в деталях вспоминая свое знакомство с братом и сестрой.

— Мы в оранжерее, а у тебя в руках щипцы для заглушки чужих аур, — возразила Айрана, как-то по-особенному хитро улыбнувшись. — И если на тебе и есть такой артефакт, то он давно перестал работать.

— А как же, — я удивленно уставилась на девушку, — как же я тогда тебя понимаю?

— Может, потому что я говорю на твоём языке, — хихикнула та. — Кстати, с тех пор, как выучила его, только второй раз смогла попрактиковаться. Так захватывает! Неужели ты не заметила акцента?

Я поражённо мотнула головой. Что же это получается? Что браслеты на мне сейчас просто не работают? А как ж... А если я уже все пропустила и везде опоздала? То-то Сэм «обрадуется», если я не приду на занятие.

Хотя, кто его знает. Может, действительно обрадуется.

— О! Круто! — Айрана же без всяких выглядела счастливой. — Так что? Расскажешь, кто ты?

— Я не знаю, — я пожалала плечами, думая, как бы потактичнее узнать о времени и не показаться невежливой, да и не объяснять при этом ничего. А то, может, я уже везде опоздала, раз браслеты на мне, получается, сейчас не работают.

— Ничего, мы это обязательно выясним, — ещё обрадованнее заметила Айрана, переходя на грядку к каким-то вьющимся кактусам сине-фиолетового цвета и без предисловия переводя тему разговора на них: — А этот орфилонепс уже начал дичать. Видишь? Колючки больше трёх сантиметров! Ещё немного, и начнёт ими кидаться...

— Вижу, — я поежилась, представив себе, как эти иглы летят во все стороны. — А он ядовитый?

— Культурный нет. Но дикий может. Вылечим его — и обязательно изучим, — пообещала она, подзывая телекинезом следующую партию овальных камней, так как предыдущая закончилась. И, как только те горкой сложились рядом с нами на полу, мы продолжили наш обход.

На счастье, вопрос о времени, который я все-таки задаю, не создает никакой неловкости. Да и оно у меня все ещё было, так что работа продолжается дальше в том же темпе. Но все-таки в «Истон» я не опаздываю, только потому что к нужному часу Фирэллен, переодетая в очередное шикарное платье, теперь уже нежно лилового оттенка, приходит сама вместе с моим сменщиком.

Им оказывается альв, который выглядит зрелым мужчиной среднего роста с короткими то ли седыми, то ли пепельно-белыми волосами. При знакомстве он строго пытается что-то сказать мне — и я впервые слышу местную речь такой, какая она есть на самом деле. Хрустально-певучей и совсем-совсем не понятной.

Впечатляет! Думаю, именно эта череда звуков, в которой звучит так много раскатистых «р» и нежно-мягких «л», однажды воодушевила земных писателей на создание эльфийского языка.

Поняв, что я ничего не понимаю из его слов, альв молча забирает у меня щипцы и сразу же впрягается в работу, как тот, кто хорошо знает, что и как нужно делать. Меня же уводит Фирэллен — получить расчет за день и подписать контракт до конца лета.

Стоит мне только отдать щипцы альву, как браслет-будильник на руке сразу же вибрирует, высвечивая цифры, намекающие, что, если я через десять минут не сяду в карету с пегасами, Сэм будет на меня очень зол. Ну, точнее, злее, чем обычно.

Фирэллен это то ли замечает, то ли просто сама спешит, поэтому остальной разговор с ней проходит на бегу и впопыхах, пока она ведёт меня до карет, где нас как раз уже поджидает нанятый ей извозчик.

— Вот твоя оплата за сегодня, — сует она мне в руки несколько местных «банкнот»

приличного номинала. Те похожи на земные банковские карточки, только размером побольше и сделанные, скорее всего, из какой-то древесины, нежели из пластика. Артефакт-браслет привычно переводит их название мне сразу в «голову» простым словом «деньги». А я уже знаю, что на эту сумму, что держу в руках, могу оплатить хотя бы одно будущее практическое занятие в «Истоне». И я не знаю, получают ли все помощники садовников такие выплаты, но для меня — это действительно большие деньги. И, что самое главное, очень нужные. — И вот твой контракт, — следом в моих руках оказывается тугой желтоватый свиток, перевязанный лентой и запечатанный алым сургучом. — Как только подпишешь, он сразу перенесется ко мне. И не затягивай с этим. Жду тебе завтра к семи, — выдает альва последние инструкции, хмуро оглядываясь по сторонам, будто что-то высматривая в воздухе или в тенях, пока я сажусь в карету.

— Трогай, — слышу ее последнее приказание, отданное извозчику, затем свист хлыста — и четверка пегасов одним мягким пружинистым рывком поднимает нас в воздух.

Пока лечу, пытаюсь совладать с количеством эмоций, пережитых только за это утро и уложить их в душе. Сказать, что меня сильно удивляет и даже пугает такое проявление заботы от того, кто, по идее, должен меня недолюбливать, ничего не сказать.

Но, в данную минуту у меня нет выбора, и я принимаю это, как должное.

Тем более, кто я для Фирэллен? Уж точно не соперница. А она, наверняка, не была бы владелицей процветающего кафе, если бы не умела нанимать и поощрять нужных ей работников. Да и официанты при виде нее не кривят лица и не сплевывают вслед. Значит, как минимум, уважают свою хозяйку. Так стоит ли искать черную кошку в черной комнате?

Окончательно сомнения растворяются, пока я, чтобы зря не терять время в полете, зачитываю контракт. Он простой и без всяких приписок мелким почерком. По сути, повторяет то, что Фирэллен говорила с утра. А оплата за рабочий день, указанная в нем, даже выше оплаты, предложенной сегодня.

Так что в «Истон» прилетаю в прекрасном расположении духа, хоть и морально уставшей. А так как карета приземляется прямо около ворот, то и на встречу с Сэмом я не опаздываю.

Лакей помогает выбраться, окружая меня сферой защитных чар. На вопрос о том, зачем такая забота, отвечает, что это — приказ хозяйки. Не знаю, что уж со мной может случиться за те несколько шагов, что я прохожу от кареты до ворот академии, но не отказываюсь.

Хотят защитить от какого-то гипотетического нападения? Их дело.

Напоследок слуга обещает, что с утра меня заберут прямо отсюда и, убедившись, что я вошла в ворота, уходит обратно. А я — спешу к Сэму. Уже при входе, правда, мне снова мерещится какая-то тень, похожая на большого ворона, который ударяется об остатки той самой защиты. Но тень тут же исчезает и больше ничего подозрительного не происходит.

Сэм же ведет себя как обычно — как равнодушный истукан, который вынужден терпеть мое присутствие в качестве повинности, лишь укрепляя меня в уже принятом решении. Да и советоваться с ним о работе на его подругу мне больше совсем не хочется. Поэтому с утра я спокойно подписываю предложенный Фирэллен контракт.

И с этой минуты у меня официально начинаются лучшие дни на Акрле.

Глава 17

Сбывающаяся мечта, нужная учеба, интересная работа, неожиданные подруги в лице Отти и Айраны... И это далеко не все, что случается со мной за это время хорошего.

К сожалению, мою расовую принадлежность мы с Айраной так и не смогли установить,

хотя пытались и с помощью расчетов, и путем энергетических тестов. В них принимали участия некоторые растения в оранжерее, которых мы, к тому времени, давно вылечили от избыточного насыщения осадочной магии.

Но только все предложенные Айраной способы и тесты указывали на меня, как на человека. Ну или как на того, в ком родство с другими расами «спит». И чтобы пробудить его, нужно было что-то крайне изобретательное. Не хуже того, что было нужно сделать Сэму для того, чтобы я пробудилась, как маг.

Заходить в своих тестах так далеко мы не стали. Так что официально я все также оставалась человеком, но даже это не мешало нашей разрастающейся дружбе. Тем более, она укреплялась еще и совместным сговором.

А он появился сам собой после того, как подозрения Айраны о том, что оранжерея больна из-за насыщения остаточной магией откатов, подтвердились. Потому что Фирэллен утверждала, что никакого ритуального зала поблизости нет. Да только симптомы и диагноз растений говорил про обратное.

Спорить с работодателем мы, конечно же, не стали. Хотя Айрана удивилась такому упорству альвы. Ведь ничего незаконного в этом не было. Но ни я, ни она не хотели влезать в личные дела Фирэллен. Я — по своим личным причинам. Айрана — еще и потому, что они были из разных кланов. Поэтому мы просто приступили к лечению растений.

Тогда-то я узнала об этих откатах еще больше. А это — почти все, что знала о них сама Айрана.

Этот раздел высшей магии рассказал мне о чарах еще больше. Главное, что ни одни из них не проходят для мира бесследно. И если магия не может компенсировать вмешательство в канву мироздания сразу же с помощью физики, то цепляется к магу, создавшему чары, или к объекту этих чар — и дает им с полна насладиться последствиями.

И, чаще всего, эти последствия проходят сами собой. Хотя их завершение можно поторопить с помощью магии. Для чего существует свой специальный ритуал. А вот уже для него понадобится специальный ритуальный зал. И, судя по цветам в оранжерее, где-то рядом с ней был как раз такой зал, который постоянно использовался для уничтожения магических «ответок».

Самое главное, что я поняла об этой магии, что все то, что я испытывала к Сэму, и, особенно то, что было между нами на празднике Светения — это-то и было этим самым откатом. И те чувства, что рвали меня изнутри на части и превращали занятия с ним в чудовищную пытку, это всего лишь последствия тех чар доверия, под действие которых я попала еще на Земле.

Странно было только время их продолжения. По идее это все должно было закончиться за первую неделю моей жизни в Акрле. И уж точно не должно было усиливаться все это время. Но, зато, сразу после того, как я стала работать в оранжерее, это притяжение закончилось. Раз и выключилось. Неожиданно и само собой.

И это, определенно, было самым лучшим, что случилось со мной за эти дни было то, что!

Сказать точно, с какой минуты оно произошло, я не могла. Но уже на второй день работы на Фирэллен я понимаю, что равнодушна к Сэму. Совсем.

Что я снова рядом с ним могу нормально дышать, говорить, ходить... Меня больше не тянет преодолеть ту до зуда разделяющую нас дистанцию, которую он установил и которую никогда не давал сократить. И что я не хочу больше никаких случайных прикосновений и не

жду его случайной улыбки, как наивысшей формы одобрения.

Мне больше ничего из этого было не нужно. И это были прекрасные ощущения! Они наполняли меня чувством свободы.

Настолько, что в какой-то вечер я немного «забываю» на библиотечную пыль и соглашаюсь на прогулку на стадион в компании Отти и ее парня Дани. Там как раз закончилась дрессировка виверн и на полном ходу идут тренировочные заезды, в которых есть на что полюбоваться. И я с удовольствием этому люблюсь.

Вскоре, такие прогулки в компании юных загонщиков становится для меня привычным времяпрепровождением.

На стадионе снова несколько раз пересекаюсь с Тайрэнном. Но он и дальше делает вид, что со мной не знаком. Чтобы он делал, окажись я на стадионе одна, я не знаю. Но так как я всегда в окружении подростков или Айраны, которая, как оказалось, тоже живет в «Истоне», поведения своего он не меняет.

Зато благодаря этому я замечаю, что и Айрана от него совсем не в восторге, хоть он глава ее клана. К тому же, они оба настолько демонстративно сторонятся друг друга, что мне сразу становится понятно, что у них есть какая-то давняя и тяжелая история. Но Айрана о ней ничего не говорит, а я шажу чувства новой подруги.

Вижу по вечерам на стадионе и Рыжика. Но так как он почти постоянно в небе — тренирует виверну, как и другие чемпионы, то мы лишь киваем друг другу издалека. Там же, в небе, часто вижу и Иррит. Узнаю от Айраны, что это — ее бывшая лучше подруга — но так как дальше она ничего не говорит о ветале, я тоже не лезу с расспросами.

Чего больше никогда не вижу — это странных теней или птиц. Да и защитой меня тоже больше никто не окружает. Так что и эта проблема решается как-то сама собой...

Абсолютному счастью мешает только одно «но».

Появившиеся после подписания контракта с Фирэллен кошмары, в которых я слышу и вижу смерти тех, кто умер за семьдесят лет до моего появления в этом мире.

Жуткие, выворачивающие меня наизнанку, заставляющие просыпаться от криков и слез сны.

И эти кошмары вынуждают меня действовать.

Сэмаэль арэ Нерт

Поначалу ничего из задуманного им не получалось.

Кабинет ректора не открылся, хотя Сэм пытался сделать это несколько раз. Сперва сам — тайно. Позже — договорившись с ректором Анной.

Прима арэ Льес, конечно же, тоже была заинтересована в снятии магической печати. И дело тут было не только в традициях и престиже. И не в шепотках за спиной от тех, кто утверждал, что раз ректорский кабинет все еще закрыт, значит, у академии нет управления. Впрочем, находились и такие «доброжелатели», кто говорил это ей прямо в лицо. И были они не только из драконьего племени.

Нет, доступ в кабинет давал куда больше, чем просто статус. Уникальные артефакты и ректорский архив — вот главные сокровища, что скрывались за запертой магией дверью.

Но это — для нее. У Сэма же были свои причины стремиться в свой прежний кабинет. Потому что именно там хранились его записи и расчеты по тому злосчастному ритуалу. И если откуда и следовало начинать поиски ответов на вопросы о том, что же семьдесят лет назад пошло не так, то именно оттуда.

Прима Анна не смогла войти в ректорский кабинет одна. Сэм в одиночку тоже не смог. Но раз они оба неожиданно оказались в статусе глав академии, то вдвоем у них это могло получиться. По крайней мере, все предварительные расчеты по замыканию контура указывали на это.

Не вышло.

Тогда несколько раз пересчитав вектора направления полей и их контуров, Сэм пришел к выводу, что один из «ключей» кабинета — это или его личная аура, или аура примы Анны. Но вот второй — это Элирэ. Но разве такое было возможно, если она была мертва?

Другие варианты того, чтобы разобраться в смертях студентов, тоже ничего не дали. Нет, в библиотеке «Истона» нашелся целый стеллаж, посвященный этой трагедии. Что было совсем не удивительно. Но, увы, для Сэма это было совершенно не полезно.

Потому что ни в биографиях погибших, ни в газетных статьях, ни в отчетах независимых и государственных расследованиях, устроенными кланами Нерт и Льес, не было единства. Возможно, его не было, потому что каждый пытался обвинить в случившемся кого-то другого.

Льесы упирали на то, что Нерты заигрались и почувствовали себя слишком всемогущими, раз одному из своих разрешили сотворить такое. Нерты, наоборот, сводили все к самим студентам, которые оказались в трагический момент зависимы только от главы академии, и напирала на то, что вот если бы за теми студентами был могущественный клан, никто бы из них магию и жизнь не выкачал бы... Независимые эксперты выбирали позицию того клана, которому симпатизировали.

А, возможно, единства не было потому, что никто, кроме Сэма, не знал истинных мотивов проводимого ритуала и то, какие цели тогда преследовались. Но Сэм-то знал!

Да только характер смертей указывал на то, чего не было. А то, что было — словно никак и не влияло на события. И чем больше Сэм пытался расчетами и сопоставлениями выяснить причину этого, тем больше он только запутывался. И он никак не мог отделаться от ощущения, что кто-то с самого начала повел ритуал по совсем другому пути. Но кто это мог быть?

Ответ снова был только один. И снова указывал на Элире.

Но неужели она могла вот так зачем-то убить себя, выбросив в реальность столько бесхозной сырой магии? И если могла, то зачем?

Без открытия кабинета ректора, Сэм не мог найти ответы и на это.

И это все — на фоне утомляющей и какой-то неправильной Истинной связи. Такой, которая все больше подводила его к мысли без объяснения причин прекратить любые встречи с Татьяной.

И не ради него, нет. А ради девчонки, которая просто не знала, каких демонов он скрывал за равнодушием. И с каким трудом это давалось ему каждый день. С него было достаточно ее злости на него. Не хватало еще презрения, отвращения и ненависти.

А потом однажды это закончилось.

В какой именно момент его связь с Татьяной перестала быть острой и болезненной, он не мог сказать. Еще вчера все было, как обычно. И даже находится с ней в одном мире было трудно: ни один его вдох не был свободным и легким, в каждом из них была растущая и пугающая его потребность в ней. Видеть, дышать, чувствовать, прикасаться... Что угодно, лишь бы была рядом.

Но на следующее утро Сэм, проспав дольше обычного, проснулся совершенно

спокойным. Будто кто-то все отменил или выключил. Или вылечил его от этой тяжелой и изматывающей болезни каким-то неизвестными чарами.

По началу Сэм не поверил в то, что случилось. Ни откаты, ни связь так работать были не должны. По крайней мере, он ничего про такие случаи не знал. Но уже днем, когда на урок к нему Татьяна прибежала откуда-то запыхавшаяся и веселая, он впервые за все время решил сократить те самые шаги между ними.

Сделал это — и сразу же убедился, что никаких обостренных чувств между ними больше нет. И настолько был поражен этому факту, что другой — что у девчонки в окружении случилось что-то хорошее, прошел мимо него. А позже ему вовсе стало не до ее личной жизни.

Так и не выяснив толком, что же именно с ним было, он решил, что раз ничего больше к девчонке не чувствует, то сперва нужно решить самые главные задачи. А всякие магические псевдо-аномалии оставить на потом.

Для начала нужно было разобраться, как же на самом деле погибли студенты.

Личных ресурсов Сэма для этого было мало. Но на счастье, прима ректор тоже была заинтересована в этом. И уговорить ее помочь с расследованием и через нее нанять лучших частных сыщиков не составило труда.

Сэм мог сделать это сам, никого не посвящая в планы и сомнения. Тем более, если этот «кто-то» был из Льесов. Но, хоть его тело, измененное магией перевертышей еще на Земле, и его аура, измененная уже в Акрле, не могли выдать истинную личность, действовать совсем открыто он не стал. Особенно, помня замечание Фирэллен на празднике.

А что, если альва права и он действительно слишком самоуверен? Или вдруг она все-таки донесла на него кому следует?

Чтобы знать это наверняка, для начала ему нужно было встретиться со старой подругой. А после праздника Светения у Сэма не было никакого желания хотя бы пересекаться с ней, не то, чтобы встречаться. И уж тем более по такой причине, как гибель студентов и Элире.

Так что, между тем, чтобы обратиться за помощью к старым друзьям и к новым неожиданным союзникам из давних врагов, Сэм выбрал второе.

И не прогадал.

Нанятые Анной арэ Льес детективы в кратчайшие сроки собрали обширное досье на всех погибших и их семьи. А также на всех, кто тоже попал тогда под действие ритуала, но не погиб и дожил до этих дней. И даже на тех, кто стал свидетелем трагедии и тоже все еще был жив и здоров.

Эти данные рассказали Сэму многое. И не только о том, что он не ошибся в предположениях и в тот день студенты умерли не из-за его ритуала. А еще о том, что кто-то всеми силами пытался это скрыть. Потому что несколько магов, которые после пытались дать разоблачающие интервью, исчезли или погибли при таинственных обстоятельствах.

Кто был этот кто-то, хотя бы из какого клана, Сэм не мог даже предположить. Как и то, кто же тогда вмешался в ход ритуала, а, самое главное, как. Но то, что ответ на это кроется в запертом кабинете ректора, Сэм больше не сомневался.

Этот кабинет нужно было открыть! Любым способом. Но тут Сэм просто не знал, что еще сделать. Оставался только один вариант — на время лишить защиты всю академию, полностью перенастроив весь его контур.

Это не только было слишком рискованно для него, ведь если он не справится, он полностью и на долго лишит себя магии. Но это было опасно для всей академии. Потому что

никто точно не знал, из каких именно чар сплетена защита «Истона», так как каждый ректор добавлял в нее что-то свое и улучшал их на свой вкус.

Но вдруг помощь пришла оттуда, откуда он ждал ее меньше всего.

От Татьяны.

Глава 18

Татьяна

В очередной раз проснувшись от собственного крика, я уставилась в чернеющий потолок. Ох... Спасительная темнота. Никогда в жизни особенно не любила ее, но с недавних пор вид ночной комнаты стал неким якорем. Стоило только ее увидеть, как сразу вспоминала, где я и кто я.

И что я — живая, целая и невредимая. А не плавящаяся в серебристом свете до костей, пока мне магией же выкручивают эти самые кости.

И что можно дышать — легко и свободно. А не задыхаться от удушенья, пока расплавленное «серебро» вливается в горло.

Ужасный серебристый свет и отвратительное жидкое серебро. За ночи кошмаров я успела возненавидеть их до такой степени, что меня напрягала любая магия, которая была похожа на них.

А, между тем, я знала сразу два похожих по цветам проявления силы. Свет из сна очень сильно напоминал о Фирэллен, а жидкий «металл» о перевертышах. Поэтому сперва я думала, что эти кошмары — это просто трансляция моих переживаний. Какая-нибудь психологическая ерунда, связанная с проекцией чего-нибудь куда-нибудь.

По началу, когда это только началось, я так и думала. Было много причин так считать.

Ну, хотя бы то, что начались они как раз с того дня, как я стала официально работать у Фирэллен. А боевая форма этой альвы имеет именно такой же яркий и запоминающийся серебристый цвет, какой заполнял во снах-кошмарах все пространство. А еще она просто обожала носить одежду в этом цвете или похожих на него оттенках. Эдакая ледяная королева. Хотя, мне кажется, красный был бы ей больше к лицу.

Что же касалось полиморфов, то тут все объяснялось Айраной, ставшей моим непосредственным начальником. Она ведь обучалась на мага этого направления. И в любое свободное время то растила себе птичьи ногти, то лисий хвост, а то и кошачьи уши.

Из ее рассказов я узнала, что такие трансформации даются с трудом. Более того, они требуют от мага полного контроля над собственным телом и, что самое главное, над чувствами. Изменения физической оболочки не могут быть безболезненными. И Айране все еще было больно порой даже немного отрастить собственные ногти или покрыть кожу на руке чешуей, а потом вернуть все обратно. И она предупреждала, что и первые целые обороты — это настоящее испытание для мага на выносливость и болевой порог.

В общем, моим снам было, чем вдохновляться.

Но когда эти сны повторились несколько раз, и я как-то с утра поинтересовалась у Отти, а чем можно полечить кошмары, оказалось, что в пределах «Истона» их вообще не может быть. Вот так просто. Магия академии работала на то, чтобы обучающиеся тут думали об учебе. Ну, или по крайней мере, не имели к этому серьезных препятствий.

А уж точно не чувствовали себя то одним, то другим студентом, которого вдруг ни с того, ни с сего скручивала эта самая боль и выжимала досуха.

Вот когда я это узнала, тогда-то и поняла, что мои кошмары — это совсем не сны. А воспоминания. Причем не мои. Ну а когда я проснулась от крика, ужаса и боли и на

следующую ночь, стало понятно, что само по себе это не пройдет. И я стала искать «лекарство».

Начала с библиотеки, но так и не смогла объяснить библиотекарю, что мне нужно. Потому, что не могла рассказать ему о своей связи с Сэмом. Тогда я попыталась расспросить об этом у примы ректора, но поймать ее для разговора мне было очень сложно. Когда я была свободна, ее никогда не было в кабинете. Что и не удивительно. Уверена, дел у нее хватало.

Самым простым решением казалось то, что надо было пойти и озадачить моей проблемой Сэма... Но оно же оказалось и самым трудным. Несколько раз я пыталась заговорить с ним об этом. Но каждый раз сворачивала разговор, стоило ему только смерить меня фирменным надменно-удивлено-равнодушным взглядом. А я, за это лето, признаться, ужасно устала от этих взглядов.

Чувствуя себя трусихой и глупышкой, я, между тем, так и не смогла признаться в этих снах и спросить, что же мне с этим делать. Как и не смогла рассказать ему, что теперь работаю на Фирэллен. Я не хотела, чтобы между мной и им снова появилось что-то личное. Я столько времени училась относиться к нему, как к тому, кто просто дает мне нужные знания, что перешагнуть эту границу обратно не смогла. Это было сильнее меня.

Так что оставался только один вариант — разобраться самой, не вовлекая в это вообще никого лишнего. И с чего же начать?

И пока мои глаза привыкали к темноте ночной комнаты, разбавленной светом лун за окном, я все-таки придумала, с чего. У меня же все еще лежала та самая газета, подложенная Тайрэнном. А еще была оставленная им записка, на которой, как я уже знала, было вовсе не указание на место для свидания, а координаты стеллажа в библиотеке. И, судя по всему, то, что могло там лежать, было как-то связано и с Сэмом, и с погибшими студентами.

Озаренная этой догадкой, я резко встала с кровати. Чаша-светильник тут же зажглась на стене, разогнав темноту мягким и густым, как сливочное масло, теплым светом. Бросив взгляд на браслет-часы, я убедилась, что до утра еще много времени. Но я точно знала, что больше не усну. Поэтому не стала откладывать поиски в долгий ящик, а сразу же принялась за задуманное. В конце концов, библиотека в «Истоне» «работала» круглосуточно. А ночные коридоры здесь были не опаснее дневных.

Сборы не заняли много времени. А свернутая газета, снова все также перетянутая браслетом, подаренным Сэмом, нашлась сразу же.

Блеск чистейших бриллиантов кольнул в груди застывшей болью. Но эту тень давнего разочарования я тут же прогнала. Ничего между мной и Сэмом не было и быть не могло! И то, что сейчас все кончилось, как только закончилось действие отката, только подтверждает это!

Так что, зачем горевать по тому, что умерло, не родившись?

Поддавшись порыву, я надела браслет на руку, повесив рядом с деревянными артефактами, которые не снимала никогда, хотя в той же оранжерее пользы от них было очень мало и из-за действия других магических штучек, они часто сбоили или просто не работали.

Интересно, как бы я работала там, если бы Айрана не знала мой язык? Как бы мы общались с ней? И как же мне с ней повезло...

Наверное, не говори Айрана на моем языке, Фирэллен нашла бы для нее другую помощницу, а я бы и дальше обивала пороги. Или, что вероятнее, все-таки продала бы сперва этот браслет, а затем начала бы продавать и другие подарки Сэма, чтобы наскрести на учебу.

А что бы делала потом, вообще не знаю.

Сейчас же и браслет был при мне, и деньги лежали в шкатулке. А ведь этих средств хватит почти на год учебы! Нет, если бы я по-настоящему на них жила, а не откладывала бы всю дневную оплату, точно не хватило бы. Но для жизни у меня и так все было. Поэтому привлекательная сумма радовала глаза.

Да, мне определенно повезло с Айраной!

Размышляя об этом, я развернула сохраненную в кармане сумки записку. «Секция библиотеки 17/6, в любое время. Жду.» — гласила она.

Уверенная, что это «жду» больше не имеет никакого веса, так как за столько времени Тайрэнн убедил меня в том, что я для него давно уже — пройденный этап, я мысленно построила маршрут до нужного «адреса», взывая к опутывающим академию чарам. И сразу же почувствовала, как сработал магический навигатор, натянув между мной и конечной точкой невидимую путеводную нить.

И вышла из комнаты в ночь.

По ночному Истону я гуляла во второй раз в жизни. Первый был в ночь моего появления здесь. Тогда меня сопровождала Иррит. Сейчас же я шла сама. А, точнее, почти бежала, шурша юбками и стуча каблуками по гулким коридорам. И чаши со световыми каплями едва успевали зажигаться спереди и гаснуть за спиной, каждый раз выхватывая из синей тьмы новый кусок холла.

Сизый свет от всех четырех лун, приблизившихся к Акрлу на максимально близкое расстояние, пробивался через завешенные тюлем и парчой окна. Но вместо того, чтобы делать коридоры светлее, будто еще больше оттенял ночь. Поэтому все то, что было за границей света из чаш, смотрелось высеченным из пепельно-серого камня и навевало мысли о склепе.

Впрочем, я подозревала, что такое сходство возникало из-за сна, из-за которого в моей крови все еще бродил свежий адреналин. Потому что в этом сне, кроме прочего, я видела и в каких именно местах погибли студенты. А смерть застала их там, где они были. Кого-то прямо посреди этого самого холла.

Эти воспоминания и днем-то напрягали меня. Но хлопоты, светлый день и живые люди рядом прогоняли их. Сейчас же ничего этого не было. И они, всплывая в памяти одно за другим, делали путь до библиотеки мрачным и неудобным, подсказывая, что идти туда прямо сейчас — это не самое правильное решение.

Ох. Мое щедрое воображение! И это еще я прекрасно знала, что все эти коридоры совершенно безопасны.

Но, с другой стороны, и для тех студентов они тоже такими были. Только ровно до тех пор, пока бедняг почему-то не стало выкручивать, как в центрифуге...

Где-то за окном сверкнула молния. Очень далекая, чтобы гром от нее долетел до академии, но все равно заметная. И тут же следом второй разряд разрезал ветвями плотные черные облака на горизонте. И снова совершенно беззвучно.

Поежившись, я ускорила шаг.

Порталы!

Я и забыла, что совсем скоро, со дня на день, они активируются, и со всех четырех миров, окружающих Акрл, придет новая порция мигрантов. Кто-то вернется домой, кто-то заскочит по делам, а кто-то прибудет чтобы учиться в Истоне. И тогда, по словам Отти,

академия превратится в один огромный улей. А, значит, снова изменится и ритм моей жизни, чтобы снова приблизить меня к цели и возвращению домой.

Учебный год, который еще не так давно мне казался каким-то далеким и не реальным, был уже совсем на носу. Тем больше было причин как можно скорее покончить с кошмарами. При посещении лекций и семинаров мне очень будут нужны «свежие» мозги и здоровая психика.

Подбадривая себя таким образом, я свернула к главному холлу и вышла к залитым светом от люстр и цветов аркам центрального зала, увитых лианами.

Тут все выглядело одинаково что днем, что ночью. Разве что феи сейчас не сновали среди стеллажей, а спали в закрытых бутонах. Не желая потревожить их покой, я размеренно зашагала вглубь зала, мысленно проверяя маршрут.

Если бы мне нужна была какая-то одна книга, положиться на чары академии было бы нельзя. Тогда надо было бы идти к архивариусу или, что вернее, ловить фею и озадачивать уже ее. Но я искала сразу целый стеллаж. А тут можно было справиться и самой. Главное только — не портить книги и не выносить их из зала. Правила простые, соблюдать их было легко.

Так что еще минут пятнадцать прогулки по бесконечным коридорам библиотеки — и желанный книжный шкаф оказался передо мной.

Внешне такой же, как и сотни, а, может, и тысячи окружающих его стеллажей, он совершенно ничем не выделялся на их фоне. Хотя я, привыкшая к земным традициям, ожидала увидеть рядом с ним какие-то памятные вещи или знаки отличия. Все-таки здесь хранится архив по трагедии, случившейся в этих самых стенах.

Но нет. Это был просто еще один заставленный книгами, газетами, свитками и папками с документами стеллаж. И если бы внутри меня рядом с ним не «лопнула» натянутая нить путеводителя, я бы никогда сама не догадалась бы, что то, что мне нужно, находится именно здесь.

А, между тем, стеллаж-то был совсем не маленький. Раздавался в ширь на пару метров, уходил в высоту метров на пять-семь...

Интересно, это все мне надо пересмотреть и прочить? А я ведь надеялась найти нужное мне хотя бы за пару дней, а не за пару лет...

Но, с чего-то все равно надо было начать. И я, бросив взгляд на часы, и убедившись, что время до утра еще есть, начала просматривать аккуратно сложенные на нем стопочкой газеты.

В идеале мне нужно было что-то из этого выбрать и унести к столам, чтобы там, в тишине и одиночестве, созданном черным кристаллом, спокойно все просмотреть... Но это — лишняя трата драгоценных минут. А я и так слишком поздно пришла сюда. Могла ведь еще с самого первого дня, да... Как раз, глядишь, к сегодняшнему дочитала бы это все.

Так что я просто взяла первые же газеты с самых нижних полок и развернула их, сразу же окунаясь в строчки, старательно расписывающие все нюансы тех событий. Ну, или фантазирующих о них...

Второго было больше, как я вскоре смогла убедиться. И что как только общественность смогла хоть немного успокоиться из-за самой трагедии, как только отгремели самые первые новости, в которых было куда больше конкретных цифр, чем пустых слов, так дальше началась слухи, сплетни, домыслы, и, конечно же, политика.

Причем ее было насыпано так много и так щедро, что уже через пять статей я перестала

понимать, из-за чего именно сцепились все эти газетчики. Ясно было только одно, в то время, как и сейчас, у власти в Акрле было два клана, Льесы и Нерты, и каждый из них валил вину за случившееся на другого.

Еще почему-то я так и не встретила четкого объяснения смерти той, кого называли истинной парой Сэму. Все, что я смогла узнать из самых первых статей, что она была нефилимом-стихийником. Еще, что когда-то она принадлежала другому клану, но после второй инициации выбрала клан Нертов, так как решила не возвращаться в родной мир, а остаться в этом.

Но, между тем, очень скоро о ней перестали писать.

Более того, первыми это сделали те журналисты, которые точно были на стороне Нертов. Хотя, казалось бы, именно они должны были делать упор на том, что Льесы задумали ослабить соперничающий с ними клан с помощью удара по самым важным его членам. По потенциальному будущему главе и по той, кто могла этого главу максимально усилить, приведя его магию в гармонию.

Но нет. Словно и не было такой никогда. Ни точной даты смерти. Ни интервью с ее родственниками или свидетелями ее гибели. Ничего.

Газетчики же со стороны Льесов во всю упирали на то, что Нертам доверять больше нельзя. Особенно академию. Что они всех подставили. И что в границах своего клана они могут ставить какие угодно эксперименты, но за его пределами их власти стало как-то слишком много, зато вот их кандидатура...

Через час чтения этой политически ангажированной белиберды, я поняла, что в этих хрониках я нужного не найду. А вот лежащие рядом в папочках документы могли дать мне куда больше ответов на вопросы. Тем более, что в них оказались личные дела и анкеты на пострадавших.

Перебарывая приступы тошноты, возникающие каждый раз, когда я доходила до строчек с описанием вида смерти погибшего, я вскоре поняла, что же именно в них кажется мне странным.

И в статьях, и в личных делах погибших, были описания их гибели со слов свидетелей. И там было указание на те чувства, что я испытывала.

Но сияние! В моем сне оно было серебряным! А все свидетели утверждали, что академия озарилась золотым светом! Тем золотым, которое было присуще истинному облику Сэма.

По крайней мере того самого Сэма, который тогда был ректором. А не той его теневой ипостаси, в которую он превратился теперь...

Да только я в своих снах никогда не видела золота. Да и тьмы тоже не видела. Только бесконечное серебро, плавящее чужие тела, как магия плавит тела полиморфов. И озаряющее каждый закуток академии, как сияние, которое исходит от одной знакомой мне альвы...

Но какого цвета была аура той самой истинной пары? И почему студенты погибали так, будто их убивала магия полиморфов, когда ни Сэм, ни его пара-нефилим ими не были? И почему об этой нефилим не пишут вообще ничего?

Но раньше, чем я успеваю сформировать эти смутные догадки в конкретные задачи и понять, куда двигаться в своих исследованиях дальше, чья-то рука резко и уверенно касается моего плеча.

Вскрикнув, я оборачиваюсь.

Глава 19

Тайрэнн?

К счастью, нет.

Взглядом утыкаюсь в другой: хмурый и знакомый до мельчайших морщинок. И в ответ на мой вскрик на дне чужих глаз не менее знакомо сверкают черно-золотые искры магии. Сердце, прыгнувшее было в горло, стремительно падает вниз. И хоть и бьется теперь в груди так, будто я только что пробежала стометровку, но это уже не паника. Так, легкий испуг.

Сэм. Это всего лишь Сэм.

— Таня? — хрипло спрашивает он.

Медленно выдыхаю, кивая.

Не то, чтобы я ожидала увидеть здесь кого-нибудь другого. Я вообще никого не ждала. В этой библиотеке крайне трудно встретить живое существо, если оно не цветочная фея, так как таких посетителей, как я, зачитывающихся книгами около стеллажей, обычно нету. Студенты предпочитают сидеть за столами, скрываясь за чарами, а архивариуса я видела только около его древа-домика и не уверена, что он вообще покидает его когда-нибудь. Но вот то, что запирается там внутри — это точно.

Но, помня, что нашла я этот стеллаж благодаря записке Тайрэнна, я боюсь, что своим появлением здесь могла дать ему повод для нового преследования. Кто знает, что у него в голове? Он же с самого начала пытался меня то ли соблазнить, то ли запугать. Его показательное равнодушие слишком показательно.

Ну, или это у меня развилась какая-то мания. Но то, что я застукана сейчас в библиотеке не им, меня очень радует.

Что же совсем меня не радует, так это то, как быстро Сэм переводит взгляд с моего лица на то, что я держу в руках и обратно. И как при этом еще сильнее мрачнеет.

Мое же лицо начинает пылать.

Вроде и не делаю ничего плохого. Но почему-то появляется ощущение, будто я только что подглядывала в замочную скважину запертой комнаты — и тут ее резко открыли с той стороны. А я при этом еще и голая.

— Извини, — шепчу, спешно отводя глаза в сторону и возвращая серую бумажную папочку с личным делом студента обратно в ряды точно таких же. Получается как-то неуклюже и не очень аккуратно. Часть газет случайно задеваю рукой, и они с тихим шелестом падают с полки на пол.

Ох.

Раньше, чем наклоняюсь их подобрать, подлетают пара феечек и, недовольно зыряка на меня, ловко с помощью пыльцы возвращают газеты на место.

Ну вот... Еще только с феями поссориться не хватало.

Сэм же следит за этим, не отпуская меня.

— За что? — его рука сильнее сжимается на моем плече, прежде чем тоже с какой-то чрезмерной поспешностью отпустить его.

Какой-то слишком неловкий момент...

А еще за последние дни и даже месяцы — это первый раз после праздника Светения, когда мы так близко. И, самое главное, когда Сэм ведет себя не как истукан, отбывающий повинность в виде обучения меня магии.

Поэтому, хоть никаких магических откатов между нами больше нету, и ничто не отравляет мой разум влечением, мне все же горько от того, что он отдернул руку. И чисто

по-человечески обидно.

— Не за что, — отвечаю резко, бросая взгляд на часы-браслет и тут же невольно прикусываю губу: рядом с артефактом на руке висит его подарок! И Сэм это точно видит. Вот блин! И зачем я только его надела! — Мне надо идти, — щеки теперь не просто пылают, они горят, как возле печки. — Мне пора, — разворачиваюсь, чтобы сбежать, хотя до будильника еще есть время и мое свободное утро еще не закончилось.

Но тут же оказываюсь снова поймана Сэмом за плечи. Снова развернута к нему лицом.

— Куда? Зачем? — слышу требовательное, прежде чем снова глянуть в его еще более изумленное и хмурое лицо.

Но, что самое главное, совсем не равнодушное!

И куда же делся Сэм-истукан, так раздражавший меня все это время?

— Какое тебе дело? — не выдерживаю.

Нет, серьезно! Если представить, что до этого я сходила с ума из-за отката, под который попала, между прочим, по его вине, то он-то ничего такого не испытывал! Так кто дал ему право что-то требовать с меня, а?

Не испытывал же? Или...

— Какое мне дело? — он сбит с толку не меньше. Это хорошо видно даже мне, и у него никак не получается это скрыть. А, может, и не хочет.

Только и во мне от догадки куда-то испарился весь гнев. И все обиды начинают казаться какой-то пустяковой ерундой.

Я, конечно, совсем не уверена, но что, если все эти метры расстояния, демонстрация пренебрежения, каменное лицо, сухие эмоции... Что если все это было маской? Ту, которую он носил, чтобы выполнить то самое требование, что я сама озвучила еще в карете?

Я ведь помнила сцену в карете. Помнила свои слова...

А когда наваждение из-за отката спало с меня, оно спало и с него. Возможно, чуть позже. Возможно, чуть иначе. И, возможно, я сейчас придумывала объяснение, которого на самом деле не было. Но факты говорили сами за себя.

И главным из этих фактов было то, что я больше могла не рыскать по стеллажу, ища лекарство от своих кошмаров. Я могла найти его куда проще — спросить у их виновника напрямую.

— Хочешь знать, почему я здесь? — спрашиваю, уткнувшись взглядом в его лицо — хочу видеть малейшую эмоцию на нем. Я слишком долго любовалась на его равнодушие! — Тогда сперва ты ответь мне. Только честно.

— И на что отвечать? — Сэм вопросительно дергает бровью, все также удерживая меня за плечи, будто боясь, что я сейчас снова развернусь и сбегу.

А я никуда и не рвусь.

Быстро перебираю в памяти череду всех нестыковок между кошмарами и тем, что вычитала о гибели студентов, отыскивая среди них самую важную. И почти сразу же нахожу ее.

— Почему в моих снах студенты погибают из-за серебряного света, а свидетели утверждают, что их гибель была из-за золотого сияния?

— В твоих... Что?..

— В моих снах. В тех, в которых я каждую ночь слышу и вижу, как они все, — машу рукой в сторону стеллажа, — умирают. Почему они умирают, Сэм? Почему из-за серебра?

Сперва он словно не слышит меня. Но через мгновение его лицо бледнеет, а глаза

распахиваются не то от удивления, не то от озарения. И тьма, заполняющая их моментально, выплескивается за границы радужки, поглощая те полностью. На ее дне вспыхивает и гаснет знакомое золото.

— Серебра? — Сэм почти рычит. Но этот рык направлен не на меня. Он направлен на кого-то другого. — Ты уверена?

— Да, — киваю, чувствуя, как незримые обручи, которые, оказывается, все это время сковывали мою грудь, спадают с нее. Сэм еще ничего толком не сказал и ничего не объяснил, но я уже знаю главное: кто бы не стоял за случившейся тогда трагедией, Сэм в ней не виновен.

Иначе он бы просто не был сейчас так зол.

А, судя по тому, как крепко сжата его челюсть, пока он смотрит мимо меня в какое-то забытое прошлое, он сам это только что узнал.

Сэмаэль арэ Нерт

К чему он оказывается совсем не готов, когда одним ранним утром решает снова перепроверить все данные, чтобы еще раз попытаться понять, какая же ошибка закралась в расчеты, так это к тому, что около хорошо знакомого стеллажа он встретит Татьяну.

И что она будет стоять не просто так. А читать записи, хмуриться, закусывая губу, убирать одно личное дело на место, открывать вместо него другое... И все это настолько внимательно и сосредоточено, что ни его приветствие, ни вопрос она не услышит.

И только когда он схватит ее за плечо, она наконец-то обернется, дернувшись как дикая лань в лесу при встрече с охотником. И посмотрит на него зелеными глазами-омутами.

— Таня? — спросит Сэм очевидное, вдруг желая, чтобы этого стеллажа тут никогда не было. Точнее, чтобы не было тех причин, по которым на этом стеллаже появились все эти газеты, папки и книги.

Не то, чтобы его раньше «радовало» знание того, что из-за его ошибок погибли те, кого он должен был защитить. И не то, чтобы он не знал, что девчонка в курсе этого. Но все равно то, что Таня вот так просто стоит и читает об этом, действует на него оглушающе. Опускается бетонной плитой и не дает нормально вздохнуть.

Она же не просто знает. Она считает, что он — убийца!

Смотрит на него встревоженно. Наверняка, вспоминает, что их магия теперь связана между собой. А, может, стоит и думает, не решит ли он и ее присоединить к этим жертвам?

Но, между тем, Таня, успокаиваясь, выдыхает. Кивает...

Сэм невольно выдыхает следом.

Что ж. Чтобы ее прямо сейчас не пугало, к счастью, это не он.

Но все равно она то ли смущена, то ли разозлена, то ли напугана. И весь следующий разговор, когда Сэм не понимает, что ему больше хочется — выступить перед ней адвокатом для самого себя или немедленно расспросить ее, кто и зачем отправил ее к этим полкам, настроение девчонки меняется, как ветер.

Впрочем, настроение Сэма тоже. Особенно, когда он видит на ее руке знакомый браслет и к списку вопросов, который хочет ей задать, добавляется еще добрый десяток. Потому что при пересечении границы браслета при ней не было, а порталы с тех пор были закрыты. Значит, никто из магов пронести эту вещь сюда не мог.

А кто мог? А зачем? А как?.. А как же чары на браслете?.. А если это другой браслет, то почему он так похож на тот? И откуда у нее тогда эта побрякушка?..

А потом еще такой же десяток вопросов плюсуется, когда девчонка куда-то срывается, пытаюсь убежать. Говорит о том, что ей пора. Только куда ей пора?

Сэм не отпускает, решив тут же выяснить все, что ему на самом деле нужно было узнать у нее очень давно. Например, чем она живет, когда не обучается магии под его контролем? А она точно же чем-то живет!

Браслет, стеллаж... Что еще он упустил из вида?

Но не об этом она говорит ему. А о снах-воспоминаниях, которых у нее быть не должно. Зато которые если у кого-то и могут быть, то у него. И которых у него никогда не было.

Но в их связи, такой странной и так до конца ему все еще не понятной, противоречащей всему, что он до этого знал о всех видах связей, наверное, возможно все, что угодно. Поэтому ее слова он тут же принимает на веру. Ну а еще потому, что не представляет, зачем она может ему врать.

И, самое главное, он слышит в них то, что становится последним паззлом в головоломке, сводящей его с ума.

— Серебра? Ты уверена? — переспрашивает Сэм, уже зная и что это за серебро, и откуда оно. И еле сдерживая желание немедленно разыскать Элирэ. Потому что сделать такое могла только она!

А уж умереть после этого — было бы наиглупейшим поступком. А глупой она никогда не была.

Да и сколько раз он уже подходил к догадке о том, что нефилим выжила? Только раньше он считал, что это все — какая-то ошибка, нелепица. Но нет! Не было ошибки. Рыжая бестия все просчитала, нашла сообщников, наверняка — полиморфов, поэтому студенты умирали в таких муках, а не просто сгорали от сияния стихий, и теперь где-то прячется.

Только чего же она прячется так долго-то? Шутка ли: семьдесят лет. Давно могла за это время поменять если не внешность, то хотя бы ауру и клан. С ее-то новыми силами это наверняка сделать проще простого.

Зачем ей только столько магии?

— Да, — кивает Таня, подтверждая его догадку окончательно. И картина событий не только тех лет, но и вот этого года, приобретает для Сэма еще более четкие черты.

И объяснение его связи с Татьяной наконец-то находится. Оказывается, все было так просто... Все эти странности между ними были только по одной причине — их в этой связи было не двое, а трое. И третьим «углом» оказалась не погибшая и не до конца связанная с ним пара.

Пугающе странным было только то, что эта связь все-таки исчезла. И что сейчас Сэма с Таней не связывало больше ничего, кроме ее договора с ректором на обучение в академии.

Значит, нефилим нашла способ подобраться к нему поближе и завершить начатое. Причем сделала это так, что он ничего не понял!

Так что же это получается? Теперь он снова связан с Элирэ? Ну и где же она? Его истинная? И как бы ему теперь разорвать это все уже окончательно?

Это и многое другое еще было тайной. Но теперь-то он знал, что и где ему надо было искать.

А еще знал, как наконец-то открыть кабинет ректора и получить уже физические доказательства своей правоты. Потому что они там просто обязаны были быть!

О! А если еще и браслет на руке у Тани окажется тем, который он ей дарил, то Сэм был

готов окончательно поверить во вселенское магическое равновесие. Ну или просто в удачу и схождение звезд. Не зря же сегодня — парад лун и открытие межмировых порталов.

— Ты говорила, что магия ветал на тебя не действует. Не проверяла себя на родство с нефилимами? — беря Татьяну за руку и уводя из библиотеки, он без предупреждения переводит разговор на тему, которая ей, наверняка, кажется странной.

И да, девушка в ответ смотрит удивленно моргая. Ну, еще бы! Она же не знает, что Элирэ для пары он выбрал не просто так. И что не будь в Татьяне нефилимской крови, не стала бы она между ними третьей.

— Нет, — отрицательно машет девчонка, оглядываясь по сторонам на снующих по библиотеке разбуженных фей.

— Обязательно проверим позже, — кивает Сэм, но пока что это действительно подождет. — Лучше расскажи мне все, что сможешь, об этих снах и, главное, о том, после чего и когда они начали тебе сниться. Их ведь, я так понимаю, сперва не было.

— Не было, — снова подтверждает она его догадки. — Сможешь избавить меня от них? — спрашивает с надеждой.

— Смогу, — не врет он. — И собираюсь это сделать немедленно. Но понадобится твоя помощь. Готова?

— Да. Но... А я успею в оранжерею?

— Оранжерею?

— Да. На работу. К...

Она спотыкается об чье-то имя, и эта заминка говорит Сэму о многом. Он уверен — с какой бы работе сейчас не шла речь, тот, чье имя прозвучит, связан с Элирэ. Потому что что может быть проще, чем замкнуть цепочку до конца через самый простой рабочий контракт?

— Так к кому? — спрашивает он, готовясь запоминать имя незнакомца, которое сейчас прозвучит, чтобы потом натравить по его следу всех ищек примы ректора.

— К Фирэллен, — пожимает плечами Таня, снова переворачивая его мир вверх ногами и выдавая тем самым еще один кусочек паззла.

Сэм сбивается с шага. Замирает...

Глава 20

Татьяна

Смех Сэма звучит совсем не весело. Услышав этот смех, не отшатываюсь от мужчины только потому, что снова чувствую — какие бы не были скрыты за ним эмоции, они тоже направлены не на меня. А вот тот, на кого они направлены, лучше бы его по остерегся. Этому существу этот смех обещает что-то крайне нехорошее.

Впрочем, успокаивается Сэм быстро. И сразу становится похож на того, кто только что совершил важное открытие, но почему не спешит им делиться. И оно, это самое открытие, его и поражает, и радует одновременно.

Смотрит на меня как-то по-особенному. Так, что мне одновременно хочется и опустить взгляд, и улыбнуться мужчине.

А после — он и вовсе быстро и весело подмигивает. Ободряюще и по-мальчишески беззаботно.

Эм... Что? Мне не показалось?

Возможно, и показалось. Потому что Сэм тут же становится собранным и серьезным, больше всего напоминая самого себя на празднике Светения алых гулантов.

Как же мне не хватало все это время именно такого Сэма...

— А как давно ты на нее работаешь? — спрашивает он, пока снова быстро уводит меня куда-то из библиотеки. Не знаю, куда мы идем, но он очень спешит. Ну а так как он только что пообещал немедленно избавить меня от кошмаров, я не отстаю от него ни на шаг.

Потревоженные нами феи, что-то мелодично бурчат вслед на своем. И хоть это и звучит, как перезвон десятка маленьких колокольчиков, вряд ли это цензурные слова. Но, кажется, никого кроме фей это не волнует.

Еще пара шагов — и библиотечные арки оказываются у нас за спиной.

Что-то светлое и пушистое мелькает где-то в углу, но тут же исчезает между стеллажами, и я не уверена, что мне не показалось.

Отвечаю Сэму. Тот хмыкает.

— Она ведь сама нашла тебя? — новый вопрос-догадка, пока мы сворачиваем в коридор, который я раньше никогда не видела вживую.

На карте в справочнике академии именно с этого коридора начинается подъем в ректорскую башню. Но раньше мне там делать было нечего, поэтому здесь я оказалась впервые. К тому же, я помнила, что там какое-то особенное магическое поле и все запечатано. По крайней мере, знакомые мне студенты обходили это место стороной. Так что я растеряна и пока совсем не понимаю, зачем мы туда идем. Но, с другой стороны, если уж бывший владелец этой академии уверен, что мы можем туда пойти, почему бы не пойти?

— Да, она нашла меня сама, — признаюсь Сэму, рассматривая новую локацию, и не замечая в ней пока никаких серьезных отличий от того, что не видела бы в коридорах «Истона» раньше. Если тут и есть какая-то остаточная аура, то или ее так просто не почувствовать, или она ждет впереди. — Но я перед этим долго искала работу.

И не то, что я сейчас хочу говорить о том, как же я на самом деле провела лето. Но впервые за столько времени мне не хочется делать из этого тайну.

— Уверен, что так и было. И что тебе везде отказывали по тысячам причин, — новый короткий смешок выдает гораздо больше о мыслях Сэма на этот счет, чем он произносит вслух. — А еще, я уверен, она сделала так, чтобы ты не смогла ей отказать.

— Отказать? Почему я должна была ей отказать?

Нет, я помню, что в самом начале я воспринимала ее только как врага. Но за столько времени я уже давно видела в ней только хозяйку кафе и оранжереи. Поэтому все эти слова Сэма вызывали у меня только недоумение. Тем более, разве Фирэллен была не его хорошая знакомая?

— Не знаю, почему именно, — кидает он на меня еще один из тех взглядов, от которых мои щеки опять алеют, а губы хотят растянуться в легкой улыбке, — но, уверен, причины были. Интересно, как она их обошла? — шепчет, задумчиво. Но тут же возвращает разговор в прежнее русло: — А кем ты, кстати, работаешь на нее? — продолжая полу-загадочный допрос, Сэм уводит меня на винтовую лестницу, лишенную окон.

— Помощник садовника, — отвечаю, теперь рассматривая большие массивные портреты, заключенные в пышные золоченные рамки.

На них, судя по всему, изображены бывшие ректоры. Мужчины, преимущественно альвы. Но есть и нескольких нефилимов.

Каждый тип на портрете — в своей истинной боевой форме. На фоне некоторых из них боевая форма Сэма выглядит довольно скромной. Но, в целом, вижу, что выбирают на эту должность не по количеству рогов, размаху крыльев или цвету энергии. Наверняка, и тут сплошная политика, а не просто право сильного.

И хоть эти портреты — привычные и статичные, написанные маслом, ощущение, что изображенные на них следят за нами, пробирает до костей. От чего жмусь к Сэму ближе: его их «взгляды», кажется, ничуть не волнуют. Но мое смущение он замечает и окружает нас защитным полем, похожим на то, каким наездники окружали себя при сражении с вивернами. Эффект чужого пристального внимания тут же пропадает.

— Местная магия, — объясняет Сэм в ответ на мой не озвученный вопрос. — Модификация чар для отпугивания воров. Единственная их цель — запугать каждого, кто идет по этой лестнице. Студентам об этом не рассказывают, так что мало кто знает, что нужно просто окружить себя защитой — и все пройдет. Смотри, как ее создавать, — тут же переходит он от теории к практике, медленно показывая нужные пассы и скрещивания пальцев. — Запомнила? Повторить сможешь?

Эта комбинация не выглядит сложной. Просто загонщики делают ее очень быстро, поэтому со стороны сразу и не разберешь. Но с такой скоростью, с какой ее показал Сэм, я легко улавливаю все нюансы и без проблем повторяю сразу.

— Очень хорошо, — кивает он. — А теперь — просто наполни ее потоком магии. С первого раза поток может быть недостаточно сильным, но со второго-третьего получится, как надо.

— А без этого я ходить по этой лестнице не смогу? — выполняю данные им рекомендации и вижу, как с третьего раза поле вокруг нас вместо радужного пузыря становится слегка изумрудным, от чего мир за его пределами приобретает соответствующий оттенок.

— Думаю, нет, не сможешь. Чем выше подниматься, тем эти чары сильнее, — Сэм изумленно приподнимает бровь, трогая края моей защитной сферы кончиками пальцев: ее цвет явно интригует его. — Значит, помощник садовника... То есть, она знает, что ты готовишься в друиды, да? — он снова возвращается разговором к моей работе.

— А разве ты ей этого не говорил? — удивленно переспрашиваю я, на что получаю в ответ очень пристальный взгляд.

— Никогда. Мы с ней не виделись после встречи на балу ни разу, — признается он и от этих слов и тона, которым они сказаны, у меня в животе почему-то начинают порхать бабочки. — А вы с ней говорили обо мне?

— Никогда, — машу головой, закусывая губу, от чего она тут же достаивается жаркого взгляда.

Дышать становится трудно, и я первая продолжаю подъем по лестнице, удерживая пальцами левой руки замок защитного пузыря вокруг себя.

— Так, садовник или его помощник должен хорошо разбираться в особенностях видов растений. Знать их все. Как ты справляешься с этим? — слышу в спину.

— Ну, я работаю вместе с Айраной?

— Айраной? Это еще кто такая? — спрашивает Сэм дальше, не отставая ни на шаг.

Рассказываю это и многое другое. Например то, что Айрана из клана Тайрэнна и что она в совершенстве говорит на моем языке. Или что она подруга Отти. В общем, так или иначе говорю все, что интересует Сэма о моей работе в оранжерее и жизни в академии.

Даже проговариваюсь про браслет, который ко мне вернулся, и совсем чуть-чуть о фамильяре, не называя имя клана. Сэм, конечно же, замечает, как старательно я обхожу эту тему стороной, но ни на чем не настаивает. Только утвердительно хмыкает, будто мои умалчивания для него — подтверждение его догадок. И я, с одной стороны, очень хочу

узнать, что же это за догадки. А, с другой, тогда же я должна буду рассказать о себе вообще все. А я этого все еще не хочу.

Более того, теперь я избегаю напрямую смотреть на него. Потому что после его признания о том, что с Фирэллен она больше никогда не встречался, что-то неуловимо изменилось в воздухе. И это изменение — оно вроде правильное и естественное. Будто так и должно быть. Но при этом я же знаю, что этого всего быть не может!

Действие отката давно закончилось. Мы друг другу никто. И вообще, флирт со своим учителем... Это как-то глупо и не серьезно, да?

Да и не флиртовал он со мной! Я просто приняла его одобрение за симпатию, и все!

По крайней мере, так я себя убеждаю, пока мы дальше поднимаемся по винтовой лестнице, которая кажется бесконечной.

Окон нигде нет, а источником света служат только магические чаши. А лица на портретах хоть и все разные, но их что-то так много... Неужели академии столько лет? Ведь альвы и нефилимы живут очень долго.

Но, тем не менее, лестница все не кончается, хотя время на браслете показывает, что мы здесь совсем недолго — считанные минуты. Догадываюсь, что это — тоже часть магии этого места. Еще какая-нибудь защита. И в подтверждении этой догадки чувство бесконечного подъема исчезает сразу же, как только оказываемся на большой площадке.

Здесь есть и огромное окно, почти от пола до потолка, занимающее одну стену. И массивная темная резная дверь, широченными двойными створками занимающая другую. Вид с окна, открывающийся на горы и город за ним, просто потрясает. Это не просто птичий полет. Это высота, на которой летают драконы! Даже пегасы обычно не забираются так высоко.

И я на несколько секунды забываю, как дышать, пока смотрю сквозь чистейшие прозрачные стекла на пейзаж, с черным от надвигающейся грозы небом на горизонте.

Но Сэма это все не интересует. В отличие от меня он ни на секунду не забывает, зачем мы сюда пришли.

Сэмаэль арэ Нерт

Солнце, проникающее в башню через окно, золотило не только волосы Татьяны, но и защитное поле вокруг нее, наполняя его изумрудную кромку сиянием так, что издалека это даже можно было принять за проявленную ауру. И у Сэма от этого вида дух захватывало...

Еще не инициированная, но уже почти друид.

Как же он был так слеп и так глуп?

На самом же деле он давно заметил, что у девчонки очень сильная стабильная магия, потрясающая скорость освоения силы, интуитивное чутье на применение потоков. словно было что-то, что уравнивало ее ауру, лишая необходимости в любой другой «подпорке».

И это было настолько сильным, что девчонку даже можно было не учить чарам и заклинаниям. А вот, как сегодня, обойтись демонстрацией якорного знака и попросить тот наполнить силой. И все! Ей этого было достаточно!

Когда еще он бы увидел, чтобы сложный защитный барьер был изучен за несколько минут? Магия и только. А точнее, связь в действии. Истинная и естественная. Именно поэтому-то эту связь и не способны окончательно перебить никакие «третьи углы». Даже если этому углу удалось сделать так, чтобы Сэм больше не чувствовал Татьяну, как и она его.

Да, надо было отдать должное упорству Элирэ, она очень пыталась влезть между ними

и завершить когда-то так и не завершённый союз с ним. Может не всегда сама, а действуя через Фирэллен, но пыталась.

Только вот как нефилим собирается проводить конечный ритуал? Там подставными лицами не обойдешься. Неужели, раскроется? Придет к нему, разыгрывая пострадавшую и истосковавшуюся?

Сэма затошнило от отвращения, стоило это только представить.

И зачем только Фирэллен и Элирэ столько лет разыгрывали спектакль под названием «Я ненавижу эту особу даже заочно! Не смей даже пытаться познакомить нас!»? А, оказалось, что не только знакомы, но еще и действуют сообща.

Интересно, ради чего? И кто из них двоих, Фирэллен или Элирэ, был во главе чудовищного плана по получению силы такого объема, который они выкачали из бедных студентов? Или усиливалась только одна, а вторая — просто помогала?

Хотя еще был шанс, что альву и нефилим использовал кто-то третий. Это бы объяснило, почему Элирэ скрывается, действуя в мире через Фирэллен. И почему во всех статьях, что перечитал Сэм, не было ничего толком о смерти нефилим.

Кстати, это же значило, что если у них еще был сообщник, то он мог быть только из Нертов. И кто-то из тех, кто занимал в клане не последние места.

Ну вот, еще одно отвратительное открытие, которое он только что сделал. Осталось только выяснить, кто бы это мог быть. Хотя сколько там вариантов? Ну не отец же, в самом деле?

И что было бы с Элирэ и ее планами, если бы Сэм и дальше жил на Земле? Она бы нашла способ разорвать их искусственно созданную истинную связь? Или нашла бы способ вернуть Сэма обратно в Акрл? А, может, жажда мести за ее «смерть», которая наполняла его все то время, это и было посланием от нее?

Потому что зачем-то же ей понадобилось сейчас делать все, чтобы довести связь между ними до конца. И даже к Татьяне для этого подобралась.

Но что будет, если она поймет, что ее план так и не реализовался в полном объеме? Что будет, если, если она выяснит, что все ее ухищрения в пустую? И что, несмотря на то что сейчас Сэм не чувствует Татьяну, а девчонка равнодушна к нему, стабильный связующий канал все еще между ними и никакой Элирэ на стать полноценным третьим углом.

Сэм похолодел, поняв, в какой опасности находится Татьяна. И, особенно, рядом с Фирэллен.

Ее надо было забирать из этой оранжереи. Но как? Особенно если между ней и Фирэллен был бессрочный контракт.

Можно было бы попытаться разорвать его, спешно инициировав девчонку в друида. Но в одиночку Сэм не сможет это сделать. Нужен кто-то более сведущий в этом виде магии. И кто-то, кто тоже в состоянии удерживать магические потоки, если вдруг что-то при инициации Татьяны пойдет не так.

Этого мага Сэму надо было найти в первую очередь! Сразу же, как только откроют кабинет и он докажет, прежде всего, Татьяне, что он — никакое не чудовище.

А пока он будет искать этого мага, не мешало бы научить девчонку еще нескольким полезным приемам, как создание защиты. Например, объяснить, как ей пользоваться телепортационным полем. Тем более, она уже сама несколько раз успешно его применяла. И он это видел! Но и тогда, как полный дурак, ничего и из-за этого упустил столько времени и шансов!

Ну что ж. Ругать себя за то, какой он глупец, слепец и упрямец можно было долго. Да, он многое пропустил. Но чтобы не совершить этих ошибок, ему нужно было сразу предположить, что Элирэ жива. А как он мог хотя бы подумать о таком? Да кто вообще мог бы это предположить?

Но, на счастье, теперь он это знал. И теперь сделает все, что потребуется не только для того, чтобы доказать свою невиновность, но и для того, чтобы Татьяна, это настоящее чудо, которое ему подарил чужой для него мир, не исчезло и не растворилось как сон. Причем сделает это, даже если ее неожиданно объявившиеся родственники будут против.

А его чутье вопило — эти «темные лошадки» заявят о себе снова. Потому что, без сомнения, это был кто-то из кураторов Земли. Только они видели его подарок на руке у Татьяны. И только они могли сперва забрать зачарованный браслет, а после — объявить во всем измерении чрезвычайный режим, чтобы Сэм не смог выйти за пределы мира.

Такие типы и тут не оставят девчонку. Рано или поздно они найдут еще один способ вернуть ее в клан, раз с фамильяром у них ничего не вышло. А раз так, то Сэму придется обезопасить свое сокровище и от них тоже.

И на этот счет у него уже была идея!

Заодно и кошмары ее себе заберет. Пусть уж лучше «снятся» ему. Возможно, в них он увидит то, что поможет ему разобраться с Элирэ окончательно.

Окрыленный этим планом, альв шагнул за пределы лестницы, переступая границу действия чар замедления времени и приближаясь вплотную к окружающей девчонку изумрудно-золотистой защите. Татьяна тут же повернулась к нему, и не подозревая о той буре, что только что отбушевала в его груди. Это он сейчас пропустил через себя прошлую жизнь и увидел будущую. Для девчонки же прошло всего мгновение.

Она чуть улыбнулась. То ли ему, то ли виду за окном, который, как помнил Сэм, всегда вызывал чувство восторга.

Сэм же улыбнулся ей, указав на браслет на ее руке:

— Позволишь? — спросил он.

— Да, конечно, — девчонка смущено закусил губу, снимая украшение и протягивая его ему. А Сэм понял, что больше всего на свете сейчас хочет немедленно отучить ее от привычки кусать губы одним очень простым и древним способом. И никакой связи ему не нужно, чтобы желать этого. Потому что и без всяких чар стоящая перед ним девушка была прекрасна.

И как он раньше не замечал этого? Потому что смотрел все это время куда угодно, только не на нее.

Но он вернет себе Татьяну. По-другому и быть не может. И больше не позволит себе терять рядом с ней ни минуты.

— Тогда пойдем. Я покажу, что нужно делать. Не переживай, ты справишься.

Глава 21

Татьяна

Да я и не собиралась переживать! Вот ровно до того момента, пока Сэм, напоминая улыбкой Чеширского кота, не сказал об этом.

Ощущение, что он снова что-то задумал и снова не посчитал нужным сказать мне об этом, взвыло в груди сиреной.

Нет! Все! Хватит! Наступать на одни и те же грабли в десятый раз? Ну уж нет! Теперь пока не получу от него точных инструкций и объяснений, ничего делать не стану!

— Подожду, пока покажешь, а потом решу, надо переживать или нет, — сказала, провожая глазами его высокую фигуру, подходящую к двери. Между прочим, сказала очень строгим голосом. Но улыбка альва, тут же бросившего на меня еще один лукавый взгляд, стала будто даже шире.

Да! Он точно что-то задумал!

Интересно, это хоть безопасно?

А это был не праздный вопрос. Потому что при его приближении вокруг кабинета что-то заискрилось в воздухе, будто тонкие белесые молнии побежали по дверям. Это было очень похоже на то, как я первый раз входила в свою комнату: тогда тоже сработал охранный контур, судя по всему, нацеленный на меня. И сразу после моего захода в комнату он замкнулся.

Поэтому теперь никто не мог попасть в мою спальню без моего ведома. Надо было получить от меня искреннее приглашение.

Ну, правда, это правило не действовало на родственников по крови или магии. Но таких у меня в этом мире не было.

А на кого был нацелен этот контур? И можно ли было его отключить или обойти, чтобы не пострадать?

Оказалось, защита кабинета реагировала так на браслет, который в ответ заискрился в руках Сэма всеми цветами радуги. Да так ярко, что я невольно прикрыла глаза. И это несмотря на то, что вокруг меня и дальше как-то само собой удерживалось изумрудное охранный поле. Более того, теперь я ощущала это поле так, словно воздух рядом стал чуточку гуще. Или будто от меня и до краев поля шло много-много-много невидимых линий или какого-то клея.

Наверное, когда гусеница оплетает себя коконом, она чувствует что-то подобное.

Я не была гусеницей, но сейчас в этом изумрудном коконе мне было как-то спокойнее, чем без него. Тем более, снимать его Сэм не просил. Поэтому я еще больше добавила в поле магии, уплотняя его до состояния легкого тумана, и осталась стоять на месте.

— Нет, тебе точно не надо, — повторил Сэм, — хотя теперь я понял, почему у нас с Анной ничего не получалось, — сказал он нечто загадочное.

Анна — это же имя примы ректора, да? И что у них не получалось? Войти сюда?

— А еще я теперь уверен, что точно знаю, как это все-таки открыть, — добавил Сэм, протягивая руку с зажатым в пальцах браслетом вперед. Мини-молнии, бегающие вокруг двери, сразу устремились к браслету так, словно тот был намагничен. После чего одна из них вспыхнула особенно сильно, долетая до бриллиантов и превращаясь в особенно яркую искру.

И Сэм или ждал ее, или просто был готов к такому, но сразу после этого сверкания он окружил себя тьмой, принимая истинный облик.

— А для меня защиту поддержишь? — он повернулся в пол оборота, теперь уже глядя на меня абсолютно черными глазами, лишенными зрачков. Я невольно затаила дыхание, как и тогда, на балу, остро ощутив, что он — все-таки не человек. Почему-то чаще всего я воспринимала Сэма просто как некоего Сэма. Тот же, кто теперь стоял передо мной в облаке черной тьмы, сверкающей золотистыми искрами, и увенчанный короной из «рогов», был Сэмаэлем.

— А я не знаю как, — призналась нервно.

— А я сейчас тебя этому научу, — добавил он. — Но тебе для этого все-таки придется подойти, — его голос звучал теперь с такими мягкими обертонами, что я была уже уверена

не на сто, а на тысячу процентов, что то, что он задумал — опасно.

В подтверждении этой догадки новая молния вспыхнула рядом с браслетом, вынуждая альва убрать артефакт подальше от защитного поля. И тут-то я и поняла, что же на самом деле имел ввиду Сэм, когда говорил о том, что за себя я переживать не должна.

А за него должна?

Он же пытается войти туда, куда никто не мог попасть уже семьдесят лет. Причем до этого уже, судя по оговоркам, пытался. И не один! А с прямой ректором. И куда, чтобы войти сейчас, ему нужно принять истинный облик, одновременно удерживая перед собой чистый от магии браслет, созданный из вещества, не принадлежащего этому миру.

Уж если я что и поняла за это лето, так это то, что альвы так просто рогами не сверкают! Его облик сейчас — это, как если бы дракон обернулся монстром, размером с этот же замок. И все это — только ради того, чтобы войти в запертую дверь.

Значит, все очень опасно.

А еще я прекрасно понимаю, что Сэм это знает и не отступится от этой идеи.

Ведь за этой дверью то, что крайне важно. И не только для него. Хотя, без сомнения, для него в первую очередь.

А еще это важно не только для меня. Потому что только так я наконец-то освобожусь от кошмаров.

Самое главное, скрываемое в кабинете ректора важно для тех, кто умер в тот день, когда этот кабинет так надежно закрылся.

И хоть я могла сейчас обидеться на Сэма за то, что он, скорее всего, придумал этот план с браслетом сразу же, как только увидел его у меня на руке. И что только ради этого вел меня сюда, снова бессовестно претворяясь живым человеком, а не равнодушным истуканом.

Могла. Но был ли в этой обиде в эту минуту хоть какой-то смысл?

Между нами больше нет даже остаточной магии. А чем дальше я буду от этого альва в будущем, тем меньше у него будет шанса снова что-то придумать и как-то попытаться влиять на меня.

И как я раньше не понимала, что два-три шага — это просто идеальное расстояние между нами? Впредь буду придерживаться его сама.

— Клянешься, что я не пострадаю? — спрашиваю, подсчитывая риски и вспоминая все, что знаю из теории о разных связях, ритуалах и осадочной магии. Знаю все еще слишком мало и больше всего со слов Айраны. Но и этого достаточно, чтобы понять, что, если удар защиты, окружающей кабинет, придется на Сэмаэля, именно моя магия станет для него подушкой безопасности.

А что станет подушкой безопасности для меня?

— Клянусь, — без намека на шутку произносит он. И окружающая его тьма колышется и на миг взмывает вверх в такт этим словам, чтобы осесть назад еще более плотным облаком.

Я не ожидала такого эффекта и не знала, что это было. Но, кажется, сама магия подтверждала его клятву. По крайней мере у меня не было других идей, как еще объяснить то, что сразу после этого «танца» тьмы на кончиках черных рогов Сэмаэля проступила позолота, наполнившая все вокруг соответствующим сиянием. А ни одно изменение в ауре мага не дается просто так!

Сэм это тоже замечает. И встречает это изменение в истинном облике едва заметным движением бровей. Если он чему и удивлен, то не сильно. А, значит, к последствиям своих

обещаний он готов, да?

— А ты? Ты пострадаешь? — и сердце в груди замирает, в ожидании ответа альва.

Тот же, как специально, мешкает с ним.

— Зависит от тебя, — говорит через миг и так, что я понимаю, что мне только что вручили в руки чужую жизнь и разрешили распорядиться ей, как угодно. Ужасающее доверие. — Но ты справишься, — добавляет он, правильно расшифровав мою молчаливую реакцию. — Я уверен, что справишься. Если, конечно, специально не захочешь оставить меня здесь насовсем.

— И откуда же такая уверенность? Еще утром я не смогла бы создать даже это, — киваю на туман вокруг себя.

— Оттуда же, откуда и уверенность в том, что на наше первое занятие ты телепортировалась сама, да еще и прихватила с собой тех двоих, — на этом месте Сэм морщится, словно от зубной боли, явно снова недовольный факту моего знакомства с Рыжиком и Тайрэнном. — Помнишь? Наше первое занятие?

— Конечно, — хотя воспоминания о том дне и, точнее, о том самом занятии, вряд ли можно было назвать приятными. Но они точно было не забывающимся.

И да, я ведь тогда точно перенесла нас троих сама. Боялась опоздать.

— Природа нашей связи, — продолжает Сэмаэль, осторожно подбирая слова и покручивая в длинных пальцах браслет, чуть поглаживая его. — она особенная... Канал между нами... Он... Он очень прочный и сильный.

— Это потому, что ты единственный маг, с которым у меня сейчас ученический контракт, а я — твой единственный подчиненный? — предполагаю я, стараюсь прогнать на самые дальние задворки мысль о том, что чего-то смущающийся альв в истинном облике выглядит очень милым. И привлекательным.

Впрочем, все они привлекательные. И за столько времени на Акрле я уже давно должна была к этому привыкнуть. Но все-таки внешность именно этого типа кажется мне особенно приятной. Так что я снова напоминаю себе, что расстояние в пару шагов между нами — идеальное. И мне следует его обязательно придерживаться.

А лучше — в пару километров!

— Можно и так сказать, — усмехается виновник моих внутренних терзаний. — Но я в любом случае могу быть уверенным, что никто из нас сейчас ничем не рискует. А если и рискует, то точно не ты.

Угу. А я, значит, получается, могу сейчас решать, оставить мне этого альва в живых или нет.

Ну вот и как это понимать?

То он манипулирует мной, то играет в недотрогу, то в соблазнителя... А теперь — на тебе, дорогая, жизнь мою. Подержи.

— А возможность ошибки?

— Исключена.

— Клянешься?

— Напекаешь на то, что один раз я уже смертельно ошибся? — горько усмехается он, на что я ежусь от ледяных мурашек, толпой пробежавших по моей спине от этого.

— Нет. Я просто не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал. Может, стоит позвать приму ректора?

— Я бы и сам ее позвал, но она нам не поможет. Поверь, радость моя, если кто и

сможет открыть эту дверь, то только мы вдвоем. Сильнее той магии, что связывает нас, этому миру противопоставить нечего.

Радость моя???

Сильнее той магии, что связывает нас, этому миру противопоставить нечего.

Но раньше, чем я успеваю на это хоть отреагировать хоть как-то вразумительно, а не просто хлопать ресницами, пораженно, магия вокруг него снова приходит в движение. Заодно окончательно перекрашивая «корону» альва в чистое золото.

И это явление силы действует на меня очень убедительно.

— Хорошо, — наконец-то сдаюсь я, решая, что с «радостью» и прочими странностями в поведении Сэма-Сэмаэля я разберусь позже. Но обязательно разберусь! — Так что именно я должна делать?

Глава 22

Оказалось, с одной стороны — ничего невыполнимого и тяжелого. Причем то, что от меня требовалось, можно было сделать сырой силой без лишних телодвижений и каких-то магических формулировок. Технически все выглядело настолько просто, что, казалось, с этим смог бы справиться даже ребенок.

С другой — сама постановка задачи была смущающей. Потому что то, что от меня требовалось, было не только очень ответственным, но еще и каким-то интимным.

По крайней мере, раньше что-то подобное я делала только с растениями. Не знала, что такое можно сделать с аурами более разумных живых существ. И уж тем более с аурой магов!

Но, между тем:

— Тебе нужно взять часть моей ауры под свою защиту, — четко выдавая инструкции, говорил Сэмаэль так, будто ничего особенного не происходило или будто то, что я сейчас буду делать — это всего лишь растить из сухой веточки новый саженец. — Не обязательно для этого накрывать меня дополнительным куполом. Конечно, можно было бы. Но тогда пришлось бы расширить твое защитное поле, а это его ослабит. Границы, в которых оно само по себе естественно оформилось, а это обычно расстояние вытянутой руки, самые надежные.

Ну да, тут он был безусловно прав. И как раз если бы я развела руки в стороны, кончиками пальцев я бы дотронулась до золотисто-изумрудной «пленки» этого пузыря, внутри которого клубился легкий изумрудный туман.

— И чтобы этих границ не нарушать, мне нужно, чтобы ты подошла ко мне ближе. А еще лучше — максимально близко. И для надежности взяла меня за руку.

— И все?

— Да.

— То есть, со стороны все будет выглядеть так, будто мы просто стоим рядом?

«Ага, будто парочка,» — съехидничал внутренний голос, смущая этим сравнением.

— Да, выглядеть это будет именно так, — хмыкнул Сэмаэль, будто отвечал не мне, а моему внутреннему голосу. От чего мои щеки запыхали еще больше.

— И никаких танцев с бубнами? — уточнила я. — Никаких песнопений? Никаких фейерверков и взрывов сверхновой?

— Никаких, — явно сдерживая смех, кивнул альв, а черный туман магии под его ногами задрожал в такт этому.

Ну да, ну да. Очень весело! Только на кону-то ведь его же собственная жизнь!

И, кажется, эта мысль тоже как-то отразилась на моем лице. Потому что Сэмаэль тут же снизошел до пояснений:

— Все просто и сложно одновременно, — признался он. — Нельзя смешать ауры, если хотя бы один из равных партнеров не желает этого. Это добровольный акт. А если нет, то тогда для смешивания сил ауру второго участника нужно «подавить». Даже некоторые растения не «пустят» тебя в свое поле, если их перед этим дополнительно не настроить.

И вот от этих пояснений мне стало совсем неловко.

Во-первых, меня только что на полном серьезе обозначили, как «равного партнера». Не ученицу, не подчиненную главе, а равную. И от только от этой фразы меня бросило в нешуточный жар.

Во-вторых, именно мне, я так поняла, в этом действии выделялась роль более сильного «равного партнера». А, в-третьих, слова про желание, подавление и добровольный акт вызывали у меня какие угодно ассоциации, но только не магические.

Сэмаэль же, тем временем, прибегнул к еще одному сравнению, видя мою нерешительность. Правда, вряд ли он понимал, чем именно она вызвана.

— Ты рассказала про знакомство с наездниками. Именно так они и делают, когда покоряют зверей. Особенно те, что обкатывают виверн. Они ослабевают их, изводят, чтобы потом сперва заполучить контроль над их аурами, а после — над сознанием и волей.

Я кивнула. Да, это было очень похоже на это. Хотя спецэффекты и «танцы», правда не с бубнами, а с хлыстом, там все-таки были.

— Но ты не магический зверь, — заметила я.

— Точно, — чему-то улыбнулся Сэмаэль и тьма в его глазах хлынула наружу, притягательно сверкнув золотыми искрами, — поэтому я сейчас совершенно добровольно отдам тебе свою ауру на контроль. Ты ее удержишь. И этим не дашь чарам, закрывшим эту дверь, выпить меня досуха. А так как громоотводом для магии послужит браслет, который, скорее всего, от этого будет уничтожен полностью, ни ты, ни я, не пострадаем. Так что?

Поняв, что я и так бессовестно оттягиваю это все, и, вспомнив, что, вообще-то это утро, магически растянутое чарами замедления времени, вот-вот закончится — и мне надо будет бежать в оранжерею, я решительно сделала оставшийся шаг, взяв альва под правую руку.

Ну и как после этого вообще держаться от него за километры?

Окружающий меня «пузырь» тут же окружил Сэма и часть черного тумана. Более того, последний тут же перемешался с частью моей магии, но не создавая этим «грязного» цвета, а так, будто это был какой-то причудливый многоцветный коктейль из черного и изумрудного, да еще щедро «приправленного» золотыми искрами. Неожиданно и красиво.

— Хорошо, — сосредоточенность снова вернулась на лицо и в поведение альва. — А теперь просто не отпускай меня, и, если хочешь, закрой глаза. Все-таки фейерверки сейчас будут, — сказал он, возвращая браслет на левую руку, не защищенную моей силой и поднося ту к двери, по которой уже снова побежали белесые электрические разряды.

Помня, как они ослепили меня до этого, я тут же прикрыла веки.

Но последующая за этим вспышка была настолько ослепительно яркой, что и это не помогло. И я отвернулась, уткнувшись лицом в плечо мага.

Плечо было каменным от сковавшего его напряжения. Мягкая ткань темного сюртука, похожего на десятки других, которые обычно носил Сэм, плотно обтягивала его и ощущалась кожей моих щек, как хорошая добротная тонкая шерсть. И это чувство было настолько реалистичным и обыденным, что еще сильнее подчеркивало волшебность всего остального, происходящего вокруг.

И вихри ветра, вдруг закружившего рядом и растрепавшего волосы, и еще более яркий

белый-белый свет, лезший в глаза сквозь крепко зажмуренные веки, и запах грозы, наполнивший нос, который теперь нещадно чесался, призывая чихнуть... Все это было сверхъестественным. Всего было чересчур.

А вот прикосновение тонкой шерсти к щеке — это был якорь реальности. За него и «держалась», ожидая, когда же все закончится.

А плечо Сэма, между тем, все-таки задрожало...

Мелко и очень сдерживаемо. И уж точно не от страха его владельца.

А от того, что все точно было не так просто, как он только что описал это для меня!

И какой мощи электрическо-магическое напряжение сейчас бежало по его телу и ауре, мне оставалось только гадать. Но хриплое дыхание, вырывавшееся со свистом из его груди, подсказывало, что, если я отпущу этого альва и убегу свою защиту, больше мы с ним никогда не увидимся.

Ну нет! Так просто он от меня не отделается!

И я вцепилась в него еще сильнее.

Если ему не нравится — потерпит!

Впрочем, Сэм не жаловался.

А потом ураган вокруг стал еще крепче, а белесый свет — еще ярче. И еще ярче. И еще ярче...

В какой момент наступила полнейшая тишина и темнота, я не заметила. Но сперва мне даже показалось, что я просто окончательно ослепла и оглохла. А, заодно, зависла в невесомости, потому что веса тела я больше не ощущала.

Только уже в следующее мгновение тьма сменилась ослепительным золотом. Таким, будто солнечные лучи разрезали тучи и залили своим светом все пространство вокруг.

Звуки и запахи, обыденные и реальные, вернулись следом за ней, как и ощущение пола под ногами.

— Таня, — тихий мягкий шепот Сэма ожог ушко. — Все хорошо.

— Уверен? — в тон спросила я, открывая глаза и снизу вверх глядя на альва, от которого теперь снова исходил тот самый золотой свет. И тьмы в его ауре больше не было вообще никакой. Передо мной был Сэм в том самом истинном облике, который я впервые увидела на фотографии в смартфоне Тайрэнна.

— Совершенно, — Сэмаэль кивнул в сторону двери, которая и внешне стала будто светлее, и больше никакой магии вокруг нее не было. — Правда, мне пришлось пожертвовать не только браслетом, но и, как видишь, частью потока, — он пожал плечами, без сомнения намекая на свой измененный вид. — Но это... Хм... В нашем случае это поправимо, — снова как-то странно выразился он, не уточняя детали. Возможно, потому что я бы их все равно не поняла.

Так как я совсем не понимала, что значит — пожертвовать частью потока. Он что, отдал часть своей магии на это? Отменить инициацию нельзя, это я знала точно. Но можно же запереть какие-то каналы. Так, вроде, с ним поступили, когда согнали на Землю, да? А теперь он провернул это все с собой? Добровольно? Сам?

Интересно, он сразу знал, что ему придется это сделать или просто так получилось? А меня не предупредил, чтобы не отказалась?

Ну и вот что я должна была сделать в этот раз? Как отреагировать на его очередное умалчивание?

«А кто мы друг другу, чтобы он передо мной вообще отчитывался?» — некстати влез

внутренний голос. И я не нашла, что ему возразить.

Впрочем, в одном Сэм мне точно не соврал — я вообще никак не пострадала. Ну, если только не считать за потерю немного растрепавшуюся косу. Зато теперь:

— Значит, можно войти? — я еще раз покосилась на дверь, пряча свои глаза от «золотого» взгляда Сэмаэля, который, казалось, прилепился к моему лицу.

Ну вот и что он там не видел?

— Да, но сперва... Надо же еще забрать у тебя кошмары, — напомнил альв. — А для этого как раз было нужно вот такое слияние магий. Так что не будем откладывать в долгий ящик, так, кажется, говорят на Земле, да?

— Д-да, — киваю я, пытаюсь уловить мысль, к которой он ведет. И думая, не придется ли мне сейчас снова оказаться в центре какого-нибудь неучтенного урагана.

Но раньше, чем я успеваю хоть что-то об этом спросить, Сэмаэль легко и нежно приподнимает мой подбородок пальцами, чтобы в следующий миг поцеловать меня.

Что я там думала про ураган?

Ну вот им меня снова и накрыло. Сперва от неожиданности и бесцеремонности.

А потом...

Нет, я могла бы, наверное, оттолкнуть, возмутиться, опять же — как тогда в саду звонко украсить щеку Сэма отпечатком своей ладони.

Но, во-первых, его мягкие губы были совсем-совсем не наглыми. В отличие от их обладателя. А осторожными, деликатными... Будто спрашивающими разрешение на такое вот вторжение в мое личное пространство. И эта ласка уничтожила мой гнев на корню сразу же, оставив вместо себя только сладкую негу.

А, во-вторых, этот поцелуй был как контрастный душ. Когда после крутого кипятка и жесткой ледяной воды на тебя льется восхитительно теплый и успокаивающий поток. И ты стоишь, окруженный им, и не можешь даже пошевелиться от блаженства, пробирающегося в каждую клеточку тела. Точнее, не хочешь. Чтобы не пропустить ни одну капельку удовольствия.

Вот так и я.

Замерла, пойманной бабочкой. Затрепетала...

А потом почувствовала, как сильные руки обвили мой стан, жарко прижимая к крепкому мужскому торсу, пока мои же собственные руки в ответ обвили шею Сэма и зарылись в длинные мягкие шелковые волосы их обладателя.

И когда только успел их отрастить? Вроде же были короче...

И рога, кстати, совсем не мешали. То ли на физическом уровне они не ощущались из-за своей магической природы, то ли Сэм просто уже сменил облик... Не знаю. Я не видела и не вникала. Только чувствовала.

Потому что открывать глаза мне совсем не хотелось. А хотелось пить-пить-пить и пить этот бесконечный поцелуй, не думая ни о чем. Ни о том, где он происходит, ни с кем, ни почему. А броситься с головой, как в омут, в происходящее и раствориться в поселившихся в груди чувствах ликования и восторга.

Сэм меня целовал. Я целовала его. Разве что-то в эту минуту было важнее нас?

Но совсем скоро мне стало мало его губ. Ему, судя по тому, насколько жадными те стали, тоже. И сперва место нежности заняла страсть, дополнившая эту ласку легкими покусываниями и требовательным языком. А после — жар мужского дыхания опалил мою

шею. И следом за ним по моей тонкой коже прошлась дорожка голодных поцелуев, пока алчные руки уже не просто обнимали меня, а вплавляли в его тело, намекая на еще более близкое и головокружительное продолжение нашего знакомства.

И я, тая, как сахар, забывала, кажется, даже дышать. Глотала воздух короткими порциями, кусалась в ответ, искала его губы своими...

И единственное, что меня больше всего заботило в этот миг — это почему между нами так отвратительно много ткани?..

Вибрация браслета-будильника и чей-то удивленный кашель раздались как-то одновременно.

Мы с Сэмом замерли тоже одновременно.

Будильник завибрировал снова, напоминая, что утро наконец-то наступило окончательно и меня ждут совсем в другом месте.

Я распахнула глаза и наткнулась своим взглядом на взгляд Сэма. Тот в ответ поразил ярчайшим золотым светом и дикими звериными зрачками, напомнившими драконьи.

А ведь я раньше их уже у него видела! В ночь нашего знакомства и еще потом, кажется, на празднике... Но он же альв! Откуда такой взгляд?

Кашель рядом повторился снова, напоминая, что у нашего поцелуя был свидетель. И притвориться, что тут сейчас ничего не было, уже не получится.

Отшатнувшись от мужчины и, кажется, сгорая от стыда так, что вокруг меня должен был плавиться воздух, я увидела этого самого свидетеля. Прима ректор! Ну конечно же... С другой стороны, а кого еще тут можно было сейчас ожидать увидеть?

А она, как всегда строгая, собранная и сдержанная, прочистила горло в третий раз, в упор глядя совсем не на меня, а на Сэма. Тот же, кстати, стоял уже полностью в человеческом виде. Хотя золотые искры магии все еще оседали вокруг нас на пол.

— Знаете, прим, — обращаясь к нему, Анна старалась выглядеть невозмутимой, но, судя по игре бровей, ей это давалось с трудом. Я только не могла понять, чего же она хотела — нахмуриться или рассмеяться. — Я, конечно, рада, что ваша личная жизнь играет такими яркими красками, — кивнула она на меня. — Но вот уже несколько минут, как свет из вашего бывшего кабинета сияет через окна, сообщая всему Акрлу, что туда снова можно войти. Не расскажите, как именно вы это сделали и какое отношение к этому имеет ваша... хм... студентка?

Студентка...

И тут я поняла, что больше не смогу оставаться здесь ни секунды. Да и не должна. Потому что будильник как раз завибрировал в третий раз.

— Извините, — прошептала я неизвестно кому, потому что никто из присутствующих в моих извинениях не нуждался, — мне пора.

И с этими словами бросилась бежать вниз по лестнице, ничуть не заботясь о защитном поле и игнорируя раздавшееся в след хриплое Сэмово «Таня?».

Не знаю, зачем он хотел меня остановить. Может, что-то сказать, может, что-то объяснить, может — сделать так, что я опять потерю над собой любой контроль... Не знаю. И знать не хотела.

Я хотела только как можно скорее оказаться где-то в другом месте, подальше от его близости, собственных желаний и чужих слов, напоминающих о моем положении в этом мире. Ну и не опоздать на работу в оранжерею.

Действие чар замедления времени на обратном пути я не заметила. Может, они

действовали только при подъеме, а, может, еще что. Но поэтому из башни выбралась за считанные минуты. Еще несколько таких же минут понадобилось, чтобы пробежаться по пустому холлу утренней академии, а после — по парку до ворот, как всегда провожаемой в спину взглядами охраняющих их сфинксов и гаргулий. Хотя что-то белое и пушистое, снова мелькнувшее где-то на периферии, на секунду привлекло мое внимание. Но когда я обернулась, чтобы рассмотреть это, ничего необычного не заметила.

Карета с пегасами, как обычно, поджидала около самых ворот. Привычно и быстро забравшись в нее, я откинулась на обитое плотной парчой сиденье, чувствуя, как повозка плавно пружинит вверх. И только когда «Истон» стал стремительно уменьшаться в окне, сияя на весь небосвод золотым светом из центральной и самой высокой башни, как маяк, только тогда я наконец-то позволила себе вдохнуть полной грудью и мысленно задать самый важный вопрос.

Что это только что, небо, было?

Глава 23

Ответа на этот вопрос не нахожу. Ну, кроме, разве что, магия.

Ага. Какое универсальное объяснение!

Но, тем не менее, в этом мире оно звучит логично и во многих ситуациях даже исчерпывающе. А в случае меня с Сэмом оно вообще с самого начала было единственно верным.

Почему мы встретились? Из-за магии. Почему он с Тайрэнном и Русланом устроили то нападение в роще? Тоже из-за нее. Как я оказалась в Акрле? И снова она. Кошмары мне снились? И тут магия виновата...

Кстати, Сэм ведь поцеловал меня как раз для того, чтобы этих кошмаров у меня больше не было. Интересно, получилось ли? Я, правда, сейчас совсем не улавливала связь между этими вещами. Но если это сработало и те сны мне больше сниться не будут, то, значит, она точно есть.

И, пожалуй, этого было достаточно. Выяснить подробности, тем более, у Сэма, я точно не стану. Потому что рядом с ним у меня постоянно были какие-то странные реакции. И если те, что были раньше, можно было списать на последствия отката. То, на что можно было списать эти, я вообще представить не могла. Ну и вот кто знает, на что еще меня толкнет эта самая магия в следующий раз?

Хотя на что именно она может меня толкнуть, указывало мое сбитое дыхание, зашкаливающий пульс и желание снова ощутить мягкость его губ, нежность рук и крепкость тела. А еще мои слегка искусанные губы, которые я нещадно терла пальцами, желая стереть с них сладкий вкус поцелуя, пока летела в карете.

Вкус не стирался. Поселившиеся в животе бабочки, кажется, прописались там навсегда.

Но, несмотря на это, все-таки к тому времени, как повозка приземлилась перед кафе, как обычно, за полчаса до его открытия для посетителей, я чувствовала себя более-менее сносно. Состояние все еще было не очень рабочим. Но зато побросать все немедленно и отдать извозчику приказ о возвращении в «Истон», чтобы там найти его бывшего-действующего ректора и завершить начатое в коридоре, больше не хотелось.

Так что, одернув юбку, на которой, спасибо магии, не было ни одной лишней складочки, и поправив прическу, я выпорхнула из кареты, на удивление, вовремя. Ну а дальше — все должно было тоже как обычно.

Войти в зал, поздороваться с официантами, занятыми его подготовкой к первым гостям.

Кивнуть внимательно охране. Присесть в легком полупоклоне перед Фирэллен, если она вдруг окажется где-то здесь. Иногда рано утром альва появлялась в кафе. Хотя обычно, как мне рассказывала Айрана, ее здесь можно было встретить вечером.

Ну а после — уже давно и хорошо известным маршрутом пройти через все здание в магически расширенную оранжерею. И там приступить к своим простым обязанностям: настроиться аурой на ауры растений, убедиться, что у них нет никакой порчи, «послушать» на предмет потребностей... Кому нужна вода, подлить воды. Кому какая-то подкормка, тем дать ее.

А дальше уже, следуя инструкциям Айраны, окунуться с головой в другие садовые хлопоты, заодно дальше обучаясь управлять растениями. Где надо — ускорить цветение и созревание плодов. А где не надо — замедлить рост, чтобы редкий куст подольше не вял.

В общем, все ожидалось как обычно. И было таким, пока я не вошла в оранжерею.

Потому что даже настраиваться на ауры не пришлось, чтобы заметить, как здесь за одну ночь все поменялось. Будто кто-то сперва заморозил тут все, а после — залил водой. Только ни мороза, ни воды не было. А были только полуживые цветы, пугающие чернотой на листьях и раздутыми стеблями.

Эта картина разом выбила из моей головы всю оставшуюся там после Сэма мечтательность.

— Ого, — прошептала я, осторожно подходя к первому же кусту и с ужасом понимая, что тот хоть еще и жив, но у него такая степень обморожения, что если корни спасти удастся, то хорошо.

— А это еще что?! — просипела вошедшая за мной следом Айрана и добавила к этой фразе еще несколько куда более крепких словечек на местном. Настолько крепких, что я раньше их от нее не слышала ни разу.

Я пожалала плечами, мысленно прикидывая объем работы. Даже если мы сейчас возьмемся спасать эти цветы, и каждая будем тратить на растение не больше пары минут, мы все равно не спасем и одну треть оранжереи. Просто не успеем. Остальные погибнут в любом случае.

А, самое главное, вчера же все было хорошо. Значит, чтобы тут не произошло, оно случилось быстро и внезапно. И, что самое плохое, не было никаких гарантий, что не случится снова.

— Нет, это ни каким гулантом не вылечить! — Айрана тряхнула головой и ее светлые кудрявые волосы заискрились серебром словно шерсть ирбиса, потому что от эмоций на физический план стал прорываться ее истинный облик. И теперь вокруг полуветалы-полунефилима сиял ореол чистой энергии, готовый вот-вот принять форму полупрозрачных «крыльев».

Такой я видела ее впервые. Как, впрочем, и настолько злой.

— Так же нельзя! — добавила она, шипя, как рассерженная кошка. — Это все, — она развела руками в стороны, хотя ее слова не нуждались в уточнении, — этот весь кошмар... Это, без сомнения, откат от какого-то не самого хорошего ритуала! Я бы сказала даже — совсем не хорошего. И я сейчас найду этот драконий ритуальный зал! И ни один дракон меня не остановит. А хозяйка... Фирэллен, чтоб ее рога исчезли, может что угодно говорить о том, что его тут будто бы нет! Хочется ей его скрывать? Пусть скрывает! Но, раз она проводит в нем запрещенные ритуалы, пусть переносит в другое место! Или увольняет меня ко всем драконам! Ты как? Со мной? Поможешь мне его найти?

Поняв, что из этой ситуаций просто не может быть хорошего выхода, и что, если Айране сейчас не помочь, она легко натворит еще каких-нибудь бед, согласно киваю.

Оранжерею мы уже не спасем. Но, может, хоть новых жертв не будет.

— Но как ты собираешься искать то, чего здесь якобы нет? Тем более, мы здесь работаем уже не первый день и, наверное, давно заметили бы что-то такое? — спрашиваю ее, сама переключаясь с режима «караул!» в режим «нам срочно нужен план действий» и, заодно, переключая ее. Можно сколько угодно тратить время на эмоции, но пока не начнешь делать, ничего не решится.

Подействовало. Сияние вокруг Айраны стало меньше, дышать она стала ровнее.

Да и меня больше уже не так сильно заботило насыщенное на событие утро. Поцелуи и ректоры могут подождать, а вот поиск существующе-несуществующего зала — это было сейчас и полезно, и интересно.

— Нет, не заметили бы, — махнула Айрана. — Потому что не искали в тенях.

— О чем ты?

— А ты не видела, какого цвета аура у примы Фирэллен?

— Серебряная...

— Но разве такая же, как у меня или как у перевертышей? — Айрана уперла руки в боки, оглядываясь по сторонам как-то особенно пристально. Причем теперь ее точно интересовали самые темные углы в оранжерее.

— Я... Я не знаю. Для меня — никакой разницы. Хотя твоя, конечно, светлее.

— Светлее и зеленее. Но ты не с Акрла и для тебя такие вещи не очевидны. Но, поверь, разница есть. Ее аура — это, конечно, серебристое сияние. Но это не сияние, вызванное изломом реальности, какой создается вокруг перевертышей. И не сияние чистой стихии.

— Ну, может молнии просто такие. Ночная магия, звездный или лунный свет, и все такое...

— Все такое, — хмыкнула Айрана. — Ладно, пошли. Тебе, конечно, простительно не понимать такие вещи. Но, кажется, придется поверить мне на слово. У нее — не просто серебро. А темное серебро. Такое, какое лучше всего сочетается с тьмой... Как бы, основной тон — серебряный, а полутон — черный. Ну вот ты никогда не видела ее рядом с кем-нибудь, у кого была бы тeneвая аура? — спросила девушка, уводя нас куда-то в глубь оранжерее мимо растений, которые от обморожения даже поменяли цвет. Некоторые стали черными, другие фиолетовыми. А какие-то и вовсе — прозрачным киселем, от которого несло пока еще тонким, но уже приторно-сладко-горьким запахом разложения.

Эти цветы мы бы не спасли, даже если бы очень сильно старались.

Но сейчас я куда больше интересовалась не ими. А воспоминаниями, которые всколыхнул во мне вопрос Айраны.

Танец Фирэллен и Сэмаэля! Эта картина теперь не просто ярко встала передо мной, подняв со дна души какие-то очень неприятные чувства с привкусом пепла. Но и заиграла совсем другими красками. Потому что аура Сэма в тот раз без сомнений была тeneвой. А золотые отсветы в ней — это была его основная стихия. Та, которую он до этого использовал куда чаще, чем магию теней. И та, которая сегодня снова вернулась на свое законное место.

— И что я должна была бы увидеть, если бы увидела ауру Фирэллен рядом с чьей-нибудь тeneвой? — спросила, стараясь не выдать волнения и не сбиться с шага. А Айрана, между тем, его ускорила, без сомнения, что-то обнаружив.

— Их идеальное сочетание, — объяснила она. — Такое, будто одно дополняет другое и

ГОТОВО ВОТ-ВОТ СЛИТЬСЯ С НИМ.

Ну да, что-то такое же я и видела. И оно мне, что тогда очень не понравилось. Что сейчас. Особенно от того, что к этому действительно подходили слова про «идеальное сочетание» и «слиться».

Но:

— А разве другое серебро смотрелось бы иначе?

— Конечно! Аура перевертышей отдает светло-голубым, как и положено чистому серебру. Моя, как я уже сказала, светло-зеленым, потому что я, в первую очередь, друид. А на полиморфа только учусь. И если бы сейчас рядом был кто-то, укутанный в тени, мы бы легко увидели все эти оттенки. А вот ее... Ее аура серебристо-черная. И она может быть такой только потому, что Фирэллен часто использует тени.

— Но что, если ты ошибаешься? Это же просто — цвет, — спросила, отмечая, что в этой части оранжереи растения не просто обморожены. Они уже полностью сгнили, превратившись в нечто коричнево-бурое и смердящее кислым, от чего меня подташнивало так, что я зажала рот и нос рукой, только чтобы двигаться дальше.

Что ж, если откатная остаточная магия откуда-то и начала свое действие, то эти цветы попали под ее воздействие в первую же очередь.

— Может и ошибаюсь, — пожалала плечами Айрана, тоже зажимая нос. — Но спрятать что-то так, чтобы это нельзя было сразу найти, можно только в тених. И чем больше прима Фирэллен говорила то, что ничего такого здесь нет, тем больше я была уверена, что есть. Ну и последний довод в эту пользу — если я ошибаюсь, то что тогда это такое? — не скрывая триумфа в голосе она подвела нас к странной тени на стене.

Раньше эта часть стены была закрыта тенями от трехметровых «папоротников», еще вчера растущих тут в изобилии и радующих глаз иссиня-зеленой и золотисто-красной листвой. Сейчас же на месте этих цветов лежало нечто похожее на склизкую жижу, место которой в унитазах. И пахло оно соответствующе.

Но зато теперь ничего не закрывало стену, на которой в полный рост красовалась тень, по силуэту напоминавшая обычную дверь. Только никакой двери тут и в помине не было.

— И что же это? — спросила я, зажимая руками рот и удерживая содержимое желудка только волевым усилием.

— По всем признакам — вход в тот самый ритуальный зал, которого нет, — усмехнулась Айрана. — И я туда собираюсь сейчас войти.

— И не боишься, что Фирэллен этому не обрадуется?

— У меня в контракте сказано, что я должна заботиться об этой оранжерее всеми законными способами и в случае возникновения вот такой вот ситуаций — прикладывать все усилия, чтобы устранить их последствия. Так что — нет, не боюсь. А если ее что-то не устраивает, пусть увольняет меня!

И Айрана уже специально окружила себя аурой, принимая боевую нефилимскую форму. После чего, расправив за спиной прозрачные энергетические и действительно светло-зеленые крылья, направила поток магии прямо в центр странной тени.

И странная тень поглотила его.

По крайней мере, выглядело это так, будто магия ухнула в черную дыру прямоугольной формы. И исчезла в ней. Раз — и не стало.

Видя такое, я подумала, что после этого Айрана повторит этот маневр. Но, выпустив в черноту мощный пучок энергии, нефилим закрылась крыльями, как щитом, шикнув мне по

ходу:

— На всякий случай отойди в сторону или мне за спину!

Я спорить на стала. Тут же сделала несколько шагов назад.

И вовремя. Уже через мгновение тень-дыра на стене стала пузыриться так, будто под плотную пленку добавили воздуха. После чего один-два-три-четыре мелких пузыря очень быстро сменились парочкой покрупнее, затем к ним добавились еще мелкие и еще крупные, еще и еще... И вот уже чернота на стене стала больше похожа на неприятно вздутый нарыв, нежели на ровный прямоугольник.

Когда «нарыв» раздуло до размера слона, тот лопнул, как ни странно, в полнейшей тишине, не издав ни звука, но распространив по оранжерее свежий и плотных запах чистого озона, прогнавшего вонь погибших цветов. Ну и при этом «нарыв» все-таки забросал все вокруг мелкими черными ошметками теней. Только те тут же выцвели на свету, окончательно перестав существовать.

Только пока эта чужеродная магия таяла, мы с Айраной уже с интересом смотрели на простую деревянную дверь, появившуюся в стене. Точно такую же, как десятки других в этом кафе-оранжерее.

Внешне дверь не вызывала никаких подозрений. Кроме одного «но» — именно ее от нас почему-то старательно скрывали все это время.

Но как бы мне не было интересно, почему, я все-таки не хотела просто взять и распахнуть ее, как это собиралась сделать Айрана, схватившая дверь за ручку.

— А вдруг там опасно? — спросила я, удерживая нефилим-полукровку за руку. — Или еще какая-то защита есть? Все-таки ритуальный зал... А раз обратная сила какого-то ритуала вот такое сделала с растениями, то, что она может сделать с нами?

— Нет, ты не права, — Айрана мотнула головой, все-таки складывая крылья и возвращаясь в человеческий облик. — Там безопасно. В ритуальном зале не может быть никаких посторонних чар. Даже эта дверь, наверняка, ведет не сразу в него, а на какую-нибудь лестницу. Сам же зал должен быть чист, чтобы ничто не помешало ритуалам и все сигилы работали правильно.

— А откаты?

— А что откаты? — девушка пожала плечами. — Они опасны только тем, кто их создает. Ну и растениям, как естественным накопителям магии. Так что можем идти. Ну, или, если хочешь, ты можешь остаться тут...

— Да нет уж, пойду с тобой, — в другой ситуации я, может быть и осталась бы. Но что сейчас мне было делать здесь одной? Дышать снова появившимся ароматом гнили? Еще пока легким, но уже было ясно, что скоро озон, высвободившийся из-за чар Айраны закончится, и в оранжерее снова станет не продохнуть.

— Тогда пошли, — кивнула Айрана, тряхнув светлыми волосами и проворачивая ручку до конца.

Глава 24

Сказать, что мне любопытно, что же скрывается за этой дверью, ничего не сказать. Тем более, за одну запертую и таинственную дверь я сегодня уже пыталась попасть. И даже сумела ее открыть. Но, увы. Любопытство так и осталось неудовлетворено.

Впрочем, не только любопытство.

Причины этого я всеми силами старалась не вспоминать. Потому что тогда мне сразу становилось и жарко, и душно. Ну а еще потому, что тогда за одним воспоминанием

тянулось другое, а там третье...

И все они в итоге упирались в два любопытных вопроса.

Как я буду смотреть в глаза приме ректору Анне, когда снова однажды встречу ее в академии?

И как пройдет наша следующая встреча с Сэмом, которая, как обычно, должна состояться уже этим вечером? И о которой я старалась не думать прям «вообще-вообще». Чувствуя себя страусом, который прячет голову в песок.

Потому что за этими вопросами следовал целый рой новых.

Что сделает и скажет Сэм на этой встрече? Что сделаю и скажу я? Притворимся, что ничего не было или, наоборот, будем обсуждать этот поцелуй? А если будем, то, что он мне скажет? Как свяжет свои действия с моими кошмарами? И действительно ли я их больше не увижу?

Но куда глубже были вопросы, только тени которых накрывали меня волной ужаса и предвкушения, скручивая мои внутренности в узел.

А что, если Сэм предложит мне нечто большее? А что именно? Отношения любовников без обязательств или, страшно подумать, просто отношения? А чего я хочу сама? А мое решение держаться от него подальше? А может... А стоит... А что, если...

В общем, стоило мне только начать вспоминать другую запертую дверь, как это тянуло со дна души такой хоровод и сумбур чувств и мыслей, что я сделала единственно возможное в этой ситуации решение: я запретила себе даже думать о той двери. И отложила весь этот сумбур до того самого момента, когда мне действительно придется столкнуться с Сэмом лицом к лицу. Вот тогда и узнаю, что он мне скажет, и что на это отвечу я!

Пока же я перешагнула порог следом за Айраной и из светлого зала оранжереи сразу же попала в полутемное помещение, утопающее в темно-красном сумраке и густом сладковатом тумане. Закрыв дверь, чтобы запах гнили не прошел следом, а свет из оранжереи не выдал нас, проморгалась. Понадобилось несколько секунд, чтобы привыкнуть к царящему здесь рассеянному освещению и начать различать хоть что-то. А, заодно, чтобы услышать тонкую мелодичную приглушенную музыку, звучащую, казалось, всюду.

Мда... Айрана, конечно, была права. И сразу в ритуальный зал мы не попали. А попали в коридор, ведущий на лестницу. Только та уходила не вверх, как этого можно было бы ожидать, помня, каким кафе Фирэллен было снаружи, а вниз.

Выглядел этот коридор очень пафосно и дорого. И совсем не так, как мог выглядеть коридор летнего кафе или оранжереи. А так, каким мог быть коридор элитного ночного клуба, выполненного в каком-то кроваво-вампирическом восточно-римском стиле. Не иначе.

Ведя рукой по шершавой стене, обтянутой парчовыми обоями насыщенного винного цвета, с выбитыми на них черно-золотыми растительными узорами, я прошептала тоже удивленной замершей от увиденного подруге:

— Слушай, а что, если тут есть сигнализация? А мы так смело сюда вошли...

— Сигна... Что? — Айрана удивленно оглянулась.

— Ну, звонок такой. Вроде будильника. Или магия, что сообщит Фирэллен о нас.

— А, я поняла. У нас это называется по-другому. Но, если тут и есть общающиеся чары, — прошептала Айрана, во все глаза осматривая коридор и осторожно выглядывая за угол стены, скрывающей от нас часть лестницы, — то мы уже все равно здесь. И, между прочим, мы тут по причине моих прямых обязанностей, — напомнила она.

— Ну а в моих сказано, что я должна помогать тебе, — вспомнила я текст договора. —

Значит, если Фирэллен что-то не понравится, она сама виновата.

Мой голос звучал уверенно. Но сама я такой уверенности не испытывала.

— Угу, — кивнула подруга, еще раз выглядывая за стену. — И теперь нам, кажется, вниз...

Я осторожно повторила ее маневр и увидела уходящую куда-то во тьму нижнего яруса лестницу. Понять куда именно она ведет, было нельзя. И все из-за странного освещения, тумана и отсутствия любых ламп или фонарей в округе.

Но так как других путей тут просто не было...

— Кажется, да, — ответила я на риторический вопрос. — Надеюсь, все же, что драконы нас внизу не ждут.

— Драконы, — нервно хихикнула Айрана. — Если я правильно понимаю, что это за место, драконы — будут нашей меньшей проблемой, — сказала она, странно поигрывая бровями.

И мне это все совсем не понравилось.

— То есть, что за место? Мы ищем ритуальный зал. Ведь так?

— Именно. Но ты видишь, где мы его ищем? — она снова хихикнула, осторожно спускаясь по лестнице рядом со мной. — Я всегда догадывалась, что у Фирэллен не просто так магически расширенная оранжерея. Такие пространственные карманы должны уравниваться другими. Но само кафе при этом целиком в границах одной реальности. Оно обычное. Поэтому у нее должно было быть что-то еще. Но мне и в голову не приходило, что у нашей хозяйки тут — это!

— И что же это — это? — спросила я, оказавшись внизу лестницы перед новым коридором, но уже зная ответ на свой вопрос. Потому что ошибиться в том, что я видела перед собой, было нельзя.

— Ну... Я бы назвала это «заведением для взрослых», — прошептала Айрана рядом, рассматривая вместе со мной открывшийся вид.

Никогда раньше не бывала в таких местах. Но очень широкий коридор с подсвеченными чем-то вроде серебристого «неона» дверьми-витринами по одной стороне, в которых в откровенных нарядах плавно извивались в танце девушки разных рас, сразу наталкивал именно на такие мысли.

По другую сторону от этих дверей в самом коридоре располагалось что-то вроде комнаты отдыха, в которой посетителям предлагалось, сидя на мягких бархатных креслах, посмотреть на танцующих под чашечку или бокальчик чего-то горячительного.

Сейчас посетителей не было. По крайней мере, в клубах красновато-сизого тумана и мягких теней я не видела никого. Но вот девушки танцевали. Только я так и не поняла, для кого именно. Но на нас они не смотрели. То ли мы им были просто не интересны, то ли они не видели нас, замерших на самом входе, то ли это были вовсе не живые девушки, а что-то вроде записи. Никогда раньше тут не встречала ничего с намеком на видео, но, думаю, все путешествующие по мирам актрисы прекрасно знали о его существовании и вполне могли повторить такое магически.

— И, знаешь, — шепотом добавила Айрана хмуро, — лучше бы нам тут не задерживаться.

— Согласна, — в тон ей ответила я, чувствуя себя, мягко сказать, не в своей тарелке. — Но... Но я и не думала, что здесь, в этом мире, может быть что-то подобное, — призналась, оторопевше.

— Почему? — удивилась подруга, оглядываясь по сторонам и решая, куда дальше идти. Но и так было понятно, что нам или возвращаться в ту дверь, откуда пришли, или идти мимо этих «витрин».

— Ну как-то это все... Магия, пегасы, единороги, — на всякий случай отойдя в самую темную часть коридоро-зала, мы все-таки пошли вперед, аккуратно обходя пустые или кажущиеся пустыми кресла и стараясь не топтать и не цокать.

Но так как никаких чашек в воздухе в пустоте не зависало, никаких сторонних шумов, кроме все той же музыки, не звучало, а танцующим до нас все также не было никакого дела, мы вскоре немного расслабились и пошли быстрее и свободнее. Да и за стук каблучков уже не переживали. Судя по всему, на мраморном черно-красном полу были какие-то чары, которые поглощали любые подобные звуки.

— И что, что пегасы и единороги? — не понимала меня Айрана.

— Не укладывается у меня это все на одну чашу весов с... Вот этим вот, — я окинула взглядом «дивное» место и еще больше ускорила шаг. Хотелось уже куда-то прийти, только чтобы выбраться отсюда. Ощущение было премерзкое.

— Ну, ты же в курсе, что у нас совершают преступления? И есть тюрьмы, и смертная казнь? — все также шепотом спросила Айрана тоном, которым можно было бы общаться с умалишенным или ребенком.

— Конечно.

— Так почему думаешь, что ничего такого быть не может?

— Да понятно оно все, — тяжело вздохнула я. — Но все равно как-то... Странно. Непривычно. И неправильно.

— Да нет, все привычно. Только незаконно — и всего-то, — Айрана пожалала плечами. — Но, между прочим, это гораздо меньшее преступление, чем наличие того ритуального зала, который мы сейчас ищем, и...

— Подожди, — резко остановилась я, озаренная очень простой и правильной мыслью, которая почему-то не посетила меня раньше, пока Айрана вскрывала тене-дверь. Или позже, когда мы уже шагали сюда. А ведь должна была! Но, не иначе как сострадание к погибшим растениям, жажда справедливости, ощущение тайны, а также захламляющие разум переживания о Сэме, выключили в моем мозгу ту его часть, что отвечала за рассудительность. Наверное, именно поэтому-то я и упустила из вида главную проблему. — А что мы будем делать, когда мы его найдем? — нервно спросила я, схватив Айрану за локоть, пока та недоуменно хлопала ресницами. — Ну убедимся мы, что зал существует, и что дальше? Сдадим приму властям? Так они наверняка в курсе. Она же точно не последнее лицо в клане. Или что мы сделаем? И, самое главное, что с нами сделает она, когда узнает, что мы сюда спустились?

А что-то мне подсказывало, что по голове она нас за это не погладит...

— Хороший вопрос, — раздалось вдруг где-то рядом мужским ехидным голосом. А потом другой добавил: — Вот сами хозяйку об этом и спросите.

Глава 25

Чувствуя себя героиней кинокомедии или ужастика, поворачиваюсь к говорящим под дружный марш ледяных мурашек по телу. Вижу двоих крепких длинноволосых парней, одетых, совсем ожидаемо, во все черное и немного «викторианское». По широким клыкастым улыбкам секьюрити сразу опознаю — ветапы. По черноте в глазах понимаю — не перевертыши, а стихийники и прятались в тенях.

Не иначе, следили за нами все это время, развлекаясь за наш счет, гады.

Правда, в этом кроваво-черно-золотом антураже, пропитанном роскошью, пороком и туманом, этих двоих куда лучше было бы назвать вампирами. По крайней мере, ассоциация с этими фольклорными персонажами у меня возникает тут же. И ничего хорошего мне эта ассоциация не обещает.

Как, собственно, и улыбки этих самых персонажей.

В фильмах, следуя законам жанра, герой в такие минуты чаще всего дает деру. Ну или сперва швыряет в обидчиков чем-то потяжелее. А уже потом бодро, с криком, топотом и спецэффектами сбегает. Если фильм — комедия, то ему это прекрасно удастся. А если ужасы — то тут уже смотря по тому, насколько сильно этот герой важен по сюжету.

Но то в фильмах.

В реальности же в стрессовой ситуации никогда не знаешь, что именно тебе захочется сделать: бить, бежать или притвориться мертвым. Моя психика при виде ветало-вампиров выбрала самый плохой вариант. Я впала в ступор.

Айрана рядом, кажется, тоже.

Типы же, плотоядно смотрящие на нас, оценили наше поведение совсем не как страх.

— Хотя, подожди, зачем это сдавать их хозяйке, — вдруг сказал один из них, натурально облизнувшись, от чего меня сразу затошнило. — Тем более сразу. Это же человечки.

— Да ладно, они местные, — отмахнулся другой. — Наверняка на них с десятков побрякушек, которые блокируют все, что нужно и все, что нельзя.

— Мы, мы не местные, — первой находится Айрана, говоря эти странные слова почему-то силным шепотом. А я удивленно хлопаю глазами, продолжая «зависать».

Как так? Я-то действительно с Земли, но она? К тому же, она хоть и выглядит, как человек. Но только из-за того, что в ней намешана кровь разных рас и одна перекрывает другую.

Так что слова и поведения Айраны мне совсем не понятны. Но ровно до тех пор, пока та за одну секунду не становится восхищенной дурочкой, делающей полшага вперед к этим «вампирам», и не замирает снова, едва-едва протянув к ним руку — так, будто она очень-очень хочет дотронуться хотя бы до одного из них, но то ли не может выбрать — до которого, то ли почему-то ей нужно на это их разрешение...

— Мы с Земли, — еще ниже произносит она, облизывая губы точно также, как это делал один из секьюрити, пока тот, еще похабнее ухмыляясь, следит за ее действиями.

И вот тут я понимаю, что же она задумала!

Обмануть их! Притвориться легкой добычей, почти игрушкой... Чтобы в нужный момент спастись!

И мне, если я не хочу нас выдать, нужно немедленно подыграть ей.

Но как? И что именно? А не перегну ли я палку, если сейчас также, как Айрана, включу режим «безумная фанатка встретила своих кумиров»?

Да и не вытошнит ли меня при этом на чей-нибудь сюртук содержимым желудка?

Но пока я снова откровенно туплю, опасаясь сделать хуже и выдать веталам игру Айраны, эти двое, на мое счастье, не спешат связывать нас в бараний рог. То ли им тут настолько скучно, что и такое развлечение в радость, то ли потому, что они уверены, что схватить нас могут в любой момент. И в чем я, собственно, ничуть не сомневаюсь. Но, так или иначе, вместо этого веталы продолжают неспешный допрос-беседу. А ведут себя при

этом так, будто коты, загнавшие в угол мышей.

Хотя, почему это «будто»?

— Ну и когда же это вы сюда прибыли, если с Земли? — спрашивает тот из двоих, что выглядит менее озабоченным, обходя нас по кругу.

— Утренним порталом, — шепчет Айрана, улыбаясь его напарнику еще зазывнее. Никогда не думала, что она настолько хорошая актриса. Но даже я сейчас готова поверить в то, что она вот-вот начнет раздеваться или творить нечто столь же откровенное.

— А ты? — спрашивает меня второй.

— А что я? — понимаю, что изображать влюбленную пришелицу мне уже как-то не с руки. Остаюсь самой собой — нелепой девицей.

— На тебя наше влияние не настолько сильно, — задумчиво разъясняет мне этот тип, оказавшись у меня за спиной, от чего вздрагиваю, затылком и позвоночником чувствуя его присутствие. — Пытаюсь понять — почему? — добавляет «вампир», продолжая путь и снова оказываясь передо мной.

— А я прибыла раньше, — не вижу смысла врать, чувствуя, как в голове формируется идея. Кажется, я поняла, как мне одурачить этих двоих и сбежать с Айраной. — В начале лета. И вот — демонстрирую им руку, на которой висят деревянные браслеты-артефакты. Я знаю, что среди них нет того, что бы помог мне противостоять влиянию ветал. Но, надеюсь, что эти двое не настолько хорошо отличаются одну деревяшку от другой, чтобы сразу понять это.

— Снимай их, — отдает приказ озабоченный, перекидывая плотоядный взгляд с Айраны на меня.

— Ты уверен? — спрашивает его напарник. — Она тогда нас понимать не сможет. Там же и переводчик.

— Да и плевать, — озабоченный шагает ко мне, не вежливо отодвинув Айрану в сторону. А та же при этом даже не выходит из роли. Так и лыбится, глядя на него с восторгом. Того и гляди — пузыри пускать начнет.

Мне противно, этим двоим — весело. Сволочи.

Как Айрана это все выдерживает — не понимаю. Но морально готовлюсь к тому, что и от меня сейчас понадобится сыграть что-то вот точно такое же, хотя бы совсем недолго.

— Жестами объясним, — гогочет он, — как нас радовать надо.

Угу, непременно. И я обязательно коленкой поддам туда, куда тебе этой радости хочется, веселый ты наш...

— Ну! Снимай браслеты, — озабоченный оказывается совсем рядом со мной, настолько, что до меня сразу доносится запах какого-то алкоголя. Фу. Тип рядом становится противнее еще в разы. — Снимай сама, — наклоняется ниже, опаяя дыханием щеку. — А не то я их с тебя сниму.

И он точно совсем не шутит.

Тошнить меня начинает сильнее. Желание оттолкнуть «вампира» просто невыносимо.

Сдерживая эти порывы и вспоминая все, что я знала и умела из навыков работы промоутером, когда дружелюбная улыбка была обязательна в любом настроении, медленно делаю то, что он приказал.

И хоть в последнюю секунду хочу уже передумать и все-таки попытаться сбежать от них уже вот-вот, без дополнительных ухищрений, боковым зрением замечаю, как из ножек одного из стоящих рядом столов, медленно растут длинные тонкие зеленые лозы. И, судя по

длине этих лоз, растут они так с самого начала спектакля Айраны.

То-то Айрана все это время смотрела в одну точку! Улыбалась-то она при этом, может, и озабоченному. Но магию свою направляла совсем не на него.

Так что и я сдираю с руки последний из артефактов. А, заметив, что лозы как раз потянулись вверх, норовя оплести ноги охранникам, швыряю браслеты им в лица.

Те, ожидаемо, ловят украшения, но в этот же миг Айрана делает резкое движение рукой, и, подчиняясь ему, отросшие лозы сжимаются вокруг «вампиров» и дергают тех в сторону стола, роняя на пол и оттягивая от нас как можно дальше.

Все это — без единого лишнего звука! Все-таки пол этого места точно оплетают какие-то чары тишины...

И вот теперь мы обе, не сговариваясь, все-таки бежим!

Куда бежим, сказать сложно. Сперва, конечно же, прямо: куда-то в глубь зала-коридора, почти скрытого пеленой красновато-сизого тумана, окруженного чернотой стен и слегка подсвеченного рассеянным алым светом.

После — по какому-то местному лабиринту из коридоров, ведущих в другие коридоры, в которых изредка попадались запертые двери. Что именно было за этими дверьми, ни я, ни Айрана понятия не представляли. Да и как-то, если честно, не хотели.

Просто бежали дальше.

И все это — держась за руки, чтобы не потерять друг друга, потому что совсем было не понятно, какие тут еще были чары, а заклинание поглощение шума на полу делали наши шаги совершенно беззвучными. И все, что мы слышали — это наше дыхание и редкие короткие фразы, которые бросали друг другу почти шепотом.

— Сюда!

— Скорее!

— Не отставай!

— Что сзади?

— Не знаю, я их не вижу!

— Ох, хоть бы оторвались!

— Это ничего не значит, они же прятались в тенях!

— О да... И кто знает, нет ли тут других...

И в эти минуты я была очень рада, что Айрана знала мой язык. Потому что браслетов на руке больше не было, никаких защит и подсказок тоже. Странно, но несмотря на то, что все это время эти артефакты висели на мне, облегченные разной магией и даже не ощущались, без них я все равно почувствовала себя голой.

Но из всех зол в эту секунду — это было наименьшим. Тем более, вскоре очередной коридор вывел нас на очередную понижающуюся лестницу, а та, мало того, что поворачивала спиралью, так еще и разделялась сразу на три узких коридора, как близнецы, похожих друг на друга. И каждый из них — упирался в тупик.

— Знаешь, мне кажется, зря мы вообще сюда пошли, — с трудом дыша, выдала я в конце концов «гениальную» идею, когда мы свернули в один из таких «мешков» и остановились, чтобы хоть немного прийти в себя и собраться с мыслями. Погони за нами, вроде как, не было. Или была, но в таком виде, чтобы мы ее не заметили.

— Вообще — это в этот коридор, или вообще — это за скрытую тенями дверь в оранжерею? — дыша также часто, как и я, поинтересовалась Айрана, оглядываясь по

сторонам и ведя руками по воздуху, будто ошупывая его.

— Второе, — честно призналась я. — Я, конечно, с этим сильно опоздала. Но, кажется, мы сделали ошибку, открыв ее.

— Ну... Да или нет, узнаем, когда куда-нибудь придем. Все равно нас сегодня уволят. К счастью, не убьют...

— Убьют? Ты шутишь? — спросила я, вздрагивая от ледяного пота.

— Нет, — прошептала Айрана, выглядывая обратно в тот самый ход, откуда мы пришли. — Мы же обе — студентки «Истона». Забыла? Нас, конечно, можно убить. Но это опасно. Во-первых, закон. А, во-вторых: ректор узнает. А она с нашей хозяйкой из соперничающих кланов...

И продолжая этот быстрый около политический ликбез, сводимый к тому, что нам на самом деле повезло, что мы обе — еще учимся, Айрана принялась создавать вокруг нас какое-то очередное беловато-зеленое свечение, ничуть не смущаясь моей реакции.

А я же стояла рядом, шокировано молчала и думала, что это очень странно — понимать, что над тобой нет смертельной угрозы только потому, что ты с кем-то как-то связан через магию. А еще о том, что я-то если с кем и связана, то точно не с ректором Анной. И если Фирэллен это узнает или уже знает, то...

То, что будет, я так и не успела придумать, потому что наших ушей все-таки достигли чьи-то мужские голоса, говорящие что-то на совершенно непонятном мне языке: певучем, но хрипящем. Сердце, которое только-только из горла опустилось обратно в грудную клетку, тут же прыгнуло, кажется, напрямиком в виски. А ноги сами собой захотели снова куда-то бежать. Но Айрана, раньше, чем я успела сделать чтобы то ни было, дернула меня к себе ближе и пальцем приказала молчать. А затем руками «подняла» перед нами странную беловатую стену плотного тумана.

Только если с нашей стороны стена выглядела именно так, то с обратной, подозреваю, как-то иначе. Потому что владельцы голосов, а ими оказались как раз те двое веталовампира, с которыми мы «пообщались» ранее, зайдя в коридор, лишь бегло огляделись по сторонам, злобно бросили друг другу по несколько фраз, и скрылись обратно там, откуда пришли.

Еще через минуту после их ухода, Айрана развеяла туман.

— Слышала, что они сказали? — спросила она меня, глядя очень хмуро.

— Не-а... Ну, то есть, слышала, но не поняла.

— Что тут, оказывается, какие-то кольцевые чары и мы с тобой, на самом деле, никуда отсюда не выберемся, так как бегаем по кругу. А выйти можно, только или вернувшись назад, или найдя проход через тени.

— Очень мило, — изможденно привалившись спиной на стену, простонала я.

— Угу. Но, значит, надо действительно возвращаться назад. Я сильно сомневаюсь, что в этом месте, где ничего не видно и нет ни одного нормального источника света, мы найдем подходящие для взлома тени.

— И как выйти? Эти-то нас ищут.

— Наверное, кому-то придется их отвлечь, — задумчиво прошептала Айрана. — И это, конечно же, буду я.

Глава 26

— Ты? Почему ты? — не то, чтобы мне сию секунду хотелось побыть героиней какого-нибудь супер-боевика и спасти мир. Более того, совсем-совсем не хотелось. Но и позволить

Айране вот так запросто рисковать собой я тоже не могла.

— Ну, может, потому что я — обученный маг, а ты даже еще не инициированная? — улыбнулась полукровка, сдувая с лица налипшие от пота волосы, которые в таком освещении, как в этих коридорах, казались не белыми, а розово-алыми. Все-таки беготня и ей далась совсем не легко.

— А, может, как вместе пришли, так вместе и уйдем? Тем более, как мы заставим этих двоих клюнуть на тебя, как на приманку, а мне дать прошмыгнуть мимо них? Да и куда идти обратно? Снова в те коридоры, по которым опять буду носиться, как белка в колесе, ища нужный путь?

— Об этом не волнуйся, я сейчас помогу. Но уйти вместе не выйдет, — она покивала головой, закусив губу и глядя куда-то под ноги. — Мне... Я... Я не могу тебе сейчас всего объяснить, но не выйдет.

— Не понимаю...

— И не поймешь! — шепнула Айрана, с какой-то злостью в движениях выдергивая из прически несколько длинных волосков и тут же скручивая их в жгут, что-то бормоча и «включая» нефилимское сияние в глазах.

Спорить с ней о том, чего я пойму, чего нет, я не стала. Разберемся позже. Сперва в любом случае надо было выбраться отсюда. Тем более, сейчас все выглядело как-то очень серьезно. Гораздо серьезнее, чем казалось до этого. Когда я входила в ту дверь, меня вел дух приключения. Теперь же я чувствовала себя зависшей над пропастью. И это было совсем не весело.

— Видела, я сейчас туман создавала? — спросила Айрана, закончив волшебство.

— Да-а.

— Ну вот это, конечно, не магия солнечного света, которая противостоит магии тени, — покивала Айрана, все также глядя на пол, будто безликий черный камень был гораздо интереснее меня. — Но близкое. Все-таки моя родовая стихия — тоже свет. С ее помощью я сделала туманную завесу, поглотившую окружающие тени. И нас не заметили потому, что видели вместо нас отражение стены напротив.

— Круто. Но что мешает, создав такую штуку, выйти назад вдвоем? — спросила я. Хотя вообще-то меня куда больше интересовало, почему она не сделала такое гораздо раньше. Тогда нам бы не пришлось плутать здесь.

— Много причин. Очень много, — Айрана наконец-то подняла взгляд, только им одним поселив внутри меня еще больше сомнений и напряжения. Вопрос «а что, собственно, вообще происходит?», возник как-то сам собой, но задать его пока было некому: — Обсудим их позже, а пока возьми и надень это, — протянула Айрана только что связанный из ее волос тонкий «браслет». — Он заряжен чарами наподобие этого светового туманного зеркала. Но еще и разгонит основные тени. Только времени мало, так как магии в нем хватит на несколько минут. Зато ты сможешь пройти ко входу мимо всех и по правильной дороге. Так что должна будешь успеть. Главное, не издавай ни звука. Поняла меня?

— Да, — сказала я, забирая этот более чем странный артефакт и, как раз-таки, наоборот, ничего не понимая.

Если у нее есть сто процентный способ, как выбраться отсюда без проблем, почему она сама сейчас отказывается от него? К чему внезапный героизм? Ненужные риски?

— Надеюсь, что поняла, — тяжело вздохнула подруга. — Ну? Иди! — шикнула она, отступая на шаг назад и создавая вокруг себя очередную туманную завесу, скрываясь за ней.

Видя, что ситуация принимает какой-то вообще крайне странный поворот, я выглянула обратно в коридор. Ну, другого плана не было. А, значит, действовать надо было так, как предлагалось, полностью положившись на непонятные инструкции и сомнительные «ты не поймешь».

И хоть внутри меня все было против этого плана, за столько времени я привыкла доверять Айране. Да и сейчас, она же спасла нас обоих от приставучих секьюрити. Ведь так?

Выглянув, я ожидала увидеть ту самую винтовую лестницу... А увидела просторный холл, пусть и в «местных» черно-красно-золотых цветах, но ничуть не хуже по обстановке главного холла в том же «Истоне». Да и с нормальными чашами света, висящими на стенах.

— Ух ты, — вырвалось невольно, и я поспешно зажала рот рукой. Издавать звуков было нельзя. Удивленно проморгавшись, обернулась назад — и поняла, что стою вообще в какой-то нише между декорирующими стену колоннами. Сообразив, что такое изменение обстановки связано с тем, что я держу в руке, я быстро надела волосяной жгутик на запястье.

Список вопросов к Айране только что стал астрономическим. Но сперва нужно было все-таки выйти из этого зазеркалья. А уже потом расспросить подругу обо всем, что только что было. А после — обязательно уволиться! Непременно.

Но не успела я пройти и пару шагов, как из ниоткуда на руки мне одновременно прыгнули большой пушистый серый кот и знакомый черный ворон. И, вцепившись зубами и клювом в волосяной жгутик, содрали его.

Вот такого я точно не ожидала! И была к этому совершенно не готова!

И что делать, конечно же, не знала. А все, что знала, так это то, что мне не стоит издавать каких бы то ни было лишних звуков. Ну и что прямо сейчас меня лишают такого важного стратегического преимущества, как зачарованные магией волосы Айраны.

Да что лишают? Лишили!

Значит сейчас обязательно случится что-нибудь очень плохое и я точно окажусь в каком-нибудь ужасном месте. Например, в том кроваво-черно-сизом каменном мешке один на один с теми вампиро-веталами. Если не хуже.

Поэтому, как только вокруг меня замелькали все эти когти-крылья-лапы-клюв, так я сразу же вспомнила обо всем из магии, что успела усвоить за все это время. А, особенно то, что увидела за сегодняшний день.

И пока неожиданно появившийся неприятель был занят подарком подруги, я уже колдовала. Тихо. Молча. Разозлено. А от того — особенно четко, не обращая внимание ни на зашкаливающий в крови пульс, ни на сбитое дыхание. А во всю и изо всех сил, черпая последние из всего, откуда только могла.

Причем, судя по той легкости, с которой магия наполняла меня изнутри, не уверена, что это были только мои силы...

Защитный мыльный пузырь? Сделано. Слияние с аурой какого-то ближайшего ко мне деревянного предмета, оказавшегося картиной на стене, и отращивание от него тонких ползучих лиан? Сделано.

Золотисто-зеленый световой поток, выпущенный просто куда-то вперед, чтобы разогнать напавших? И это тоже сделано.

А уж в кого что из этого попало и кому этим всем досталось, я не разбираю.

Поток магии прилетел в обнаглевшую самку ворона, подпаливая ее иссиня-черные крылья? Ну так ей и надо! Это же ведь она должна была защищать меня, как полагается фамильяру, а вместо этого, вот уже второй раз пыталась мне как-то навредить, да? И до

этого, теперь я была уверена, следила за мной, крылатая шпионка.

Отросшие за секунду лианы, оплели и чуть не задушили кота, который очень напоминал мейкуна, в которого превращался Тайрэнн, хотя был какой-то другой породы? Ну так и этом коту значит так и надо!

После знакомства с Тайрэнном от серых котов я не ждала вообще ничего хорошего. А сегодня, к тому же, как раз, видела что-то серое и пушистое сперва в библиотеке, а потом — при выходе из академии.

Может, мне показалось, может, я видела другого кота... Но сейчас я была совсем не в том состоянии, чтобы разбираться в таких нюансах. Какой-то серый кот на меня напал? Какой-то серый кот за это поплатился!

Правда, кем бы он ни был, вредить ему сильно, я не собиралась. И, не смотря на весь угар, в котором прибывала, сделать что-то действительно плохое живому существу я не могла. Так что, как только зверь стал безопасен, откинула его лианой в сторону, как когда-то давно, теперь уже точно в другой жизни, скидывала волкопсов в реку.

Но если тогда оборотни, попавшие в воду, сразу же уплывали куда-то вниз по течению, и больше не были опасны. То сейчас ни фамильяр, ни кот никуда не делись. А, придя в себя, отряхнулись. Птица расправила крылья, кот вздыбил шерсть...

Я еще глубже зачерпнула льющейся внутри меня магии... Но что было бы дальше в этой стычке — так и не узнала. Магия Айраны закончила действие, и я действительно снова куда-то «провалилась». Только вовсе не в тот коридор, в котором мы до этого с ней застряли. А туда, куда до этого хотела попасть — в ритуальный зал.

По крайней мере, я больше не знала, что еще могло выглядеть так: огромное подземелье, каменные своды и царящая темнота, бледно подсвеченная снизу только магическими письменами, которыми был исчерчен весь пол.

Но вовсе не эти круги были тем, что привлекло мое внимание. А сцена, которую я увидела перед собой. И ее героев.

Потому что Айрана в боевой форме не могла не привлечь к себе внимание в этой темноте. Особенно когда рядом с ним были те самые вампиро-веталы из коридора и, совершенно неожиданно, в одном из таких кругов заваленная на бок и связанная тонкими лианами виверна с темно-синей чешуей.

И виверне было очень-очень страшно. Я хорошо видела это по ее расширившемуся зрачку и глубокому дыханию. Слабые хрипы, вырывающиеся из горла зверя, резали по сердцу ножом.

«Стойте!» — чуть не выкрикнула я, не шуточно испугавшись не то за животное, не то за подругу. Еще бы! Она попала в серьезную проблему, рискуя собой, а я ведь там, в коридоре, даже не спросила у нее, как именно она собирается отвлекать на себя внимание!

А что, если ее план был — просто сдаться?

Но возглас застрял в горле раньше, чем я его произнесла. И это было к лучшему. Потому что за залившей глаза волной адреналина наступило просветление: нефилим не выглядела напуганной или от чего бы то ни было страдающей.

Айрана была скорее рассерженной. Стояла, расправив сияющие бело-зеленоватые «крылья», занимающие собой колоссальное пространство зала, сверкая глазами и сложив руки на груди. А типы рядом, позыркивая на нее и друг друга, о чем-то негромко переругивались с ней же.

Понять их речь сейчас я не могла, и мне оставалось только смотреть. Ну а еще стараться

при этом никак не выдать себя.

Но, последнее, как оказалось, было несложно. Потому что стоило только опустить взгляд вниз, чтобы увидеть, где и на чем я стою, как я поняла, что какой бы я сейчас не была, физически меня вообще не было видно.

Может, из-за темноты, может — из-за магии, может еще из-за каких-то чар. Но ничего, чтобы хоть как-нибудь выдало мое местонахождение, не было. Ни теней, ни силуэтов, ни самого, собственно, тела.

Невидимка? Призрак? Или что?

Однако ущипнуть себя, чтобы проверить хотя бы одну из этих догадок, мне не дал шум, привлечший внимание. Оказалось «озабоченный» ветало-вампир перешел с обычной ругани на очень громкую и что-то очень экспрессивно и надменно пытался втолковать Айране, тыча в нее длинными пальцами.

Та в ответ недовольно морщилась и отругивалась на певучем местном языке. И хоть звучало это со стороны как что-то очень красивое и даже мелодичное, за эти дни я очень хорошо изучила девушку, чтобы понять ее настроение правильно. Приятных эмоций «вампир» у нее не вызывал.

Второй же ветала придерживал своего коллегу за плечо, пытаясь, правда не очень громко, того урезонить. И они так бы и шумели неизвестно сколько времени, если бы не вмешался еще один звук — стук чьих-то каблуков. И из темноты не показалась бы укутанная в длинное серебряное платье, облегающее ее, как вторая кожа, хозяйка этого милого места.

Фирэллен хмуро посмотрела на присутствующих. Все трое ей тут же поклонились. Айрана приняла человеческий облик.

Я сглотнула, радуясь, что сейчас я такая вот вся для них невидимая. Уж не знаю, что это была за магия и, возможно, я должна была этому испугаться... Но, кажется, лимит эмоций на сегодня был исчерпан.

— Асэ релли этти Татьяна? — спросила Фирэллен злобно дергая носом, а я почувствовала, как рой ледяных мурашек вышагивает у меня по спине только от того, что эта особа почему-то интересуется мной. — Та канниррэ аллоста? — указала она рукой на виверну, еще плотнее сжав зубы. — Ва нита хали энни Айрана, — выплюнула она, гневно, теперь впритык глядя на Айрану.

— Ва радэ ча, — ответила нефилим тоном, в котором даже я слышала вызов, — прима Фирэллен, — добавила она, помедлив.

— Раддэ ли эллисотэль, — выругалась та. — Зиллэ ча! — бросила она «вампирам» и те, действительно растворившись в тенях, исчезли. Айрана тоже попыталась уйти, но была остановлена злобным шипением Фирэллен.

О чем они обе говорили дальше, я не могла ни понять, ни разобрать. Ну, кроме того, что обе были не в восторге. Закончилось все тем, что Айрана что-то выкрикнула в лицо Фирэллен и все-таки ушла в ту же самую сторону, откуда до этого появилась прима. И это несмотря на окрик последней.

На что Фирэллен ей что-то очень звучно пообещала в след. Не знаю, что. Но, без сомнения, это было что-то мерзкое.

Айрана ответила неприличным земным жестом.

Фирэллен на это натурально побледнела от злости, но, кажется, ничего больше сделать не могла. А то, уверена, сделала бы. Но потом что-то привлекло ее внимание в другом углу, и она развернулась на каблуках на виверну. Зверь тут же зарычал. Фирэллен разочаровано

качнула головой, но подходить ближе не стала и вскоре ушла обратно туда же, откуда явилась.

И странно: хоть я сейчас была неизвестно где и в неизвестно каком виде один на один с виверной, у меня было чувство, что все чудовища отсюда только что ушли. Остались только пленники.

И нам обеим, все-таки, надо было как-то выбирать наружу. Но как?

Глава 27

На что логика возопила, напомнив, что правильнее было бы выйти отсюда самой. Без виверны. Да и выход-то особо искать не нужно — всего лишь пойти в ту сторону, в которой сперва скрылась Айрана, а после — Фирэллен. А дальше — действовать по обстоятельствам.

Да и зачем приближаться к опасному животному? Создавать себе новые проблемы...

И пусть животное было связано, от чего выглядело не многим крупнее лошади, но его рот был полон острых зубов. А когти, хоть и не могли оставить царапины на полу зала, наверняка, магическим защищенному, легко вспорют человеческое тело. А это — достаточно веские аргументы, чтобы и на километр не подходить к зверю.

Но то говорила логика. Мне же было безумно жаль связанную рептилию. Из разговора Айраны и Фирэллен я не смогла понять, для чего оно тут было и в каких ритуалах его использовали. Но я была уверена, что это чудовище оказалось здесь по мою душу. Иначе почему Айрана его связала?

А то, что эти гибкие лианы — ее работа, я ничуть не сомневалась. И не потому, что видела сегодня в ее исполнении точно такие же: коричнево-зеленоватые, живые, выращенные из не живого дерева. А потому, что интуиция подсказывала, что только Айране могла понадобиться защита в этом месте. Иначе зачем она разгуливала тут в боевой форме?

Что касалось лиан, то я и сама потом их успешно повторила. Если, конечно, можно было записать в успехи результат стычки с котом и вороном, из-за которой я оказалась здесь.

Хотя то, в каком виде я тут оказалась... Невидимка? Нет, все было гораздо хуже.

Сперва я решила, что меня просто не видно для других. Ну, может, стою тут среди этих кругов так удачно. Может, тени повсюду как-то защищают меня. Или же я скрыта каким-то чарами, и поэтому никто из тех, кто был в этом подземелье вместе со мной, не видел меня. Мало ли.

Но попытка ущипнуть себя ни к чему не привела. Я не только не смогла прочувствовать щип, я не увидела ни намека на собственные руки, чтобы сделать с их помощью хоть что-то.

То есть, сознание было, магия была. А вот тела не было.

И логика снова напомнила о себе, намекнув, что, вообще-то, как любого нормального человека, меня должна была волновать такая аномалия. Но мне с собственным разумом снова было не по пути. Потому что лично мне было все равно.

Что со мной? Закончится ли это? Останусь ли такой навсегда? Ничего из этого не волновало меня.

И все эти факты приводили только к одному выводу, с которым не могла поспорить даже логика. Где бы я сейчас не была и как бы я тут не оказалась, это был сон. Детальный, реалистичный, очень натуральный, но сон.

А раз так — то почему я должна бояться какой-то виверны? Тем более, что навредить мне зверь никак не мог.

«И все же, какая хорошая актриса, моя бывшая коллега и подруга?» — подумала я,

приблизившись к зверю, который очень устал от борьбы, судя по всему, но который не оставлял попыток выбраться, давая себе немного отлежаться, а после — дергаясь и извиваясь снова и снова.

Хотя, может я неправильно растолковала ее разговор с «вампирами»-секьюрити? И там, наверху, эти двое действительно не знали, кто перед ними, когда застали нас?...

«Но был ли вообще тот «верх»? Была ли Айрана? Было ли это все? Ведь кто знает, как давно я сплю?» — добавила сомнений в размышления логика, и в этот раз я не нашла, что возразить ей.

Только и логике нечего было больше возразить мне, когда я закрыла несуществующие глаза, сделала несуществующей грудью глубокий вдох, и воображением потянулась к силе внутри меня.

Ленивая и спокойная полноводная золотая «река» магии сразу откликнулась на мое присутствие. И с неукротимой неспешностью, присущей этой стихии по весне, «вышла из берегов», наполняя мое несуществующее тело до верху своим сиянием.

Медленно выдохнув, я открыла глаза и протянула несуществующую руку к зверю, который то ли наконец-то заметил меня, то ли что-то понял, но задержался в путях с удвоенной силой.

Но сами путы не поддавались. Ни ей, пытающей разорвать лианы, ни мне, пытающейся войти с ними в «контакт» и заставить подчиниться моей воле.

А, между тем, магия внутри прибывала и прибывала. Ее река усиливала натиск, хотя мне и казалось, что уже больше и усиливаться-то некуда. И я всеми силами пыталась дать ей выход наружу, направить хотя бы тоненьким ручейком в сторону лиан.

Тем более, что как-то же я делала это раньше! Причем совсем недавно! И не важно, в реальности это было или во сне. Оно было!

Но сейчас контакта с лианами не было. Часть магии все-таки вырывалась наружу, всплесками, словно вспышками. И на мгновения заливала небольшое пространство вокруг ярким золотом. Больше всего походило на плохо работающую лампочку, которую где-то коротит, и которая никак не может засиять ровным спокойным потоком света. Полноценным волшебством это точно не было.

Но то снаружи. Изнутри же река силы бурлила уже совсем не на шутку. Кружилась в водоворотах, пенилась, словно уже и не река вовсе, а целое море в шторме.

И от этого я задыхалась, хрипя, не в силах даже заорать. Не имея в этой странной форме тела, все равно ловила ртом воздух, чувствуя жжение в груди и давящую боль в висках и глазах. Понимая, что еще немного — и фраза про «лопнул от натуги» не будет восприниматься мной, как неудачная шутка.

Хотелось немедленно остановить все это. Но я понимала, что остановить уже не получится. И что если сейчас эта магия не найдет выход, то, где бы я не была, во сне или наяву, она сожжет или разорвет меня изнутри. А, может, все сразу.

И вряд ли это закончится тем, что я просто проснусь.

Воспоминания всех последних событий, часов, дней, недель, месяцев, а, может, и лет, пронеслись перед глазами. Все, чему меня когда-нибудь кто-нибудь учил, показывал, объяснял... Айрана, Сэм, Тайрэнн...

Я вспомнила даже слова Руслана, которыми он когда-то пытался научить меня управлять снами. А на самом деле — объяснял основы управления силой...

Как давно это было? В прошлой жизни? В другой реальности? Где-то вне сна?

А где мы с ним об этом говорили? Сидели у него в машине около института, я как раз тогда сдала один из последних зачетов... Точнее, получила ожидаемый «автомат»...

Эти неожиданные воспоминания оборвали набирающую панику, вернули в сознание ясность. Магия и дальше продолжала заполнять меня, не находя выхода и от этого причиняя боль, уже граничащую с той, которую я вообще могла вытерпеть, но стала восприниматься как-то отдельно.

Вот есть я, а вот есть она. И почему же «она» не работает? Почему не может вырваться наружу? Почему от «лиан» нет отклика? Потому что они созданы другим магом? Или потому, что рядом с ними в виверна и ее аура сильнее? Или есть еще какая-то причина?

Перед глазами все плыло, в висках стучал гигантский набат, сила напирала...

Ауру виверны я увидела не сразу. Она была синеватая, как и чешуя зверя. Аура лиан, созданных Айраной, была же темно-зеленой. Распутать их не получалось потому, что они оказались слишком близко. словно слепленные воедино.

Поэтому-то виверна сходила с ума даже от моих самых легких касаний! И из-за этого даже в спокойном состоянии путы причиняли животному страдания, а я никак не могла заставить их расплестись. Потому что не плести их надо было! Дергать! Срывать, как намертво прилипший пластырь.

Зачем Айрана так сделала с лианами и виверной, я не представляла. Может, это у нее вышло не специально. А, может только так зверя можно было удержать связанным. Но сейчас мне некогда было раздумывать об этом. Собственная магия грозила уничтожить меня, если я немедленно не дам ей выход.

Превозмогая ощущение внутреннего пожара, я снова осторожно коснулась лиан. Попробовала аккуратно отодвинуть одну, но сделала этим только хуже — виверна заревела от боли.

И тогда мне ни осталось ничего, кроме как магией резко дернуть одну лиану за другой.

Раз-два-три...

Лианы упали на пол, тут же превращаясь в обычные щепки.

Виверна взвыла от моих действий, сильнее, чем раньше.

Золотистое сияние наконец-то вырвалось наружу и залило собой, кажется, весь мрак подземелья, перекрывая свечения кругов. Темный силуэт расправившего крылья животного, вставшего на дыбы, выделялся на его фоне резким пятном.

Река силы заструилась полновесным равномерным потоком... И снова схлынула куда-то внутрь, даря облегчение и покой.

Сознание уплыло окончательно раньше, чем я успела это понять.

...Чтобы вернуться от легких похлопываний по щекам и бьющего в глаза яркого солнечного света, который сразу же закрыл от меня чье-то знакомое обеспокоенное лицо...

— Руслан? — просипела я, окончательно просыпаясь и пытаюсь сесть, так как оказывается, до этого лежала у него на руках. — Руслан, ты? — удивленно протянула руку, пытаюсь прикоснуться к гостю из прошлого.

А, может, к единственному существу из реальности? Ведь если все, что сейчас было, было сном, то получается... То, что же это получается?

А я ведь предполагала в подземелье, что все это лето мне приснилось, предполагала, да...

— Я-я, — между тем вздохнул русоволосый не то парень, не то друг, не то враг, помогая мне подняться. — Только, вижу, я все-таки опоздал.

— Опоздал? Куда?

— Ну как куда? К тебе. Фамильяра же ты прогнала. И помочь тебе она никак не могла, хотя много раз пыталась. А надо было. Но, видно, я все равно опоздал, хоть и вошел в Акрл самым первым рассветным порталом.

— То есть? — переспросила, чувствуя, как при словах «фамильяр», «Акрл» и «портал» по венам разливается облегчение.

— То есть, нам очень есть, что обсудить, Тань. Очень.

— Наверное, — пробормотала я, наконец-то вставая на ноги и осматриваясь. И понимая, что то, что вижу перед собой — это кучу народа на улице и разрушенное не то пожаром, не то ураганом здание кафе-оранжереи, принадлежащей приме Фирэллен арэ Нерт. Венчала странную картину спешно взмывающая из пепелища вверх сине-зеленая виверна.

Глава 28

— Но сперва я бы хотел знать, что это такое сейчас было? — спрашивает Руслан, заложив руки в карманы и вместе со мной провожая взглядом удаляющуюся на небе точку, за которой уже летели следом несколько стражей на пегасах — местный аналог полиции.

Я знала, что тут есть такой, но до этого с ними не пересекалась и, если и видела альвов или ветал в соответствующей серой и темно-серой форме с приметными черно-белыми нашивками на плечах, то только издалека и всего несколько раз.

Блин, неужели они попытаются ее поймать? Не хотелось бы. Я же не зря ее освобождала!

С другой стороны, разрушенное здание и дикое животное, которого здесь быть было не должно — это все очень подозрительно. Конечно, они попытаются выяснить, как виверна сюда попала.

Мне и самой это было очень интересно, потому что ну не могла же она сама собой «завестись» в подземельном ритуальном зале? И, вообще, зачем она была там нужна? Для чего? И что за ритуалы такие с ней или без нее устраивала Фирэллен, что от них погибли все растения в оранжерее?

В общем, лично у меня список вопрос о том, как и для чего здесь была виверна, был просто огромный. Думаю, у стражей, наверняка, не меньше. Но я сомневалась, что они будут ловить виверну, щадя ее здоровье. А ей, бедняжке, и так нехило досталось.

— Было — что? — машинально переспросила я, гадая, успеет ли виверна улететь восвояси или маги ее нагонят. Ну и мысленно желая ящеру удачи.

— Вот это все сейчас, что было с тобой. Нападение твое на нас, свечение... Чего это ты нас бить стала? Иллюзии какие-то видела?

— Это ты меня спрашиваешь? — от удивления я поперхнулась и все-таки уставилась на него, снова чувствуя не то облегчение, не то радость. Все-таки я скучала по этому русоволосому «богатырю». И хоть я не встречала его с той самой дикой ночи, именно сейчас, видя его слегка растрепанный и обеспокоенный вид, я понимала, что у меня не было на него никакой злости или обиды. Возможно, зря. Ведь в спектакле на берегу он принимал непосредственное участие. Но все равно я не могла сейчас относиться к нему как-то иначе, чем к приятелю из детства или хорошему другу с одного двора.

— Ну да. А кого еще? Ты же здесь все это время жила. Я вошел в мир только с утра. И то, благодаря твоему фамильяру и прадеду.

— Моему фамильяру? — выделила я самое важное, оставив новость о том, что

объявился мой прадед, на потом. — Что-то я не помню, когда эта самка ворона стала моим фамильяром. Как раз-таки быть моим помощником она и не захотела.

И, судя по тому, что и сейчас она где-то снова пряталась, и не хотела.

— Ну, если не считать того, что ты запретила ей к себе приближаться...

— Я не запрещала! Она напала на меня! И вообще! — несправедливость обвинений накрыла с головой. Не то, чтобы мне было дело до того, что Феррана говорила обо мне. Не хватало еще того, чтобы она распускала про меня слухи среди моей, пусть и крайне далекой, родни.

— Так, стой. Давай по порядку, — Руслан миролюбиво поднял руки в защитном жесте. — Давай сперва ты расскажешь, что случилось у вас с Ферраной и как ты вообще тут жила. А потом я расскажу о том, что знаю я и, возможно, мы оба сможем о чем-то договориться.

— Идея хорошая, — кивнула я. — Но зачем нам вообще договариваться-то? — с недавних пор у меня при слове «договор» начинал нервно подергиваться глаз. Например, мне очень хотелось знать, что за договор был между Фирэллен и Айраной. И какое к нему отношение имела моя персона. И это желание было настолько сильным, что я невольно кидала взгляды на толпу зевак, надеясь выцепить среди местных знакомую светловолосую макушку. Но пока это было безрезультатно.

— Ну-у, — потянул Руслан, отводя взгляд в сторону, чем тут же вызвал у меня новый приступ паранойи. — Это я тебе расскажу, обещаю. Но, сперва, просто объясни, что случилось у вас с фамильяром. Потому что она все также не может к тебе приблизиться. А ведь она сегодня помогла спасти тебя!

Я не очень понимала пока, кто же именно и от чего меня спас. Но все-таки уговоры Руслана подействовали:

— Ок, ладно. Слушай, — кивнула я, убеждаясь, что вокруг нас нету лишних ушей и мой рассказ не станет достоянием общестственности.

Толпа народа так-то была. Но, во-первых, всех куда больше интересовало то, что происходило на площади, чем какие-то мы. И все спешили между собой это обсудить. Поэтому гул вокруг стоял ощутимый. Ну а во-вторых, расстояние от нас до ближайших зевак было в несколько шагов. Так что я не переживала, что кто-то нас случайно подслушает.

Конечно, я не стала рассказывать Руслану все детали своей жизни в Акрле. Он спрашивал только о фамильяре, и я вкратце обрисовала мое с ней знакомство и то, что после этого произошло. Ну и то, что пока я была занята поисками работы, я временами натыкалась на пернатую вредину, только вот как-то подлететь ко мне ближе она не решалась. За исключением того самого дня, когда Фирэллен соблазнила меня на работу в оранжерее. Сейчас я понимала, что тогда мне не показалось, и ворон действительно пыталась то ли напасть на меня, то ли поболтать со мной... Но защита, созданная тогда вокруг меня той же Фирэллен и ее подчиненными не позволила это.

И тогда я не восприняла это событие, как какое-то особенное. Как после не придавала значение тому, что именно после моего согласия работать в оранжерее, я перестала как-то особенно чувствовать Фирэллен. А ведь до этого она была для меня словно магнитом, с которым у меня совпадали полюса! И быть рядом с ней близко я не могла. А после...

И сколько еще таких мелочей прошло незамеченными мимо меня?

А Айрана? Возможно, теперь во мне заговорила паранойя, но вдруг и то, что вместе с мной в оранжерее работал тот, кто и без магии мог понимать мой язык, стало казаться мне

крайне важной «мелочью». Как и то, что этот кто-то был из клана Тайрэнна.

А если я сейчас не сошла с ума и не ищу черную кошку в черной комнате, то тогда зачем все это было нужно? Неужели только ради сегодняшнего дня? И что такого особенного сегодня? Ну, кроме того, что сегодня день соприкосновения миров и весь день будут открываться порталы.

Ну, еще сегодня открылся кабинет ректора. Но это вышло почти случайно. Этого точно нельзя было запланировать. Значит, это событие можно в расчет не брать, да?

И вообще: неужели ради того, чтобы отвести меня в подземелье, нужно было устраивать это шоу с гибелью оранжереи? Да и уничтожить целый сад волшебных растений ради! Ради чего?

Могла ли Фирэллен сделать столько разных и странных действий только для того, чтобы, не знаю, отдать меня тем двоим ветало-стражникам в качестве развлечения? Или чтобы, не знаю, скормить меня виверне? Или, может быть, с помощью меня и виверны устроить какой-то особенный ритуал?

Что-то мне подсказывало, что нет. Что эта альва далеко не та, кто будет стрелять из пушки по воробьям. А, значит, или конечной целью ее действий была не я. Или я чего-то совсем-совсем не знаю о себе. Или...

— Таня! — окрик Руслана выдернул из раздумий.

— Да? — Встрепенувшись, я осмотрелась, не сразу соображая, что мы все еще на площади, только отошли еще чуть в сторону. И что толпа каких-то магов уже во всю разбирает завалы на месте кафе, доставая из-под них потерпевших и травмированных работников и посетителей. К счастью, живых.

Сердце болезненно сжалось, когда я поняла, что из-за того, что я освободила виверну и, тем самым, обвалила это здание, кто-то пострадал. Теперь я только надеялась на то, чтобы среди пострадавших не было погибших.

А сама его владелица, захватившая целиком мои мысли, как раз с нечитаемым выражением лица вбиралась в высокую серебристую карету с черно-белой меткой на двери. И, судя по тому, как ее провожали несколько магов, шла она туда не чай с плюшками пить.

— А что было потом-то? — Руслан снова попытался напомнить о себе.

— Потом? Когда потом? — не отводя взгляд от взмывающей в небо кареты, увозящей Фирэллен, я закусил губу. Интересно, а должна ли я как-то дать знать местной полиции о своем участии в разрушении кафе? И если должна, то кому и как? Вряд ли есть смысл бежать к ним с криками «И меня тоже заберите! Заберите!». Но ведь что-то же я должна сделать?

Или нет?

Особенно, если учесть все сопутствующие факторы.

Например, такой, что сама бы я без посторонней помощи в подземелье не спустилась. Да я и не спустилась. Физически меня там не было. А где я при этом была, еще стоит выяснить. Ну и никто, кроме виверны в ритуальном зале меня не видел.

Еще были такие факторы, что я, вообще-то, студентка «Истона». Ага, и иномирянка с непонятным происхождением. А у них тут на Акрле еще и смертную казнь практикуют...

Поежившись от мыслей о последнем, я наконец-то вернулась к разговору с Русланом.

— Ты рассказывала, что фамильяр пыталась помешать тебе работать здесь, — как раз напоминал он, активно жестикулируя. — А потом замолчала и... Ну, в общем, я еле докричался до тебя.

— Извини, просто это все... Этого как-то слишком, знаешь ли.

— Знаю, — помрачнев сказал парень, снова возвращая руки в карманы джинс, и я только что заметила, что он-то и одет еще по-землянски: светлая футболка с каким-то лейблом, простые джинсы и спортивные кроссовки. И вообще, кажется, прямиком с портала сразу сюда. — Так вышло, что я много что знал и знаю, — изучая темно-серые кончики кроссовок, покрытых пылью, признавался он. — И я... Я очень виноват перед тобой, Татьяна. Но я не мог не подчиниться, понимаешь? — Руслан на миг замер, кажется, ожидая ответ, но так и не дождавшись его, продолжил, растревожив пятерней волосы. — Хотя что с того, что понимаешь... Это не делает меня менее виноватым. И я... Я хочу попросить у тебя прощения, — наконец-то он решительно вскинул взгляд, уткнувшись в меня полными надежды светло-кариими глазами. — Прости меня, пожалуйста, если можешь, за то, в чем я перед тобой виноват. И прими мои искренние и честные заверения, что я больше никогда не сделаю ничего такого, что могло бы навредить тебе.

Горькую усмешку я все-таки подавила.

— Как пафосно-то звучит, — а вот комментарий не смогла...

— Потому что это формула, — Руслан слабо улыбнулся. — Формула клятвы, которую я только что тебе дал. И нарушить ее я не смогу. Да и не собираюсь.

— Чего?.. Какой? Зачем?

— Затем, что я пришел сюда не только для того, чтобы доучиться, но, и чтобы помочь тебе и оберегать тебя.

Ошарашенная такими заявлениями, я поперхнулась.

— А можно об этом по подробнее? Особенно о том, как именно ты собираешься мне помогать и оберегать? Я ведь помню, что ты из клана Тайрэнна. Надеюсь, это не он тебе приказал!

Вот этого только не хватало!

— Нет, не Тайрэнн, — выплюнув имя этого полиморфа, как какой-то яд, Руслан предложил мне руку, собираясь увести подальше от площади, где маги уже закончили разбирать завалы, явив на свет последнего из попавших под них — Айрану. Пострадавшую, беспомощную, но живую. И только тогда я почувствовала, что наконец-то могу дышать спокойно. Уж не знаю, насколько сильно хотела навредить мне, но я была просто счастлива от того, что абсолютно все работники и посетители этого места, даже те, которые к кафе не имели никакого отношения, а, без сомнения, были «этажом ниже», выглядели целыми и относительно невредимыми. Все-таки все они были магами и наверняка смогли как-то обезопасить себя во время обвала.

— Если не Тайрэнн, то кто? — Кажется, пафосные слова и искренность парня подействовали на меня. И рядом с ним я почувствовала себя не то, чтобы под защитой, но в безопасности. Поэтому предложенный локоть приняла и пошла рядом с Русланом прочь от этого места, оставляя за спиной разрушенную площадь.

— Видишь ли, я больше не в его клане, — хмыкнул Руслан. — И у него надо мной больше нет никакой власти.

— Ага! У него нет. А у кого теперь есть? И кто даст гарантию, что этот кто-то тоже не прикажет тебе как-нибудь навредить мне?

— Этот «кто-то» тебе ее и даст. Но... Давай обо всем по порядку. Обещаю, ты обо всем узнаешь совсем скоро. Прямо сегодня же. Но сперва надо вернуть тебе фамильяра. Это важнее, чем ты думаешь. Поэтому скажи, после того как ты стала работать в оранжерее, ты

видела фамильяра хоть раз?

Глава 29

Я отрицательно махнула головой, Руслан глубокомысленно промычал на это, добавив, что тогда он видит только один вариант, но расскажет о нем чуть позже, так как никуда от него не деться, от этого самого варианта. А я, может, раньше и стала бы настаивать на немедленном ответе, но после такого насыщенного на события и эмоции утра, мне больше всего на свете хотелось просто никуда не спешить. Вот и дальнейшая беседа потекла в мерном режиме вопросов и ответов.

Сперва спрашивал он, я отвечала. Но скоро мы поменялись ролями, так как все, что я хотела, я и так и уже рассказала ранее. А что не хотела, о том и не стала говорить. И мне нечего добавить ничего нового. Зато Руслану было.

— Ну... В общем, — прокашлявшись, начал он, ведя меня по затемненным аллеям столицы в сторону академии. От меня не укрылось то, что виды города альвов Руслана не интересовали. И сам он в джинсах и футболке вызывал куда больший интерес у прохожих, чем они у него. А еще он без сомнения знал маршрут до «Истона» и шел в его сторону, не сворачивая. — С чего же мне начать, а?.. Может, спросишь то, что тебя волнует больше всего. А там разберемся.

— Легко, — я пожала плечами, в отличии от парня любясь столицей. Забавно, но несмотря на то, что два месяца назад я тут каждый день обивала пороги, а последний месяц каждый день пролетала над этим всем, я впервые вот так с кем-то запросто гуляла по Одаралину и мне не нужно было что-то искать, с кем-то спорить или куда-то спешить. Ночная прогулка с Сэмом была не в счет по многим причинам, о которых я старалась не вспоминать, чтобы не чувствовать жар на щеках и снова не задаваться не нужными вопросами. Сперва надо было разобраться с нужными. — Начни с того, как вы оказались рядом со мной. Зачем сорвали с меня подарок Айраны? Откуда знали, что нужно делать и когда? Тем более, ты пришел в Акрл только сегодня. По крайней мере, по твоей же официальной версии... Ну а потом расскажи, как я оказалась на улице. Тем более, одной из первых. А не попала под развалины. А то вытаскивали бы меня вместе с Айраной... А, и да еще хочу знать, как именно обвалилось здание! Я вот помню только... В общем, мало что помню. Свет точно помню. И как прихожу в себя у тебя на руках помню. Но что-то же было между этим. Что?

— Ну, начну с конца, — Руслан подвел меня к карете с единорогами и кивком головы и парой жестов рук договорился с извозчиком за дорогу до «Истона». — С этого милого места, которое прикрывалось кафэшкой, я тебя вынес на руках. Надеюсь, ты была не против такого способа перемещения. Но если да, то теперь это уже не имеет значения, — распахнув дверцу кареты, он помог мне вобраться в повозку. Дождлся, пока я с комфортом размещусь на парчовой подушке и сел напротив, по-землянски свободно заняв сразу всю лавочку. — Ну а вынес я тебе потому, что, во-первых, оставаться там ни тебе, ни мне, в любом случае не было безопасно. А, во-вторых, потому что ты, потеряв сознание после того, как мы сорвали с тебя подарок Айраны, где-то через пару минут засияла, как новогодняя гирлянда... Ну и устроила обвал.

— А ты уверен, что его устроила именно я? — я позавидовала той легкости в позе, которую демонстрировал Руслан, наслаждаясь плавным движением кареты. Все-таки местные жители не за что бы так себя не вели. И я за это время, кажется, заразилась их чопорностью.

— Абсолютно. Ну только если в здании не было где-то еще кого-то, кто вдруг решил самоинициироваться.

— Решил сделать что? — даже меня по ушам резанул тот высокий звук, который я выдала голосом. Руслан же усмехнулся.

— Нет, ну я, конечно, не Глава клана, чтобы заявлять такое стопроцентно. И, возможно, это называется как-нибудь по-другому. Но я уверен, это было именно оно. В конце концов, твоя аура молодого друида говорит об этом. И просматривается она очень хорошо. Расскажешь, как так вышло?

— Нет, не расскажу, — прошептала я. — По крайней мере, не сейчас.

— Ну, тогда я продолжу, — пожал плечами парень. — Итак... Я тебя вынес...

И пока единороги мерно цокали копытами, легкой рысью унося нас от города в сторону академии, Руслан в очень короткой форме и очень быстро выдал мне столько информации, что у меня от нее самым что ни есть настоящим образом разболелась голова. Хотя, возможно, разболелась она еще и потому, что он рассказывал мне все события в обратном порядке. Но стоило вывести их в прямую последовательную линию, как многие вещи становились понятными сами собой.

В общем-то, все началось еще на Земле. В день моего знакомства с кураторами. Среди них-то был мой прадед. Кто им был из двух «старичков», Руслан не знал. А я, как ни старалась вспомнить их облики, так и не могла. Для меня они оба были каким-то обезличенными. Может, причина этого была в их одинаковой одежде и возрастах. А, может, в чарах, наложенных на меня тогда Сэмом. Так или иначе, кто-то из них в тот день опознал во мне правнучку, заметил на руке подарок от Сэма, сообразил его назначение — и устроил мне веселье в день отъезда.

Нападение Ферраны, которая должна была сорвать с меня браслет, «сигнал от анонима» о том, что через границу будет пытаться пройти опасный преступник... Это все — работа моего предка.

— Он пытался защитить тебя, — совершенно спокойно возразил Руслан на мое замечание, что методы у моего родственничка те еще.

Потом, оказалось, что в тот же день границу вместе со мной пересекла и фамильяр, утром вернувшая мне браслет. Моим дедом планировалось, что она станет защищать меня, но... Но я для нее оказалась слишком «недостойной», а она — чересчур упрямой. В итоге — мы подрались, и я ее прогнала.

А еще, судя по всему, не только я магией запретила ей приближаться ко мне. Но и сама академия «решила», что раз вот этому студенту (в моем лице) вот это вот существо, пусть и магическое, вредит, значит, существу тут не место. Поэтому, если в городе Феррана могла хотя бы следить и наблюдать за мной, то на территорию академии ей теперь вообще был закрыт любой проход. Защита «Истона» не пускала ее.

Моего прадеда эта ситуация не устроила. И он стал искать другие способы защитить меня от всяких желающих обратить свое внимание на потенциальную и сильную одаренную. И нашел.

Как именно он вышел на Руслана и как именно они договорились, Руслан расписывать не стал, обойдя этот вопрос стороной. А я, понявшая, что в этом мире лучше быть чрезмерно любопытной, чем вежливо-понимающей и не вмешивающей не в свое дело, себе тут же мысленно сделала «зарубочку» узнать об этом все, что только смогу. И не только об этом.

Потому что вполне может оказаться, что то, что сегодня кажется «не моим делом», завтра окажется именно им.

Ну а дальше... А дальше следящая за мной Феррана попыталась помешать заключить мне контракт с Фирэллен. Но та предусмотрела такой вариант, потому что то ли знала, что около меня может летать фамильяр, то ли просто перестраховывалась. И ворон не смогла обобрать у меня договор в тот день около академии.

Затем до прадеда и Руслана через фамильяра дошла информация о том, что около меня постоянно очень подозрительная особа, которая мало того, что на половину ветала, так еще из клана Тайрэнна... А Руслан в тот момент как раз всеми силами пытался выйти оттуда.

Будь Тайрэнн на Земле, у Руслана это вряд ли получилось бы. Он бы его не отпустил. Не так как Тайрэнн рано вернулся в Акрл, а мой прадед сам перевертыш и способен принять у инициированного вторую инициацию... В общем, пока я за лето обучалась общению с растениями, Руслан учился превращаться в кота. И, совершив полноценный оборот в новый для себя облик, сменил клан.

— Значит, ты теперь Руслан Талион? Звучит не очень...

— Ну, тебе не угодишь, — рассмеялся Руслан. — А Руслан Эра, значит, звучит?

— Ну, вообще-то да. По лучше.

— Эх! Нет, чтобы порадоваться за меня! Что я выбрался из-под влияния Тайрэнна...

— Ты попал под влияние моего прадеда. Судя по его методам и фамильяру, что-то мне подсказывает, что он не многим лучше.

— Возможно. Но в отличие от Тайрэнна или этого золотистого полуальва... Как его там... Сэма! Вот в отличие от них, и я, и ты его интересуем не только, как батарейки, — сам того не зная, прошелся по живому Руслан, и я не нашла, что возразить. Возможно, потому что эти слова «били» в самое больное и озвучивали самые главные страхи.

А что, если я правда для Сэма только батарейка? Была ей и есть она? А все это, что мне там почувствовалось — это только мне и почувствовалось.

По крайней мере, Сэм мне не давал повода думать иначе. А все мои догадки и идеи... Они ведь только мои.

И от этого было горько.

Но выдавать себя Руслану я совсем-совсем не хотела. Поэтому сменила тему как можно скорее:

— Получается, став котом и пройдя сегодня первым же порталом в Акрл, ты сразу поспешил в «Истон», да? И в библиотеке я краем глаза видела твой пушистый хвост?

— Что? — Руслан удивленно уставился на меня. — Нет, это был не я, — категорично заявил он.

— Ну, возможно, мне показалось. Я до сих пор не уверена, что именно видела, — скрывая улыбкой ложь, отшутилась я, чувствуя, как по спине ледяной волной сбегает мурашки. Может, у меня развилась самая что ни есть паранойя, а, может, я была права в своих внезапных догадках, но после виверны, которую в подземелье держали, кажется, для меня, я была уверена, что утренние «мелькания» серого кота — это было совсем не случайно. — И что было дальше?

— Да ты уже все знаешь. У портала, — продолжил Руслан, — меня встретила Феррана, и мы сразу же поспешили в оранжерею, потому что по приказу твоего деда, тебя надо было в любом случае первым же делом забрать оттуда. Он был уверен, что эта Фирэллен что-то задумала. Он что-то про нее узнал особенное. Но что это, мне не рассказал, извини... В кафе

же нам сказали, где тебя найти, показали ход в оранжерею. Но там был полный дурдом. Просто жуть. Мы испугались с Ферраной, поняли, что опоздали. Спускаться в низ через черный ход не стали, так как Феррана знала главный вход туда. И лучше было зайти через него, чтобы не наткнуться на ловушки. Ну, нас пропустили, как, типо, гостей... А там... Ну дальше ты уже знаешь. Смотрим, ты идешь. И какая-то странная. Я не понял, а Феррана сразу заметила веревочку у тебя на руке. Сказала — на них чары иллюзии. Ну мы ее срывать, а ты по нам... А потом — в обморок. Потом засияла... Ну а дальше — все затряслось, и мы с тобой побежали к выходу... Собственно, все.

— Ага, все... Только я не поняла, а почему я не вижу фамильяра сейчас?

— Твоя защита ее к тебе не подпускает.

— О! И как же мне это отменить?

— Как тебе вернуть фамильяра, которого ты не хочешь возвращать? — уточнил Руслан.

И я кивнула. Он был прав. Несмотря на все, что я теперь знала про эту птицу, доверия к ней у меня не было.

— По-хорошему, вам бы с ней все-таки просто помириться. Но это, судя по всему, будет очень сложно сделать. Твой дед это предугадал и придумал решение, которое все исправит. А, заодно, которое сделает тебя недостижимой для Эра, Нертов, Льесов и еще фиг знает кого. Правда, ты можешь отказаться. Тут все совершенно добровольно, — зачастил парень, краснея с каждым словом все сильнее и сильнее.

— Руслан! Я уже поняла, что это какое-то сомнительное предложение. Так что он придумал?

— Ну... Я бы не сказал, что оно прям сомнительное...

— Руслан?

— Но ты права. Это предложение... Ты должна стать моей женой! — на одном дыхании выпалил он.

— Что? — выкрикнула я в тот момент, как карета остановилась.

— Формально! — уточнил Руслан, закрываясь от меня защитным взмахом рук. — Совершенно формально, Тань! Только ради клана, честно!

Закашлявшись от неожиданности, я уставилась на раскрасневшегося парня. Но сказать, что именно думаю по этому поводу, не успела. Лакей как раз распахнул дверь, предлагая нам выйти наружу.

Повинуясь привычкам и воспитанию, я не стала говорить при лакее все, что думаю про такую восхитительную идею. Хотя, судя по тому, как быстро Руслан выскочил из кареты, и как сильно при этом избегал смотреть мне в глаза, выражение моего лица говорило за меня.

Вот надо же, что удумали эти двое! Мой прадед и Руслан.

Мало того, что одного из них я совсем не знаю, кроме того, что у него есть очень вредный фамильяр, а второй — один из тех, кто уже как-то принимал участие в сомнительной аванюре Сэма. Так они еще умудрились сговориться и меня между собой «сговорить»!

Ну и как это назвать, чтобы цензурно?

Но, выйдя из кареты, я на время забыла свой гнев. Да что там гнев и какие-то сомнительные идеи. Я забыла, как дышать! Потому что была и оглушена, и ослеплена увиденным и услышанным.

Никогда еще не видела академию такой, как сегодня!

«Истон» и до этого считался одним из самых красивейших мест в Аккле. Но сейчас

здесь что-то неуловимо изменилось. И это было не только из-за того, что окна центральной и самой высокой башни теперь сияли, а свет, что лился из них, был похож на искрящуюся радугу.

Теперь вся академия словно умылась. Будто кто-то усилил ее цвета, их четкость, чистоту и насыщенность. Убрал серую «грязь», которая до этого незримо присутствовала всюду. А еще добавил перламутрового отблеска, сделав видимой «пузырь» защиты вокруг нее. И из-за этого казалось, будто перед нами сверкает и переливается перламутром огромная жемчужина, внутри которой, как внутри игрушечного шара, живет своей жизнью сказочный дворец.

А вокруг этого дворца сейчас летало какое-то просто невообразимое количество карет, запряженных пегасами, всадниках на одиноких конях, нефилимов, на их прозрачных энергетических крыльях, ну и, конечно же, драконов, в их огромных боевых формах, и, кого я впервые видела, юрких гибких драконниц.

В общем, просто огромное количество народа.

Не меньше народа было и на площади прибытия перед дворцом, на которой сейчас были и мы. Целые толпы приехавших, прилетевших и телепортировавшихся студентов всех возрастов, полов и рас, с шумом и настоящим гвалтом выражали радость от встречи друг с другом и от того, что видели перед собой. Без сомнения, изменения в академии были для них главной волнующей темой.

Правда, дословно я эти разговоры понять не могла. Браслетов-переводчиков на руке больше не было, поэтому все, что я слышала — это только неизвестную мне мелодичную-певучую речь. Но, судя по тому, как многие не стесняясь тыкали пальцами в сторону ректорской башни, а еще передавали из рук в руки какие-то газеты с непонятными мне заголовками, но с фотографиями Сэма и примы ректора Анны, понять, о чем возбужденно толкуют студенты, было не сложно.

И что-то мне подсказывало, что, если бы Сэм дальше опасался за свою свободу и жизнь, фотографироваться бы он не стал.

Наверное, я должна была порадоваться за него. Он невиновен? Ура!

Но на сердце от увиденных фотографий в газетах, которые во все стороны вертели кучки студентов рядом, стало очень тоскливо.

Получается, Сэм теперь снова станет Нертом. А я? Как свежесозданный друид пойду за ним в этот клан «прицепом», чтобы там моя магическая свобода и сила принадлежала их нынешнему главе? Или?

А ведь Фирэллен тоже часть этого клана. И в нем, насколько я помнила из прочитанного, конечно, много рас, но предпочтение всегда отдавалось альвам.

То есть, мало того, что Фирэллен предположительно хотела меня убить, она еще может быть в этом клане надо мной кем-то вроде начальника? Какая сомнительная для меня честь...

Еще был клан Ора, к которому относился Тайрэнн и Айрана. В этом клане были и люди. Но Руслан не просто так оттуда сбежал. Да и не рассматривала я их клан как вариант даже изначально. А уж теперь-то, после какой-то сомнительной подставы от Айраны...

Еще мне на волне всех этих магических перестановок можно было попробовать снова перезаключить договор с примой ректором. Но кто знает, кто сейчас будет главой академии. И стоит ли мне рассчитывать на Льесов.

Все это время этот клан оставался для меня в стороне. Но что я знаю про них? Только

то, что именно они главные соперники Нертов в войне за власть в этом мире. И что однозначных победителей между ними в этом противостоянии не было очень давно. А, значит, эти кланы стоят друг друга.

Вот и получалось, что выбора-то у меня нет. Остаться свободным друидом все равно не дадут.

— Что я должна сделать, чтобы согласиться на твое формальное предложение и стать частью клана Талион? — тихо спросила я, особо не надеясь, что в царящем вокруг шуме буду услышана Русланом.

Но он, стоящий рядом и, как и я, вертящий головой во все стороны, чтобы лучше рассмотреть академию и студентов, услышал сразу же.

— Ничего. В твоём случае просто искренне захотеть. Если бы ты оставался простой одаренной, то да, были бы трудности. Но так как сейчас ты — «новорожденный» маг с чистой одноцветной аурой, то для таких вещей достаточно только твоего искреннего желания. Ну и чтобы глава клана, к которому ты относишься сейчас, не был против.

— И как я узнаю, против ли он?

— Он? — Руслан удивленно дернул бровями. — А разве ты заключала договор не с прямой ректором? Ведь твой глава, получается, она.

— Это нюансы, — пожалала я плечами, не собираясь вдаваться в подробности. Да и не хотелось мне, чтобы хоть кто-нибудь знал о том, что все это время я, по сути, «принадлежала» Сэму.

— Ну желание примы ректора влиять на тебя очень легко проверить. Скажи, ты хочешь быть частью клана Талион?

— Хочу.

— А моей женой?

Я уставилась на парня, даже не скрывая иронию во взгляде.

— Формальной! — тут же подправил он.

— Формальной хочу, — кивнула я.

И увидела, как ему на плечо мягко уселась громадная черная птица. Феррана же в ответ на мое внимание склонила голову на бок, издав многозначительный «Карр!».

— Ну вот! — усмехнулся Руслан, показывая на нее. — Вот и ответ, против ли твой глава. Как видишь, не против. Так что... Добро пожаловать в семью, жена, — улыбка парня стала еще шире, мне же захотелось закатить глаза. — Правда, роспись поставить все-таки придется, — и он достал из кармана джинс сложенный в несколько раз лист бумаги и обычную автоматическую ручку. Расправил лист формата А4. — Вот здесь и здесь, — ткнул пальцем в нужные места.

Быстро пробежавшись глазами по простому документу из нескольких фраз, в которых кем-то уже было написано, что я принимаю предложение Руслана и на основании этого вхожу теперь в клан Талион, я уверенно поставила нужные закорючки. Весь договор на мгновение мигнул белым — и снова стал обычным на первый взгляд листом.

— Дело сделано, — Руслан еще шире улыбнулся, но в его улыбке мне послышалась грусть. — А теперь, жена, скажи мне, где мы будем жить? А то я как-то устал за утро. И совсем не отказался бы от поест и поспать.

— Эм-м-м, — многозначно протянула я, как-то не находясь с ответом. — А какие есть варианты?

Конец

